

LITHUANIAN UNIVERSITY OF EDUCATIONAL SCIENCES

Marija Birney

**THE REALM OF *WATER* IN
I. BUNIN'S PROSE
(A LINGUISTIC AND COGNITIVE
ANALYSIS)**

DOCTORAL DISSERTATION

HUMANITIES, PHILOLOGY (04 H)

Vilnius, 2016

LITHUANIAN UNIVERSITY OF EDUCATIONAL SCIENCES
FACULTY OF PHILOLOGY
DEPARTMENT OF RUSSIAN PHILOLOGY AND INTERCULTURAL
COMMUNICATION

Marija Birney

**THE REALM OF WATER IN
I. BUNIN'S PROSE
(A LINGUISTIC AND COGNITIVE
ANALYSIS)**

Doctoral Dissertation
Humanities, Philology (04 H)

Vilnius, 2016

The Doctoral Dissertation was prepared during the period of 2002–2014 at the Lithuanian University of Educational Sciences and is defended externally.

Scientific consultant:

Assoc. Prof. Dr. Danutė Sabromienė (Lithuanian University of Educational Sciences, Humanities, Philology – 04 H)

© Marija Birney, 2016

© Lietuvos edukologijos universiteto leidykla, 2016

LIETUVOS EDUKOLOGIJOS UNIVERSITETAS
FILOLOGIJOS FAKULTETAS
RUSŲ FILOLOGIJOS IR TARPKULTŪRINĖS KOMUNIKACIJOS KATEDRA

Marija Birney

**VANDENS PASAULIS
I. BUNINO PROZOJE
(LINGVISTINĖ IR KOGNITYVINĖ
ANALIZĖ)**

Daktaro disertacija
Humanitariniai mokslai, filologija (04 H)

Vilnius, 2016

Disertacija rengta 2002–2014 metais Lietuvos edukologijos universitete ir ginama eksternu.

Mokslinė konsultantė:

Doc. dr. Danutė Sabromienė (Lietuvos edukologijos universitetas, humanitariniai mokslai, filologija – 04 H)

ЛИТОВСКИЙ ЭДУКОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА РУССКОЙ ФИЛОЛОГИИ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
КОММУНИКАЦИИ

Мария Бирней

**МИР ВОДЫ В ПРОЗЕ
И. БУНИНА
(ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ
АНАЛИЗ)**

Докторская диссертация
Гуманитарные науки, филология (04 Н)

Вильнюс, 2016

Диссертация выполнена в Литовском эдукологическом университете в период с 2002 по 2014 г. и защищается экстерном.

Научный консультант:

Доц. д-р Дануте Сабромене (Литовский эдукологический университет, гуманитарные науки, филология – 04 Н)

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	9
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СОВРЕМЕННЫХ СЕМАНТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ	20
1.1. Характеристика общего контекста парадигмы современных исследований по семантике	20
1.2. Лингвокогнитивный подход к языку как способ изучения концептуальных смыслов	23
1.3. Концепт как инструментальная единица семантических исследований и методы его реконструкции	27
1.4. Выводы	38
ГЛАВА II. «ВОДА» КАК УНИВЕРСАЛЬНЫЙ СИМВОЛ И КОНЦЕПТ КУЛЬТУРЫ	39
2.1. Концепт «вода» как объект анализа в языке и культуре: исторический экскурс.....	39
2.2. <i>Вода</i> в современных когнитивных исследованиях. Принципы анализа, принятые в работе	48
2.3. Выводы	52
ГЛАВА III. <i>ВОДА</i> В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И ИДИОЛЕКТЕ И. БУНИНА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗАИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ)	56
3.1. <i>Вода</i> в русской лексикографии	56
3.2. Грамматика <i>воды</i> как принцип разграничения значений лексемы	63
3.3. Семантическая структура <i>воды</i> и описание ее «языкового мира» в прозаических текстах И. Бунина	67
3.3.1. <i>Вода-жидкость</i>	68
3.3.2. <i>Вода-пространство</i>	80
3.3.3. <i>Вода-стихия</i>	90
3.3.4. <i>Вода</i> как символ амбивалентных начал	94
3.4. Выводы	103

ГЛАВА IV. КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ «ВОДЫ» В ИДИОЛЕКТЕ И. БУНИНА.....	107
4.1. <i>Вода</i> как субстанция	111
4.2. <i>Вода</i> как пространство	117
4.3. Выводы	126
ГЛАВА V. СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ВОДА» КАК СРЕДСТВО ОБЪЕКТИВАЦИИ «ВОДНОГО МИРА» В ТВОРЧЕСТВЕ И. БУНИНА	131
5.1. Полевая модель современных лингвокогнитивных исследований русской языковой картины мира.....	131
5.2. Общая характеристика семантического поля «Вода» и его системная организация у И. Бунина: тематические группы (ТГ).....	136
5.2.1. ТГ «Свойства воды»	138
5.2.2. ТГ «Топология воды»	152
5.2.3. ТГ «Поверхность воды и ее характеристика».....	155
5.2.4. ТГ «Способы бытия воды в природе»	158
5.2.5. ТГ «Водоемы и их части»	161
5.2.6. ТГ «Гидронимы и их география»	163
5.2.7. ТГ «Характер и особенности движения воды»	164
5.2.8. ТГ «Характер и особенность действий, совершаемых водой»	166
5.2.9. ТГ «Характерные действия, связанные с использованием воды»	167
5.2.10. ТГ «Физические состояния, в которых пребывает вода».....	168
5.3. Метафорические потенции членов семантического поля «Вода». <i>Вода</i> и ее аналоги как метафоризатора	170
5.4. Выводы	175
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	179
БИБЛИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ.....	183
СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ И ОБОЗНАЧЕНИЙ	197

ВВЕДЕНИЕ

Рубеж XX-XXI веков в лингвистике характеризуется бурным интересом к изучению человеческого фактора в языке, что ведет к смене научной парадигмы лингвистических исследований. Смещение акцентов в современных лингвистических теориях связано с тем, что язык перестает рассматриваться как имманентная система: эпоху структурализма и структуралистского подхода в изучении языка с его акцентом на имманентность правил и законов языковой системы сменяет функционализм. В его парадигме изучение языковых явлений естественным образом встраивается в контекст когнитивной деятельности человека. Формируется представление о языке как системе, в центре которой стоит человек. Объясняется это тем, что язык, во-первых, антропоцентричен по своей природе: «человек запечатлел в языке свой физический облик, свои внутренние состояния, свои эмоции, свое отношение к предметному и не-предметному миру» (Арутюнова, 1999, 3). Во-вторых, совершенно очевидно, что язык, будучи инструментом познания, одновременно характеризуется и функциональностью, выполняя коммуникативную функцию в процессе социального общения.

Отличающий современную лингвистику антропоцентрический подход к языку, а также ориентация современных гуманитарных исследований на смысловую часть языкового знака, вовлекает в сферу своих интересов когнитивные, культурологические, этнологические, концептологические проблемы. В этой связи современные исследования по семантике не ограничиваются изучением собственно лингвистики языковых единиц, их внутрисистемных связей и отношений. Современная семантика, расширяя пределы своих интересов, обращается к проблемам изучения способов языковой концептуализации мира человеком. Семантика в сферу изучаемых ею проблем также включает исследование базовых и лингвоспецифических концептов как отражающих концептосферу конкретного этноса ментальных образований, которые формируют картину мира той или иной нации.

Настоящее диссертационное исследование посвящено описанию семантики *воды* в прозе И. Бунина. Оно следует современным, осуществляющимся с позиций антропоцентризма и функционализма семантическим исследованиям, которые обращаются к «полевому подходу» как инструменту систематизации языкового материала. Основанная на методологическом принципе «инте-

гральности» работа носит лингвокогнитивный характер, предполагающий описание семантики имени *вода* в совокупности его логической структуры и сублогического (концептуального) содержания. Исследование проводится с опорой на понятие «языковая картина мира» (Апресян, 2005, 4).

Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью творческого наследия И. Бунина в аспекте авторского самовыражения и авторских концептов¹, необходимостью интегрированного описания языка писателя и лингвистической потребностью в исследовании концепта «вода» – одного из базовых фрагментов авторской картины мира – с целью глубинного постижения смысловой структуры художественного пространства текстов бунинской прозы.

Актуальность исследования видится нам и в том, что демонстрируется возможность интегративного описания языковой подсистемы – от лексики, семантики, синтаксиса осуществляется переход к стоящим за ними когнитивным структурам знания, а от них – к когнитивным механизмам творческой деятельности художника слова. Исследования такого рода открывают, как нам представляется, новые возможности и методологию когнитивных исследований.

Новизна исследования. Личность и творческое наследие И. Бунина достаточно широко описано в трудах по литературоведению², менее изучено в лингвистическом аспекте³, а также значительно по количеству исследований представлено в практике освоения авторской лексикографии⁴. Тем не менее,

¹ Совершенно очевидно, что библиотека буниноведения обширна и включает богатый, с завидным постоянством обновляющийся, исследовательский материал, отражающий разные аспекты творческого наследия писателя. Тем не менее, несмотря на высокую степень изученности авторского наследия и заметно возросший интерес филологического мира к творчеству И. Бунина, на сегодняшний день, насколько нам известно, анализу подвергались всего лишь некоторые, отображающие авторское видение мира концепты, такие, как *жизнь, смерть, природа, пейзаж, человек, запах*. Вместе с тем на данный момент в буниноведении, насколько нам известно, нет работ, посвященных проблематике воплощения в авторской языковой картине мира концепта «вода», являющегося одной из констант как русской, так и мировой культуры.

² См.: А. К. Бабореко 1967, 2004; В. Н. Муромцева-Бунина 1987; Г. Н. Кузнецова 2006, А. Бахрах 1979/2000; Р. С. Спивак 1966; В. И. Афанасьев 1966; Л. Н. Назарова 1971; О. Н. Михайлов 1967, 1976; «Литературное наследство» Т. 84, 1973; James V. Woodward 1980; В. А. Гейдеко 1987; Г. Б. Курляндская 1991; Ю. Мальцев 1994; Т. В. Саськова 1997; Т. Э. Сафронова 2000; М. Д. Шраер 2000; Антология «И. А. Бунин: pro et contra» 2001; Б. В. Аверин 2003; Н. Б. Зарникова 2003; О. В. Сливцкая 2004; И. В. Щербицкая 2007, 2008; Т. Ю. Зими́на-Дырда 2010, 2011; Н. Г. Мельников 2010.

³ См.: И. М. Курносова 1995, 1997; Л. А. Колобаева 1998; И. А. Морозова 1999; Н. А. Родионова 1999; Д. Н. Иванова 2004; Т. В. Латкина 2006; М. А. Фокина 2007, Н. В. Богданова 2010; О. А. Мещерякова 2011, О. В. Руднева 2011 и др.

⁴ См.: Краснянский В. В. «Словарь эпитетов языка И. Бунина» 2006, 2008; Васильев А. И. «Фразеологический словарь языка И.А. Бунина» 2011; Курносова И. М. «Словарь народного языка произведений И.А. Бунина» 2006; Гребенников О.А. «Частотный словарь рассказов И. А. Бунина» 2012.

несмотря на колоссальный опыт научных изысканий, посвященных языку, художественной системе в целом и отдельным текстам автора в частности, творческое наследие писателя практически, насколько нам известно, не исследовалось с точки зрения лингвоконцептологии (Руднева 2007, 2011; Латкина, 2006, 2009; Письменная 2010). Новизна исследования, таким образом, определяется тем, что концепт «вода» в прозе И. Бунина ранее не становился предметом отдельного изучения, несмотря на его значимость как для языковой картины мира в целом, так и для ее авторско-речевой реализации. Равным образом новым является и предпринятая совокупность методов исследования, что обусловлено поставленными задачами – осуществить переход от подробнейшего описания лексико-грамматической микросистемы (от слова и его синтаксических и морфологических свойств) к когнитивным механизмам творчества писателя. Теоретическая новизна работы связана с иным представлением концепта, где, наряду с понятийной (логической) частью значения и образно-перцептивными и оценочными слоями, выделяется еще один глубинный слой – уровень семантических (актантных) ролей *воды* в глубинно-семантической структуре соответствующих высказываний, который, собственно, и определяет семантическую структуру имени. При этом сам концепт понимается как совокупность субконцептов, соотносимых с отдельными значениями лексемы.

Практическая значимость исследования. Модель описания, в лингвистике получившая название «реконструкции языковой картины мира», определяет практическую значимость исследования:

а) демонстрирует возможности дефинитивного анализа лексем, что может быть использовано как в лексикографической практике, так и в курсах лексикологии, семантики, когнитивной лингвистики;

б) показывает возможности перехода от синтаксического уровня языка к глубинным когнитивным структурам и вопросам концептуализации действительности, что может быть использовано в курсах когнитивной грамматики, в освоении наследия топологической семантики Л. Талми на почве литовской и русской лингвистики;

в) вносит определенный вклад в практику освоения авторской лексикографии⁵, поскольку создает базу для полного описания языка И. Бунина, и демонстрирует специфику творческого механизма деятельности писателя;

⁵ Нужно сказать, что большинство словарей языка И. Бунина появилось в XXI веке, что свидетельствует о неиссякаемом интересе к творчеству лауреата Нобелевской премии.

г) активизирует в научном обиходе идею глубинно-семантических структур, истоки которой восходят к глубинно-синтаксическим структурам Н. Хомского, и тем самым стимулирует возможные исследовательские пути в работах по концептологии и лексической семантике.

Объектом исследования является лексема *вода* в творчестве И. Бунина, создаваемое ею лексико-семантическое поле и выражаемая ее именем концептуальная структура.

Гипотеза исследования. Концепт «вода» играет в творчестве И. Бунина одну из основополагающих ролей, обуславливая как авторскую поэтику, так и концептуализацию действительности в целом, что отражено в языковой и концептуальной картине мира писателя. Гипотеза исследования сводится к следующим тезисам: 1) концепт «вода» организует особый «водный мир» в творчестве И. Бунина, позволяющий представить практически все сферы бытия человека, равно как философские воззрения писателя; 2) в силу своей значимости и использования в текстах как жанрового, так и философского характера, лексема *вода* может иметь несколько иную семантическую структуру, нежели та, что демонстрируется в традиционных лексикографических описаниях *воды* в русском языке.

Цель исследования – показать возможности установления специфики художественного мировосприятия, отраженные в прозе И. Бунина, на основе демонстрации когнитивных механизмов его творчества, действующих в области порождения «водного мира».

Задачи исследования. Достижение поставленной цели предполагает решение конкретных научно-исследовательских задач:

а) резюмировать основные положения, касающиеся реализации концепта «вода» в русском языке;

б) описать терминологический аппарат исследования, что предполагает обобщение методов когнитивных исследований в области картины мира и концептов как ее узловых точек и среди множества походов определить **свой**, интегрирующий собственно лингвистические методы и методы когнитивной семантики;

в) проанализировать лексикографическую практику представления *воды* в словарях и уточнить дефиниции, используя такое понятие когнитивной лингвистики, как «категория», понятие более высокого уровня абстракции при идентификации денотата слова;

г) подробно описать контексты употреблений лексемы *вода* в прозе И. Бунина, их семантико-грамматические особенности: грамматические формы,

сочетаемость, набор синонимов, аналогов, дериватов – то есть дать разностороннюю лингвистическую характеристику «водного мира» писателя; а также установить метафорические и символические приращения лексемы *вода* в авторских текстах;

д) определить содержание концептуальной структуры имени *вода*, реализующейся в прозе И. Бунина, для чего предложить четкое определение этого понятия, столь разнообразно толкуемого в лингвистических исследованиях; представить содержание концептуальной структуры имени *вода* в виде когнитивной модели;

е) построить и структурировать лексико-семантическое поле «Вода» как репрезентанта соответствующего концепта прозаических текстов И. Бунина.

Методы исследования. Для решения указанных задач избрана комплексная методика исследования, интегрирующая собственно лингвистические методы и методы когнитивной семантики.

Собственно лингвистические методы описания единиц языка: метод анализа дефиниций как один из видов компонентного анализа; анализ дистрибутивных характеристик слова; методы построения семантического поля как совокупности лексических единиц, упорядоченных по парадигматическим и синтагматическим связям; методы генеративной семантики по установлению глубинно-семантических ролей, приписываемых воде как «участнику ситуации действительности» в авторской картине мира.

Методы когнитивного анализа: описание метафорических значений и, таким образом, осуществление реконструкции чувственно-перцептивного слоя концепта; выделение символических значений на основе анализа дискурсов и соотнесения этих значений с метафизическими теориями различных направлений как путь к экспликации мировоззренческих установок автора на основе анализа его ключевых концептов; методы топологической семантики, в соответствии с которой денотату *воды* присваивается особый статус топологического объекта.

Соответственно цели и задачам исследования мы также используем методы картирования (графического представления когнитивных структур и их языковой репрезентации) и количественных подсчетов.

Материал исследования был собран путем сплошной выборки из прозы И. Бунина лексемы *вода* и всех взаимосвязанных с ней слов по принципу семантической близости и вхождения в дистрибутивное окружение этой лексемы.

Определение теоретической основы и методологии исследования. Теоретическую базу и методологию исследования определяют современные лингвокогнитивные исследования семантики языковых знаков. Развиваемый лингвокогнитивный подход семантических исследований исходит из положений о том, что в семантике языковых значений заключены представления о мире, отражение которых находит себя в явлении языковой картины мира. Поэтому в качестве теоретической основы данного исследования, выступает ряд когнитивно ориентированных семантических научных изысканий современных российских и западных ученых. Среди них работы Московской семантической школы (далее – МСШ), в парадигме которой под руководством академика Ю. Д. Апресяна разработана форма интегрального описания семантики языка. Являясь инструментом системной лексикографии, она представлена в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» (НОСС, 2004). Приведем основные положения этого словаря, поскольку они легли в значительной степени в основу нашего исследования.

Предлагая вниманию читателя второй выпуск этого словаря, автор говорит о главных теоретических принципах, на которых он строится. Их семь – активность, системность, интегральность, ориентация на отражение «наивной», или языковой, картины мира, использование специальных метаязыков для описания существенных свойств лексемы, комбинирование методов корпусной лексикографии и экспериментальной лингвистики, идиографичность. Нам представляются наиболее важными четыре – **активность, системность и интегральность**, а также **опора на отражение «наивной» картины мира**. «Принцип активности значит, что словарь должен содержать по возможности исчерпывающую информацию о каждой лексеме, необходимую не только для ее понимания в произвольном тексте, но и для правильного употребления в собственной речи говорящих <...> Принцип системности предполагает, что вся семантическая система языка покоится на едином каркасе повторяющихся, «сквозных» семантических оппозиций. В лексике они проявляют в том, что весь словарь сложным образом разбивается на многократно пересекающиеся классы лексем, обладающие какими-то общими свойствами <...> Принцип интегральности значит, что описание лексики данного языка должно быть максимально согласовано с описанием его «грамматики» в широком смысле слова, т. е. со сводом всех достаточно общих правил данного языка. В их число включаются, среди прочих, семантические, прагматические, коммуникативные и иные правила организации содержания текстов. Наконец, ориентация на

отражение «наивной», или языковой картины мира значит, что при описании <...> мы пытаемся увидеть в них определенный фрагмент некоего общего взгляда на мир, присущего данному языку» (Апресян, 2004, IX; также см.: Апресян, 2005, 3–30).

Мы также опираемся на исследования, направленные на изучение семантики языковых знаков и их значений с целью определения стоящих за ними концептуальных смыслов – ментальных образований перцептивно-когнитивного характера. К таковым относятся труды по концептуальному анализу Е. С. Кубряковой (Кубрякова, 2004), Л. О. Чернейко (Чернейко, 2010), а также работы, выполненные в рамках концепции Воронежской школы лингвистики, представленные в том числе исследованиями ее теоретика И. А. Стернина.

Вместе с тем в нашей работе мы принимаем и точку зрения Воронежской школы лингвистики (Попова, Стернин, 2007), следующей принципу репрезентации концепта уровнем семантического поля (далее – СП). Это мотивирует использование **полевой модели** как инструмента систематизации собранного языкового материала и средства демонстрации «водного мира» И. Бунина, организованного вокруг одноименного концепта.

К анализу привлекается теория топологических типов американского когнитолога Л. Талми (Talmy, 1983; 2003), поскольку «водный мир» в творчестве И. Бунина изображен во всем многообразии составляющих его элементов: быть поверхностью, по которой осуществляется движение сущностно важных для прозы писателя одушевленных и неодушевленных «персонажей»; быть вместилищем, являющимся средой жизни и смерти; быть местом, где происходят лично и культурно значимые события.

В исследовании мы также обращаемся к возникшему в рамках концепции «падежной грамматики» Ч. Филлмора (Fillmore, 1968, 1977) понятию «семантических ролей» как способу представления участника ситуации (иначе актанта), выраженного именем, при предикатном слове. Идея применения инвентаря семантических ролей, получившая свое развитие и в парадигме МСШ, к анализу *воды* позволяет представить ее концепт в виде более многомерной структуры, а именно – кроме наличия прагматических приращений, существования в нем глубинного слоя, отражающего представления о воде как участнике «мирового действия».

Не менее важным теоретическим посылом для нас является то, что язык художественной литературы, как и язык отдельного художественного текста, является **вторичной моделирующей системой**, настроенной над системой

языка естественного (Лотман, 1998, 33). Естественный язык как первичное явление одновременно является и средством концептуализации внеязыковой действительности и ее языковой моделью. Он также признается основой для формирования индивидуально-авторской модели мира со своей языковой спецификой. Поэтому отправной точкой исследования семантики *воды* становится естественный язык. Поскольку именно в нем отражены «наивные представления» о мире, закрепленные в значениях языковых единиц – в их семантике, формах, грамматических конструкциях, дериватах, сочетаемостных характеристиках, прагматической информации.

Немаловажную роль для изучения универсального понятия, каковым является концепт «вода» в языке и культуре, и его реконструкции в контексте бунинского мировоззрения сыграли теоретически близкие к МСШ исследования по анализу специфики русских культурных концептов, выполненные в духе группы «Логический анализ языка» (далее – ЛАЯ) Н. Д. Арутюновой, а также описанные в парадигме «Новомосковской школы концептуального анализа» (далее – НШКА) А. Д. Шмелева.

Наконец, в качестве справочного материала в нашем исследовании привлекались функционально-коммуникативные работы Г. А. Золотовой (напр., «Коммуникативная грамматика русского языка» 1998 и др.), М. В. Всеволодовой («Способы выражения пространственных отношений в русском языке» 2009 и др.), а также научные изыскания школы Функциональной грамматики, представленные работами ее теоретика А. В. Бондарко и его последователей в области полевых структур (напр., «Теория функциональной грамматики» 1996 и др.), равно как исследования в области русской лексикографии, представленные большим и малым академическими словарями русского языка (далее – БАС, МАС), а также «Новым объяснительным словарем синонимов русского языка» (далее – НОСС), «Активным словарем русского языка» под ред. Ю. Д. Апресяна (далее – АСРЯ), «Большим фразеологическим словарем русского языка» (далее – БФСРЯ) и др. В работе мы равным образом обращаемся к данным иноязычных толковых словарей и тезаурусов (*The American Heritage Dictionary of English Language, 2002; Collins English Dictionary, 1991; Random House Kernerman Webster's College Dictionary, 2010* и др.).

Говоря о построении работы, необходимо сказать, что мы во введении описываем методы, используемые в диссертации, а их обоснование предлагается несколько ниже, поскольку сформулированные принципы исследования вытекают из общего обзора и формулируются как вывод из уже

проделанного и изученного в этой области. Такая не совсем традиционная логика диссертационной структуры представляется наиболее приемлемой, так как каждая глава при таком построении непосредственно демонстрирует новизну исследования.

Эмпирическую базу исследования составила обширная картотека из более 2000 примеров, отобранных из 197 разнообразных по своей жанровой специфике текстов художественной прозы И. Бунина, в которых акцентируется и реализуется семантика *воды*. Являясь частью творческого наследия писателя, избранные для анализа тексты датируются 1887–1952 гг. их создания. Корпус вошедших для исследования прозаических текстов И. Бунина составили сборники новелл «Тень птицы» и «Темные аллеи», повести и рассказы «Митина любовь», «Братья», «Сны Чанга», «Господин из Сан-Франциско», «Ночь», «Солнечный удар» и др., а также лирические миниатюры, например, «Роза Иерихона» и лирико-философский автобиографический роман «Жизнь Арсеньева».

На защиту выносятся следующие положения диссертации:

1. В мире бунинских текстов «вода» выступает в качестве одного из основных его концептов, определяя поэтику авторской прозы и обладая мифопоэтическим содержанием, за которым прочитываются общие мировоззренческие установки писателя.
2. Обладая сложной структурой, концепт (или субконцепт, соотносимый с отдельным значением), помимо вычленяемых традиционно его уровней – понятийного, образно-перцептивного, оценочного – имеет и глубинный уровень существования. Этот уровень может быть представлен в терминах ролевой грамматики, а именно: глубинный слой концепта составляет семантический актанта – элемент глубинно-семантической структуры, заполнитель валентности при предикате. Семантический актанта отражает роль, приписываемую носителем языка денотату слова, обозначенного соответствующим именем (в нашем случае именем *вода*). Глубинно-семантическая роль имени влияет на его семантическую структуру.
3. Будучи репрезентированным на уровне языка СП, концепт «вода», с одной стороны, отражает особенности русской языковой картины мира, с другой – имеет ряд отличий. Эта специфика отражается в модификации состава и структуры поля в картине мира писателя – в большем числе организующих СП «Вода» составляющих его парадигм, единицы которых ранее не включались в полевые исследования одноименного концепта.

4. Своеобразие модификаций СП «Вода» в картине мира бунинской прозы наиболее ярко проявляется на образном уровне – в контексте метафорической концептуализации *воды*. Эта концептуализация в текстах прозаика конструируется как на основе его собственного художественного вкуса, так и на основе личностного опыта, связанного, в частности, с погружением в другие культуры. Мультикультурная составляющая метафорической концептуализации *воды* на уровне концептуального согласования и ассоциативно-коннотативных связей вносит определенные корректировки в состав и структуру СП «Вода».

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования обсуждались на научных конференциях и семинарах, в рамках программ которых по тематике диссертации были представлены следующие сообщения:

1. Бирней М. *Средства и способы экспликации категории пространства в «океанской трилогии» И. Бунина*. VII международная научная конференция «Художественный текст: осмысление, анализ, интерпретация в контексте межкультурной коммуникации». Вильнюс: Вильнюсский педагогический университет, 27–29 апреля 2006 г.
2. Бирней М. *Контекст лексемы вода и ее синонимов в диалекте И. Бунина*. VIII международная научная конференция «Художественный текст: языковые и литературные связи балтов и славян». Вильнюс: Вильнюсский педагогический университет, 17–19 апреля 2008 г.
3. Бирней М. *Реализация общекультурного концепта «вода» в прозе И. Бунина*. III международная научная конференция «Идентитет на пересечении культур». Вильнюс: Литовский этнокологический университет, 15–16 октября 2014 г.
4. Бирней М. *Концептуализация лексемы «вода» в прозе И. Бунина*. Межвузовский докторантский семинар «Мастерские докторантов-лингвистов: исследования, проблемы и открытия». Вильнюс: Вильнюсский университет, 6 июня 2014 г.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Бирней, М. (2003). Синтагматика категории пространства и времени в рассказе И. Бунина «Легкое дыхание». *Žmogus ir žodis. Svetimosios kalbos*. 5 (3), 75–84.
2. Бирней, М. (2004). Семантическое измерение пространства рассказа И. Бунина «Господин из Сан-Франциско». *Meninis tekstas: Suvokimas. Analizė. Interpretacija*. 4, 107–119.

3. Бирней, М. (2005). Языковые средства формирования пространства в рассказе И. Бунина «Господин из Сан-Франциско». *Žmogus ir žodis. Svetimosios kalbos*. 7 (3), 76–84.
4. Бирней, М., Сабромене, Д. (2014). Концептуализация лексемы «вода» в прозе И. Бунина. *Žmogus ir žodis. Svetimosios kalbos*. 16 (3), 6–25.

Структура работы. Работа состоит из Введения, пяти глав, сопровождающихся Выводами, Заключения, списка Библиографии и Источников, в совокупности составляющих более 250 наименований научной литературы и лексикографических изданий, а также перечня Условных сокращений и обозначений, использованных в диссертации.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СОВРЕМЕННЫХ СЕМАНТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ

1.1. Характеристика общего контекста парадигмы современных исследований по семантике

Господствующее в лингвистике XX в. системно-структурное направление в последней трети столетия постепенно замещается функциональным подходом, в процессах исследования языка опирающимся не на форму, а на функцию (семантику) языкового знака (Норман 1994; Бондарко 1996, 2002, 2011; Гак 1996; Рахилина 1996; Золотова 1988/2001, 1998, 2002, 2004, 2009; Онипенко 2001; Всеволодова 2001, 2005а, 2005б, 2009, 2010; Мустайоки 2006 и др.). Вместе с тем смена научной парадигмы в лингвистике сопрягается с признанием приоритета личностного начала в языке и его актуализацией в исследованиях гуманитарной науки. По утверждению Е. С. Кубряковой, антропоцентризм и функционализм осознаются главными принципами современной парадигмы лингвистического знания (Кубрякова, 1995, 206–230).

Опора на мыслящего, чувствующего, говорящего субъекта в процессах описания языковых явлений, равно как ориентация лингвистических исследований на означаемое языкового знака предопределяют движение лингвистической науки к семантике в самом широком смысле. В 70-е годы прошлого века наблюдается тенденция по возрождению идей Г. Фреге – в научный обиход широко вводится понятие денотата языкового знака (Гак, Падучева), а позднее – понятие денотативного пространства («мир или фрагмент мира, которому принадлежит объект, обозначаемый посредством некоторого языкового выражения» (Шмелев 1997, 11), в сущности, коррелирующее с понятием фрейма в когнитивной лингвистике. Если раньше, отмечает Е. В. Падучева, действительность включалась в исследования языковых выражений в рамках лингвистической теории референции, то сейчас обращение лексической семантики к внеязыковой действительности при описании значений языка становится принципиальным (Падучева, 2009, 637). На необходимость описания языковых значений «как более или менее непосредственного отражения фактов действительности», но «не прямо, а через отсылки к определенным деталям наивной модели мира», также указывает и Ю. Д. Апресян (Апресян, 1995в, 359, 630). В результате воз-

вращения к идеям денотата и сигнификата Г. Фреге возникают новые подходы к изучению значений – денотативная семантика ориентируется на изучение лексических значений, а смысл, сигнификат становятся основой исследований ментальной единицы, получившей в когнитивной лингвистике имя «концепт». Терминологический аппарат лингвистических исследований пополняется такой терминологией, как *концепт*, *концептуализация* и *языковая картина мира*, что в научной практике лингвистической науки ведет к появлению новых направлений и школ, в парадигмах которых формируются и новые, когнитивно ориентированные методики и модели анализа языка, описания его семантики, а также лексики и грамматики.

Совершенно очевидно, что многие перспективные идеи и подходы современного языкознания можно и должно связать с именами Дж. Лакоффа (Lakoff, Johnson, 1980/2008; Лакофф, 2004), Р. Джакендоффа (Jackendoff, 1983; 1996), Р. Лангакера (Langacker, 1987; 1991a, 1991b), Л. Талми (Talmy, 1983; 2003), А. Вежбицкой (Wierzbicka, 1991; Вежбицкая, 1999; 2001a; 2001b; 2002; 2008; 2011), Л. Янды (Janda, 2002), традиционно причисляемых именно к когнитивной семантике, существующей в рамках более широкой области – когнитивной лингвистики. В целом в их работах многие проблемы, существующие в парадигме когнитивной лингвистики, получают теоретическое обоснование. В частности, к таковым относится разработка метаязыка семантических описаний и исследование универсальных и лингво-специфических концептов языка А. Вежбицкой, изучение «проецирования» (projected world), «схематизации» или «конвенционализации» реальной действительности и ее отражение в семантике естественного языка в форме той или иной модели языковой картины мира Р. Джакендоффа, Л. Талми, Р. Лангакера, обоснование правил метафорических переносов и метонимических сдвигов в семантике слов как способов описания организации их значений Дж. Лакоффа. Нельзя не отметить, что в современной науке решению озвученных задач также посвящены работы российских лингвистов. Среди них исследования представителей МСШ и ее теоретика Ю. Д. Апресяна по реконструкции языковой картины мира и системной лексикографии (Апресян, 1995а, 1995б, 1995в, 1995г, 2004а, 2004б, 2005, 2006, 2009, 2010; Урысон, 1998, 2003, 2011 и др.); идейно близкие к этой школе работы по семантике (Кустова, 2000; Рахилина, 1999, 2010а, 2010б; Ляшевская, 2004 и др.); научные изыскания школы «концептуального анализа»⁶ по описанию культурных концептов, пред-

⁶ Термин заимствован в работе Е. В. Рахилиной «Когнитивный анализ предметных имен: семантика и

ставленные многочисленными сборниками серии «Логический анализ языка» под редакцией Н. Д. Арутюновой (ЛАЯ, 2000; 2002; 2003 и др.); труды НШКА А. Д. Шмелева по ключевым концептам русской культуры (Шмелев и др., 2005; 2012); лингво-когнитивные исследования Воронежской школы и развиваемой ими методики описания концептов (Попова, Стернин, 2007); отдельные работы Анны Зализняк по теории многозначности, модель описания которой базируется на концептуальной схеме, обеспечивающей единство слова (Зализняк, 2013). В этой связи считаем необходимым отметить следующее. Несмотря на то, что названные школы и отдельные научные изыскания российских лингвистов, вне всякого сомнения, когнитивно ориентированы, многие из них, тем не менее, термином «когнитивный» для тех же процедур семантических исследований традиционно не пользуются⁷.

В настоящее время «когнитивные идеи», связанные с процедурой описания языковой картины мира и концептов как реконструкции определенных знаний человека, набирают силу и в практике представителей лингвистической науки Литвы. В частности, исследованию подвергаются (часто в типологической перспективе) способы концептуализации конкретных и абстрактных понятий и явлений в литовском языке (Racevičiūtė, 2002; Būdvydytė, Toileikienė, 2003; Drukteinytė, 2003; Papaurėlytė-Klovienė, 2004a, 2004b, 2005; Cibulskienė, 2005, 2006; Būdvydytė, 2005; Černiauskaitė, 2005; Aliūkaitė, I. Šorochova, 2006; Juzelėnienė, 2003, 2007; Arcimavičienė, 2009, 2010; Dervinytė, 2009; Gudavičius, 2011; Ruškys, 2011; Русецкая, 2012a, 2012b; Киров, Русецкая, 2012, 2013). Кроме названного, в работах Э. Лассан (Лассан, 2002, 2008, 2010) особое внимание уделяется русской лингвистической концептологии – исследованию обусловленных культурой, специфических для русской ментальности концептов.

Важно подчеркнуть, что интерес к изучению концептов как семантическому образованию, отображающему национальное мировидение и формирующему языковую картину мира конкретного этноса, также мотивирует появление нового типа словарей. Их специфика заключается в принципе идеографического

сочетаемость» (Рахилина, 2010a, 19).

⁷ Процедура описания языковой картины мира, отмечает Е. В. Рахилина, непосредственно связана с реконструкцией определенной подсистемы знаний человека, поэтому ее часто называют когнитивным анализом (или когнитивной семантикой) (Рахилина, 2010a, 18). Тем не менее в трудах МСШ и Ю. Д. Апресяна, также как во многих других исследованиях российских лингвистов, в работах которых приоритетной становится задача реконструкции и построения языковой картины мира и составляющих ее частей – концептов, термин «когнитивный» не является общепринятым и используется сравнительно редко. Говоря о российской лингвистике в целом и семантике в частности, то термином «когнитивный» в исследованиях языковых явлений широко пользуются, напр., Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, А. Е. Кибрик и др.

построения, направленного на отображение «концептуария» данной культуры. В русской лексикографической практике, например, появляются словари (Ю. С. Степанов, 2004; И. В. Захарченко, В. В. Красных, Д. Б. Гудкова, 2004; В. И. Карасик, И. А. Стернин, 2005; Л. Г. Бабенко, 2010), предлагающие описание концептуальных феноменов, которые репрезентируют русское культурное пространство.

Наконец, современная лингвистика не подвергает сомнению утверждение о том, отмечает М. В. Всеволодова (Всеволодова, 2005а, 30), что любой язык как общечеловеческое явление характеризуется тем, что имеет полевою структуру. Идеи, идущие от Й. Трира и В. Порцига (первые десятилетия XX в.), признаются во многих лингвистических школах, а основополагающим принципом организации и структуризации семантического пространства языка в современном языкознании становится «полевой подход»⁸. Полевая методика описания языкового материала позволяет по-новому взглянуть на устройство языка и его грамматических категорий, увидеть полевою структуру в концептуальной организации мира, то есть в организации концептов в частности (Скляревская 1993; Гришина 2002; Галдин 2006; Попова, Стернин 2007).

1.2. Лингвокогнитивный подход к языку как способ изучения концептуальных смыслов

То значение, которое принимает «человеческий фактор» в современных исследованиях языка, а также моделирование нового научного подхода, во главу угла ставящего задачу семантического описания языка, становятся предпосылками формирования нового лингвокогнитивного направления в лингвистике. Новый подход, используя лингвистические методы для исследования семантики языковых единиц, целью своей ставит изучение концептуальных смыслов. Иначе говоря, изучение семантики языковых знаков позволяет получить доступ к когнитивным структурам знания, то есть к стоящим за ними концептам.

Саму сущность лингвокогнитивного подхода языковых исследований наглядно иллюстрирует тезис Л. О. Чернейко: «когнитивная лингвистика не что иное, как торжество семантики без ее разграничения на лингвистическую и

⁸ В монографии Г. С. Шура «Теории поля в лингвистике» подробно представлен анализ концепций «полевого подхода», существующих в науке о языке (Шур, 2009).

экстралингвистическую» (Чернейко, 2001, 41). Если традиционная лингвистика изучает системное устройство языка – его строевые единицы и структуры, – то предметом изучения когнитивной лингвистики становится семантика единиц (по сути, их значение), в языке представляющих тот или иной концепт как «квант знания» (Кубрякова, 2004) или «ментальное образование» (Попова, Стернин, 2007, 34), или «ментальную структуру» (Mikulskas, 2009), или «многомерное ментальное образование» (Gudavičius, 2011). При этом вербализация той или иной структуры знания в языке может быть представлена по-разному: словом, метафорой, идиомой, текстом.

Итак, языковое значение (во всяком случае план содержания значения) в когнитивно ориентированных исследованиях трактуется как «ментальный феномен» (Кобозева, 2004), в организации которого участвуют не только лингвистические, но и экстралингвистические факторы – знания о среде существования денотата знака, эмоции, ассоциации, вызываемые им, чувственные представления фрагмента мира и т.п. Однако такая трактовка языкового значения, понимаемого как способ отражения наивных представлений о мире в сознании мыслящего субъекта в виде некоей системы взглядов, принята и в собственно семантических теориях. К таковым относятся концепция МСШ Ю. Д. Апресяна и идейно близких к ней школ, например, ЛАЯ под руководством Н. Д. Арутюновой и НШКА А. Д. Шмелева⁹, которые в своих исследованиях термином «когнитивный» традиционно не пользуются. Так, в парадигме МСШ понимание значения языковых единиц как «способа отражения наивных представлений о мире в сознании мыслящего субъекта в виде некоей системы взглядов» эксплицирует Ю. Д. Апресян, который считает, что значение слова есть семантика знака, то есть описание **«наивного представления среднеинтеллигентного носителя языка»** (выд. – М.Б) (Апресян, 1995б, 320–330).

При этом следует отметить, что большинство исследователей следуют принципу разграничения понятий *значение слова* и *концепт*. Данное разграничение определяется тем, что названные понятия характеризуют явления разного порядка: языкового и когнитивного соответственно (см.: Попова, Стернин, 2007, 14).

⁹ В предисловии к коллективному исследованию Анны А. Зализняк, И. Б. Левонтиной и А. Д. Шмелева отмечается, что в каждом языке имеются свои особые концептуальные конфигурации, которые закрепляются в значении языковых единиц и принимаются говорящими на данном языке как нечто само собой разумеющееся (Зализняк, Левонтина, Шмелев, 2012, 9).

В современной лингвистике описание языка как системы, его семантических и других структур, непосредственно соотносится с изучением и описанием языковой картины мира. Понятие «картины мира» (одни исследователи говорят о языковой картине мира, другие ставят под сомнение правомерность определения «языковая») строится на изучении представлений человека о мире. Если «мир» – это человек и среда в их взаимодействии, то картина или модель мира – «результат переработки информации о среде и человеке» (Цивьян, 2005, 5). При этом под «языковой картиной мира», как отмечает Е. В. Рахилина, обычно мыслится тот «образ действительности, который человек имеет в виду, когда говорит и понимает» (Рахилина, 2010а, 14). Однако языковая картина мира – это не точная копия реальной действительности, а ее проекция, то есть отображение или, по Л. Талми, «схематизация» в языке (Талми, 2003, 219).

Интерес к языковой картине мира своими корнями уходит к работам В. фон Гумбольдта, который писал, что «различные языки являются для нации органами их оригинального мышления и восприятия» (Гумбольдт, 1984, 324). Идеи В. фон Гумбольдта о национальной специфике языкового видения мира нашли свое крайнее выражение в рамках знаменитой гипотезы Сепира-Уорфа. Согласно сформулированному в рамках этой гипотезы принципу,¹⁰ «концептуальные системы относительноны и находятся в зависимости от языка; то есть люди, говорящие на одном языке, объединены определенным восприятием мира, потому что их язык задает определенный способ «видения» мира. Люди, говорящие на другом языке, «смотрят» на мир через призму своего языка и поэтому их языковой образ мира отличается» (цит. по: Гладкова, 2010, 11). Тем не менее в лингвистике существует мнение, согласно которому принято считать, что способ концептуализации мира, свойственный языку и отраженный в языковой картине мира, отчасти универсален, отчасти национален, то есть, как пишет Ю. Д. Апресян, «лингво-» или «этноспецифичен» (Апресян, 2005, 8). Лингвоспецифичность, воспринимаемая, по мнению Ю. Д. Апресяна, как «особый способ мировидения», проявляет себя в ряде своего рода «семантических лейтмотивов», которые могут быть выражены средствами разных уровней естественного языка (Апресян, 2005, 8). Следуя за МСШ и идеями ее вдохновителя Ю. Д. Апресяна, мы принимаем тезис о том, что реконструкция языковой картины мира, являясь одной из главных целей современной лингвистики, может вестись в двух направлениях. С одной стороны, на основании

¹⁰ Имеется в виду «принцип лингвистической относительности».

системного семантического анализа лексики определенного языка производится реконструкция цельной системы представлений, отраженной в данном языке, безотносительно к тому, является она специфичной для данного языка или универсальной, отражающей «наивный» взгляд на мир в противоположность «научному». С другой стороны, исследуются отдельные характерные для данного языка (= лингвоспецифичные) концепты, обладающие двумя свойствами: они являются «ключевыми» для данной культуры (в том смысле, что дают «ключ» к ее пониманию) и одновременно соответствующие слова плохо переводятся на другие языки: переводной эквивалент либо вообще отсутствует (как, напр., для русских слов *тоска, надрыв, авось, удаль, воля, неприкаянный, задумчивый, совестно, обидно, неудобно*), либо такой эквивалент в принципе имеется, но он не содержит именно тех компонентов, которые являются для данного слова специфичными (таковы, напр., русские слова *душа, судьба, счастье, справедливость, пошлость, разлука, обида, жалость, утро, собираться, добираться, как бы*)¹¹.

Сказанное собственно и позволяет совместить описание языковой семантики знака, присущих ему системных значений¹², отражающих представления о денотате воды в целом, с анализом «лингвоспецифичности», характерной бунинскому концепту «вода» и присущих авторскому сознанию когнитивных установок, определяющих «водные» фрагменты бунинских текстов. Продолжая идею реконструкции системы представлений носителей культуры через язык, безотносительно к ее лингвоспецифичности, мы, в рамках когнитивного подхода, полагаем возможным несколько перефразировать идеи лингвистической относительности: люди смотрят на мир определенным образом не потому, что они так говорят, а они говорят так, потому что смотрят на мир определенным образом. Путь к этим установкам мышления мы открываем через анализ речевых средств и их использования в текстах.

Логика описания языковой картины мира, таким образом, следует составу ее семантического (оязыковленного или вербализованного) пространства. Поэтому при описании членов лексической системы рассматриваются составляющие данный язык лексико-семантические, фразеологические, грамматические,

¹¹ Об этом подробнее см.: Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. «Константы и переменные русской языковой картины мира», 2012, 11–14.

¹² Необходимо пояснить, что, связывая значения и представления о мире, мы следуем традиционному пониманию лексического значения языкового знака, в соответствии с которым значение лексической единицы есть определенное представление о предмете, отраженное в слове в качестве его внутреннего содержания (см.: Смирницкий, 1956, 152).

метафорические элементы языковых парадигм, а также отражающие как универсальную, так и национальную специфику концептуальные лексические единицы. Если системный семантический анализ лексической системы имеет более-менее сложившуюся методику: выстраивание лексических парадигм разного объема (напр., в МСШ в такую парадигму могут включаться не только синонимы, антонимы или конверсивы той или иной лексемы, но и а н а л о - г и ¹³), анализ дистрибуции, – то реконструкция такой ментальной единицы, как концепт, определяется взглядами на соотношение когнитивных и языковых единиц.

1.3. Концепт как инструментальная единица семантических исследований и методы его реконструкции

В англоязычной науке слово «концепт» используется, как правило, в своем словарном значении, соотносимом с русским словом «понятие». Следует сказать, что в терминологическом смысле русское «понятие» трактуется как логически обработанная форма мысли, отражающая связи между предметами внешнего мира (см.: *Философский словарь*), в обыденном – как представление о чем-то (см.: *словарь Ожегова*). Однако в американской лингвистике устами Р. Лангакера была провозглашена идея о том, что значение равно концептуализации: «Значение языкового выражения <...> не исчерпывается свойствами обозначаемого, но с необходимостью включает в себя то, как говорящий воспринимает и осмысливает соответствующую сущность или ситуацию» (Langacker, 1991b, 2–4, 35). Так, Р. Лангакер, определив значение как концептуализацию (концепт), расширил его понимание – от структуралистского как набора семантических компонентов до зафиксированного в слове человеческого опыта, то есть совокупности всех видов знания (интеллектуального, социального, эмоционального, духовного и т.д.) о явлении, стоящих за определенной языковой единицей. Войдя в русский язык, термин «концепт» стал одним из основных в восточноевропейской когнитивной лингвистике, а содержание этого понятия стало предметом нескончаемых дискуссий (см.: Лассан, 2002). Сходясь во мнении о том, что концепт является многомерной структурой – более сложной, чем

¹³ Согласно понятийному аппарату системной лексикографии, принятому в МСШ, аналогами являются такие единицы, значение которых пересекается со значением лексемы, но не достигает близости синонимии: *ругать-критиковать* (Апресян, 2009, 489).

значение, тем не менее, однозначной трактовки содержания этого термина в русской лингвистике на сегодняшний день не существует. И хотя Р. Лангакер четко определил, что значение равно концептуализации, в русской лингвистике отношения между значением и концептом практически не описываются. Исключение составляют работы Э. Лассан (Лассан, 2002). Поэтому лексические значения в русской лингвистике рассматриваются в лексической семантике, а концепты – в когнитивной, а также в культурологии, концептологии.

В русскую науку понятие концепта и концептосферы было возвращено Д. С. Лихачевым в его знаменитой статье «Концептосфера русского языка», где автор отсылает к труду Аскольдова-Александрова (1928), имя которого возвращается в науку, по мнению Д. С. Лихачева, благодаря трудам Ю. С. Степанова и его школы. Д. С. Лихачев видел в концепте результат столкновения словарного значения и личного народного опыта человека (Лихачев, 2006, 318). При этом, чем шире культурный опыт человека, полагал Д. С. Лихачев, тем шире потенции концепта, тем богаче концептосфера человека. В лингвистике конца прошлого века одно из наиболее удачных, по мнению Р. Фрумкиной, определений концепта дано А. Вежбицкой: объект из мира «Идеальное», имеющий имя и отражающий культурно-обусловленное представление человека о мире «Действительность» (Фрумкина, 1995, 90).

Концепт в современной гуманитарной науке (особенно восточноевропейской) становится объектом как собственно семантических исследований, объектом интереса которых признается изучение значений языковых единиц в самом широком смысле, так и других, смежных с лингвистикой дисциплин, например, лингвокультурологии, концептологии, психолингвистики, этнолингвистики, семиотики, логики. Так, данный термин широко задействован как в исследованиях литовских (R. Mikulskas, A. Gudavičius, A. Rukšys, E. Kazimianec, E. Lissan, R. Pavilionis и др.) и западных (G. Lakoff, R. Langacker, A. Wierzbicka и др.) лингвистов, так и в научных изысканиях российских ученых (Ю. С. Степанов, З. Д. Попова, И. А. Стернин, С. Г. Воркачев, В. И. Карасик, Е. С. Кубрякова, Н. Д. Арутюнова, А. А. Залевская, Ю. Д. Апресян, Н. Г. Брагина, Л. Г. Бабенко, А. Д. Шмелев, Анна А. Зализняк, И. Б. Левонтина и др.). Концепт, таким образом, становится широко распространенной и употребляемой категорией разных школ и различных направлений современных лингвистических исследований.

Вместе с тем, несмотря на широкое использование термина «концепт» в разных сферах лингвистической науки и пограничных с ней дисциплин, единства в его толковании не существует. Объясняется это, по-видимому, тем, что, как

пишет Р. М. Фрумкина, «выражаемый словестно концепт порождает иллюзию простоты понимания его смысла, его Sinn» (Фрумкина, 2001, 168). В российской когнитивной лингвистике одним из авторитетнейших исследователей концепт понимается в качестве «отдельного смысла, некой идеи, имеющейся в сознании в готовом виде и участвующей в мыслительных процессах в виде гештальтов, целостных содержательных единиц, соотносенных со знанием о мире и референциально выводящих в этот мир» (Кубрякова, 2004, 316).

При культурологическом подходе, связанном с именем Ю. С. Степанова, «концепт» понимается как «сгусток культуры в сознании (ментальном мире) человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека; то, посредством чего человек сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» (Степанов, 2004, 43).

Существует огромное количество работ (см.: напр., научн. сб. «Методологические проблемы когнитивной лингвистики», 2001; также обзоры в: Володина, 2010; Татарская, 2014), в которых перечислены существующие определения концепта. Мы не останавливаемся на них в силу нежелания дублировать такие обзоры. Важно отметить, что концепт всюду понимается как ментальное образование, как «единица ментального лексикона» (*lingua mentalis*) (Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков), и разночтения сводятся 1) к разным представлениям о структуре концепта; 2) к методам его реконструкции, что связано с различным представлением о том, как выражается концепт в языке – отдельным словом (А. Вежбицкая), отдельным значением (Д. С. Лихачев), лексико-семантическим полем (З. Д. Попова, И. А. Стернин), разными семиотическими системами (Ю. С. Степанов).

Нам в целях нашего исследования наиболее приемлемым представляется взгляд на структуру концепта, предложенный В. И. Карасиком и дополненный в некоторых аспектах идеями С. Г. Воркачева. «В. И. Карасик, выявляя структуру концептов духовных ценностей, выделяет в ней, помимо образной, понятийную и ценностную составляющие. Образную составляющую автор понимает как «след чувственного представления в памяти в единстве с метафорическими переносами». Понятийная составляющая представляет собой, по мнению В. И. Карасика, «совокупность существенных признаков объекта или ситуации и итог их познания». С лингвокультурологической точки зрения доминирующей является ценностная составляющая, поскольку она более всего культурно значима. Принимая подход к моделированию структуры концепта В. И. Карасика в целом, С. Г. Воркачев выделяет в семантическом

составе лингвоконцепта, помимо образной, ценностной и понятийной, также значимостную составляющую, «определяемую местом, которое занимает имя концепта в языковой системе». В значимостную составляющую входят также этимологические и ассоциативные характеристики имени концепта. Термин «значимостная» в концепции С. Г. Воркачёва восходит к Ф. Соссюру, который назвал совокупность имманентных характеристик, определяющих место языковой единицы в лексико-грамматической системе «значимостью» (цит. по: Кононова, 2012, 50).

Мы принимаем это определение, поскольку ставим целью исследование лингвокультурного концепта, то есть, с одной стороны, по Ю. С. Степанову – «сгустка культуры», который нам предлагает творчество И. Бунина. В связи с этим весьма важным представляется образная составляющая концепта, равно, как и ценностная, если говорить об авторской картине мира. С другой стороны – мы отталкиваемся от универсального языкового концепта «вода», стоящего за соответствующей лексемой, занимающей определенное место в лексико-семантической системе языка. Это побуждает нас к всестороннему исследованию синтагматических и парадигматических характеристик данной лексемы и установлению тождества и различий между общеязыковой и авторской семантикой имени.

Возникает вопрос, поставленный Д. С. Лихачевым о соотношении отдельных значений слова и концепта: «Я полагаю, что концепт существует не для самого слова, а, во-первых, для каждого основного (словарного) значения слова отдельно и, во-вторых, предлагаю считать концепт своего рода «алгебраическим» выражением значения («алгебраическим выражением» или «алгебраическим обозначением»), которым мы оперируем в своей письменной и устной речи, ибо охватить значение во всей его сложности человек просто не успевает, иногда не может, а иногда по-своему интерпретирует его (в зависимости от своего образования, личного опыта, принадлежности к определенной среде, профессии и т.д.) <...> какое из словарных значений замещает собой концепт, выясняется обычно из контекста» (Лихачев 1993, 6). Следуя этой мысли, мы предлагаем выделять в концепте **субконцепты**, соотносимые с отдельными значениями слова и находящиеся между собой в определенных отношениях. Таким образом, концепт – это **совокупность субконцептов, один из которых акцентируется в контексте.**

Вместе с тем мы соглашаемся с методом исследования концепта, его реконструкции, предложенный В. И. Карасиком (как наиболее всесторонний): в ис-

следовательские процедуры при анализе концептов культуры включают такие приемы, как семантический анализ слова-репрезентанта концепта, который способствует определению объема понятия имени, называющего концепт, так и этимологический, интерпретативный культурологический анализ, связанные с определенным концептом, а также анализ контекстов культуры и ценностно-маркированных выражений, в которых вербально реализуется тот или иной концепт (Карасик, 2009, 32). От С. Г. Воркачева мы перенимаем установление значения (Воркачев, 2002, 80; 2003, 268) имени *вода* в лексической системе языка, что предполагает обращение к полевой методике исследования.

Не менее значимым представляется и анализ, представленный когнитивно-дискурсивным направлением Е. С. Кубряковой, семантическими научными изысканиями Е. В. Рахилиной, исследованиями представителей МСШ по реконструкции «языковой картины мира» и работами в этом направлении Ю. Д. Апресяна. Реконструкцией концептов в отношении их национальной специфики и их места в обыденном сознании человека также занимаются представители школ «концептуального анализа» ЛАЯ Н. Д. Арутюновой и НШКА А. Д. Шмелева. С точки зрения исследований, осуществляющихся в парадигмах названных школ и направлений концептуального анализа, рассмотрение концептов, в том числе и культурных, должно опираться на семантику языкового знака. При этом семантика языкового знака, как отмечает В. А. Маслова, является единственным средством формирования содержания концепта (Маслова, 2004а, 43; 2004б, 25).

Опираясь на семантику языкового знака при анализе концептов, лингвокогнитивная парадигма концептуальных исследований, тем не менее, не является внутренне однородной. В ее среде на фоне общности подхода «через анализ языковой семантики в сферу концептов», в зависимости от преследуемых целей и прилагаемой методики их достижения, на наш взгляд, развивается несколько течений (школ) анализа концептов. Это, прежде всего, школа Логического анализа языка Н. Д. Арутюновой, исследования А. Д. Шмелева по русской культурной семантике, а также близкое к ним направление исследований МСШ Ю. Д. Апресяна, предметом изучения которого являются только факты языка, а не так называемые культурные концепты в понимании Н. Д. Арутюновой и А. Д. Шмелева. Объединяющим фактором названных направлений исследований при этом становится общая установка на реконструкцию языковой картины мира. Говоря о направлениях когнитивной лингвистики, в частности, о способах представления знаний в языке, нельзя не сказать о когнитивно-дискурсив-

ной парадигме лингвистических исследований, связываемой с именем Е. С. Кубряковой. Для нашего исследования важно то, что Е. С. Кубрякова предложила различать три типа знания: индивидуальное, совместное и разделенное. Первый тип соотносится с индивидуальной картиной мира, второй – с картиной мира в рамках субкультуры или корпоративной культуры (напр., с профессиональной картиной мира), третий – с национальной картиной мира. Анализ каждого из этих типов знания позволяет понять, как отражается человеческий опыт в языке, в виде каких языковых единиц он фиксируется, закрепляется и транслируется. Нас интересует как индивидуальная картина мира, зафиксированная в творчестве И. Бунина, так и национальная, закрепленная в национальном языке. О соотношении этих картин мира и пойдет речь в нашем исследовании.

Анализ концептов, репрезентированный в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы знания, согласно Е. С. Кубряковой, представляет собой более высокий уровень абстракции, предполагающий установление концептуальной структуры, которая стоит за рассматриваемой языковой формой (Кубрякова, 2012, 49). Исследование концептов, в понимании ученого, представляет собой процедуру, идущую от традиционного семантического анализа языковой формы к структурам знания, стоящим за изучаемой языковой формой, и дальше, путем обобщения, – к концептуальным структурам, существующим в сознании. Путь, предлагаемый Е. С. Кубряковой, открывает связь с еще одной весьма важной для когнитивной лингвистики, равно как и для работы человеческого мышления проблемой – явлением категоризации, то есть идентификации денотата предмета и подведения его под категорию разной степени абстракции. **О соотношении концептуализации и категоризации** написано значительно меньше, чем о структуре и понимании концепта. Однако исследование, опирающееся на семантику языкового знака и использующее метод анализа дефиниций, не может пройти мимо того факта, какой уровень понимания сути явления, какой уровень генерализации открывается в когнитивных структурах обычного носителя культуры или ее творца.

Мы не останавливаемся здесь на основополагающих работах американских лингвистов Э. Рош и Дж. Лакоффа, показавших специфичность категоризации, подведения объекта под более общие понятия в зависимости от опыта коллектива, к которому он принадлежит (Лакофф, 2004). Но и российская лингвистика уделяет категоризации значительное внимание: «Понятие категоризации человеческого опыта является одним из самых фундаментальных понятий в характеристике когнитивной деятельности. Тесно связанное со

всеми когнитивными способностями человека, оно также тесно переплетено с разными компонентами этой деятельности – памятью, воображением, вниманием и т.д. Способность классифицировать явления, распределять их по разным группировкам и классам, разрядам и категориям свидетельствует о том, что в актах восприятия мира человек судит об идентичности неких объектов другим, или же, напротив, об их различии. Категоризация воспринятого – это способ придать поступающей к человеку информации упорядоченный характер, способ систематизировать, рассортировать увиденное и услышанное» (Рудакова, 2004, 56–61). К разграничению концептуализации и категоризации стремится Е. С. Кубрякова. Согласно ее взглядам, концептуализация – один из важнейших процессов познавательной деятельности человека, заключающийся в осмыслении поступающей к нему информации и приводящей к образованию концептов, концептуальных структур и всей концептуальной системы в мозгу человека. Но он невозможен без категоризации (так, говоря о воде, мы должны знать, что перед нами – жидкость). Соотношение между категорией и концептом до сих пор не нашло точного определения (Шафиков, 2006, 3–36), и поскольку категория – это тоже когнитивная структура, позволим себе представить содержание, стоящее за именем категории как концепт в его логической, понятийной составляющей, то есть без образно-перцептивного и ассоциативного компонентов. Категоризатор (имя категории) – это классификатор явления. Он подводит явление под более общее понятие. Согласно Дж. Лакоффу, повседневная категоризация осуществляется на *базовом* уровне – мы видим животное и говорим: «собака». Более высоким уровнем будет подведение созерцаемого существа под категорию «животное». А более низким – под категорию «болонка/дог» и т.п. Мы обращаемся к проблеме категоризации, так как полагаем, что в словарных дефинициях она должна быть отражена.

На фоне существующих подходов лингвокогнитивных и лингвокультурологических исследований концептов, опирающихся на семантику языкового знака, в современной российской лингвистике сформировалось Воронежская лингвоконцептологическая школа. Постулируемый в рамках Воронежской школы семантико-когнитивный подход к анализу языковых средств как способ вхождения в концепт, характеризуется определенной методикой его проведения, связываемой с реконструкцией содержания и структуры исследуемого явления. Так, представители названной школы, З. Д. Попова, И. А. Стернин, следуя семантическому принципу реконструкции концепта через его языковое выражение, в методику его описания включают принцип поля. Он, по мысли

исследователей, становится способом организации совокупности языковых средств, объективирующих тот или иной концепт. В постулатах теории данной школы говорится, что концепт вербализуется целым комплексом языковых средств, имеет определенную структуру, организованную по полемому принципу и включающую в себя чувственный образ, информационное содержание и интерпретационное поле (Попова, Стернин, 2005, 8–9). Вместе с тем, поле концепта или, в терминологии З. Д. Поповой и И. А. Стернина, «номинативное поле концепта» отличается от «традиционно выделяемых в лингвистике структурных группировок лексики – лексико-семантической группы, лексико-семантического поля, лексико-фразеологического поля, синонимического ряда, ассоциативного поля – тем, что оно имеет комплексный характер, включая все перечисленные типы группировок в свой состав» (Попова, Стернин, 2007, 67). При этом поле концепта, резюмируют авторы вышеприведенной сентенции, «не выступает как структурная группировка в системе языка, представляя собой выявленную и упорядоченную исследователем совокупность номинативных единиц» (Попова, Стернин, 2007, 67).

Номинативное поле в рамках Воронежской школы, таким образом, выступает языковым материалом реконструкции концепта, отраженного в языковом сознании носителей языка. Однако любая реконструкция начинается, прежде всего, с определения словесных форм вербализации исследуемого концепта. Следует отметить, что до недавнего времени было принято считать, что словесной формой выражения концепта, его ключевой номинацией должно быть абстрактное имя. Его содержание, по мнению Л. О. Чернейко, моделируется через концепт, включающий логический и сублогический субстраты (Чернейко, 2010, 7). Однако, как отмечает Е. Казимянец, на сегодняшний день к средствам языковой репрезентации концептов также примыкают имена конкретные, обозначающие принципиально важные для носителей языка и данной культуры явления, которые обладают особыми ассоциациями (Казимянец, 2013, 121–122). К таковым, в частности, относится и предметное имя *вода*, являющееся репрезентантом одноименного концепта, включенного в «Антологию концептов» и в современной науке становившегося объектом исследования как на материале русского (и не только), так и авторского идиолекта.

Выработанный Воронежской школой алгоритм семантико-когнитивных исследований концептов, помимо собственно прямых номинаций концепта – его ключевого репрезентанта, – к средствам и способам содержательной составляющей языкового выражения концепта обычно относят устойчивые выражения,

производные образования, контекстуальные синонимы, аналоги, фразеологизмы, метафорические номинации и др., которые находятся в соответствующих отношениях с ключевым словом, определяющим концепт (см.: Попова, Стернин, 2007, 69–71). Все это в совокупности и формирует номинативное поле исследуемого концепта. Процедура когнитивной интерпретации (перечисление концептуальных признаков) результатов описания семантики объективирующих тот или иной концепт языковых средств, по мысли И. А. Стернина, становится инструментом выхода исследования за рамки лингвистической семантики, на более высокий уровень когнитивных обобщений (Попова, Стернин, 2005, 9). В итоге полевая методика Воронежской школы семантико-когнитивного анализа концептов, в ходе когнитивной интерпретации идущая от семантики содержания значений к содержанию концептов, конечной своей целью видит, с одной стороны, лингвокогнитивное моделирование структуры и содержания исследуемого концепта. А с другой – использование полученных когнитивных знаний для объяснения условий и процессов, происходящих в семантике языка.

По мнению многих авторов, лингвистическое исследование концепта, являющегося одновременно категорией сознания и культуры, требует комплексного подхода к его изучению. Наиболее распространенными методиками описания концепта являются следующие. В зависимости от исходного посыла и соответственно целям исследования, выделяют компонентный анализ, изучающий семантику слова, репрезентирующего концепт, и заключающийся в обнаружении минимальных смысловых единиц, из которых складывается изучаемая языковая единица. Ступенью выше, по мысли Е. С. Кубряковой, располагается дефиниционный анализ, осуществляемый на основе лексикографической информации. Его целью, считает ученый, является выделение неких сходных единиц в дефинициях изучаемых языковых форм (Кубрякова, 2012, 51). Более того, с точки зрения Н. А. Красавского, словарная статья, определяя объем и содержание понятия, а также фиксируя контексты употребления языковой единицы, выражающей понятие, тем самым становится инструментом, раскрывающим сущность концепта (Красавский, 2001, 173). Хотя, по мнению лингвистов, «лексикографическое определение значения в большинстве случаев оказывается недостаточным для описания реального функционирования слова в речи, поскольку оно всегда оказывается по объему меньше реального значения, существующего в сознании носителей языка» (Попова, Стернин, 2007, 96). Тем не менее, следует подчеркнуть, что несмотря на некоторую ограниченность словарных дефиниций в отражении информации о реальном

значении, в определениях словарных статей в сжатом виде сконцентрированы важнейшие признаки, характеризующие концепт.

В существующую методику описания концепта, помимо названного, в равной степени включаются этимологический анализ, анализ сочетаемости и идиоматики языковых форм, объективирующих концепт, анализ дискурсов, а также принцип полевого исследования концепта. Нельзя не отметить, что полевая методика относится к структурным по сути методам представления словаря естественного языка и его системных связей. Но в современных гуманитарных исследованиях она используется и для описания совокупности средств, объективирующих тот или иной концепт, становясь, таким образом, одним из способов когнитивного осмысления концептуальных структур. По мысли З. Д. Поповой и И. А. Стернина, совокупность языковых единиц, объективирующих интересующий исследователя концепт, образует его поле, которое исследователями определяется в качестве «номинативного» (Попова, Стернин, 2007, 66). В другой терминологии языковая совокупность средств, репрезентирующих концепт и концепт *вода* в частности, обозначена термином «семантическое поле» (Скляревская, 1996; Гришина, 2002; Галдин, 2006). Семантическое поле, таким образом, как системно-языковое объединение лексических единиц, имеющих общий семантический элемент в значении, в лингвокогнитивных работах воспринимается в качестве способа отражения исследуемого концепта и его содержания в языковом сознании носителей языка. То есть семантическое поле воспринимается как языковая форма реконструкции стоящего за ним концепта, его содержания и структуры. При этом, согласно полевой методике описания языковых средств репрезентации концептов, концепт и семантическое поле представляют собой диалектическое единство (Гришина, 2002; Мартиросян, 2012; Галдин, 2006). Данное положение, как отмечает Н. В. Мартиросян, проявляется в том, что «состав и структура семантического поля, мотивация и специфика значения отдельных его членов не только отражают особенности лексико-семантической системы языка, но также позволяют выявить систему признаков, характеризующих концепт» (Мартиросян, 2012). Структура самого концепта вместе с тем непосредственно влияет на структуризацию и динамику семантического поля, реализующего исследуемый концепт.

Использование вышеназванных, по сути, лингвистических методик исследования концепта, привлекающих обширный языковой материал, становится основой для собственно когнитивного анализа, целью которого является поиск

структур знания, стоящих за изучаемой языковой формой. Вершину или самую высокую степень абстракции в названном ряду методик исследования концепта, по утверждению Е. С. Кубряковой, образует «концептуальный анализ, осуществляемый путем обобщения результатов анализа когнитивного и потому представляющий собой некоторую операцию «извлечения общего знаменателя» из всех предыдущих наблюдений» (Кубрякова, 2012, 51). Концептуальный анализ, таким образом, не является равным семантическому анализу слова. Если семантический анализ слова направлен на экспликацию его семантической структуры, значений его денотата и сигнификата, то концептуальный анализ, как считает Е. С. Кубрякова, «завершает задачи описания языковой формы на самых абстрактных уровнях ее бытия» (Кубрякова, 2012, 51), представление которой возможно в виде концептуальной (когнитивной/ментальной) структуры. Семантический анализ, как пишет Е. С. Кубрякова, связан с разъяснением слова, концептуальный – идет к знаниям о мире (Кубрякова, 2004, 372).

Объединяя названные методики, обусловленные различными взглядами на соотношение языковых и ментальных единиц и усматривая в них, тем не менее, общность подхода «от семантики знака – к концептуальному содержанию знака», мы предлагаем следующий ход исследования концепта «вода» в творчестве И. Бунина:

1) описать лексико-грамматические средства концептуализации содержания, связанного с именем *вода*: дать полное описание грамматических конструкций, минимального контекста, семантической (синонимов, аналогов) и словообразовательной парадигмы (дериватов) лексемы¹⁴ *вода* в прозе И. Бунина. Такой интегративный подход позволяет детально описать семантическую структуру этой лексемы;

2) от семантического описания перейти к анализу субконцептов, соотносимых с именем *вода* и мотивирующих его семантическую структуру;

3) представить концептуальную структуру имени *вода* в виде набора **субконцептов**, находящихся между собой в определенных отношениях.

¹⁴ Мы принимаем данное С. Крыловым определение лексемы как «слова, рассматриваемого как единица словарного состава языка в совокупности всех его конкретных грамматических форм и выражающих их флексий, а также всех возможных значений (смысловых вариантов)» (Лингвистический энциклопедический словарь). В силу этого определения лексема реализуется через отдельные значения, объединенные в рамках одной лексической единицы формальной и смысловой близостью.

1.4. Выводы

Говоря о парадигме современных исследований по семантике, нельзя не учитывать тех изменений, которые произошли в лингвистической науке: язык стал рассматриваться в контексте когнитивной деятельности человека. Включение в процесс описания семантики языка «когнитивных идей» открывает новые перспективы исследования: от языка к концептуальным структурам сознания. Такой подход характеризуется совершенно новой расстановкой акцентов: через системный семантический анализ лексемы *вода*, воссоздавая зафиксированную в русском языке систему представлений, связанную с денотатом *воды*, мы пытаемся вскрыть «лингвоспецифичность» бунинского концепта «вода», реконструируя его и пытаясь вписать в контекст авторских когнитивных установок.

В контексте когнитивной деятельности языковой смысл (значение по Р. Лангакеру) начинает выступать не как сумма дифференциальных признаков, а как результат когнитивной операции – концептуализации – и, таким образом, приравнивается концепту, понимаемому в качестве «сгустка знаний и представлений» о явлении, охватывающим не только логические понятия (идеи), но также и «очеловеченное» знание о нем. Однако, хотя Р. Лангакер и приравнивал значение концепту как отображенному в языковом знаке «очеловеченному» знанию, тем не менее, в русской лингвистике однозначного представления о том, что такое концепт, каковы способы его выражения и описания, до сих пор не существует. Отсюда возможны различные методики – дефинитивный анализ как способ выявления категориальных признаков денотата имени концепта; дискурсивный анализ как подход, позволяющий через контексты, метафорическую сочетаемость выявить образно-перцептивный, оценочный слой концепта, его сублогическую часть; метод СП как выявление дифференциальных признаков и смысловых связей концепта. В результате рассмотрения нескольких точек зрения на структуру концепта как многослойного образования, более сложного, чем значение, объединяя различные методики реконструкции этого явления, обусловленные различными взглядами на соотношение языковых и ментальных единиц, мы предложили свой путь исследования концепта «вода» у И. Бунина. Его логика заключена в том, что от семантики языкового знака, в описании которого мы опираемся на понятие категории, мы идем дальше – к его концептуальному содержанию, представляемому в виде набора субконцептов, находящихся между собой в определенных отношениях, а также мотивирующих семантическую структуру самого имени концепта.

ГЛАВА II. «ВОДА» КАК УНИВЕРСАЛЬНЫЙ СИМВОЛ И КОНЦЕПТ КУЛЬТУРЫ

2.1. Концепт «вода» как объект анализа в языке и культуре: исторический экскурс

«Вода», являясь одним из универсальных символов, привлекает внимание ученых разных областей знания. В гуманитарных науках «вода» как ключевое понятие культуры исследовалась в ее соотнесенности с разными типами дискурса, включая мифологический, поэтический и культурологический. Материалом исследования при этом становились как отдельные «водные» тексты культуры, художественные и народные, так и устойчивые фразеологические и метафорические сочетания, эксплицирующие языковые образы воды и ее символику. Таким образом, «вода» как культурный концепт, объективированный в языке, или универсальный архетипический символ бессознательного включена в разные области гуманитарного знания: философию, психологию, литературоведение, языкознание, культурологию, семиотику.

Попытки осмысления феномена воды в гуманитарных науках вне собственно его языкового контекста, несомненно, имеют давнюю традицию. Они, в первую очередь, соотносятся с изучением мифологизированных представлений о воде как природном феномене. Аксиомой космогонии древнего мира становится утверждение о том, что вода есть начало всех начал. Так, в трудах античного философа Филета Милетского вода как древнейший мифологизированный первообраз мыслится в качестве первоначала, первоэлемента, жизнепорождающей сущности мира и его элементов. Вода в философских текстах Древнего Китая – это то, что ближе всего к «Пути», Дао. В текстах Ветхого Завета вода является тем первичным состоянием – хаосом, из которого все возникает: *И тьма над бездною, и дух божий носился над водою* (Бытие 1:2).

В мифологии, фольклоре, религии, искусстве в формах и образах воды отражены «архетипические мотивы», являющиеся основой представлений о полярности мира. Его проявление выражено в идее противопоставленности, вечной борьбы и взаимообратимости жизни и смерти, бытия и небытия, вечного и преходящего, космоса и хаоса. По мнению Г. Башляра, «субстанция воды как одна из четырех основных стихий, издавна помогавших философам прошлого представить великолепие мироздания, до сих пор остается первоначалом худо-

жественного творчества» (Башляр, 1998, 7). В работе «Вода и грезы» Г. Башляр рассматривает образы и комплексы «нарциссизма», «Харона», «Офелии», «материнства», «лебедя», «жизни мертвых вод», «чистоты и очищения». Основа их культурной символики, по мнению автора, выводится из древнейшего мифологического первообраза, воплощенного в архетипе воды.

Творческое переживание архетипа¹⁵ воды, его сложной бинарной символики, признается достаточно мощным и конструктивным стимулом для создания художественной образности. Она отражает в поэтике текста «память о праистоках», когда физические процессы уподобляются «психофизиологическим» и проводятся параллели между природными явлениями, состояниями и человеческой психикой. Осмысление архаической образности воды через раскрытие ее метафорики, как утверждает В. Н. Топоров, дает возможность выражения этим архетипическим образом личных ситуаций, переживаний и впечатлений творческой личности (Топоров, 1995б, 597). В исследовании «О «поэтическом» комплексе моря и его психофизиологических основах» к архетипической символике воды В. Н. Топоров обращается с психофизиологических позиций, рассматривая архетипический комплекс моря и связанных с ним морских образов (*море, волны, берег, дно, небо*) в их соотношении с идеей «пренатального» (внутриутробного) сознания.

В концепции аналитической психологии вода признается одним из первичных архетипов коллективного бессознательного. Его архаико-мифологический характер мышления определил К. Юнг. Согласно К. Юнгу, архетип, говоря о содержаниях коллективного бессознательного, есть древнейший, изначальный тип, всеобщий образ. Формой выражения архетипов являются мифы и сказки, а также обрядовые и ритуальные таинства (Юнг, 1991).

По К. Юнгу, все естественные процессы и явления, такие, как лето, зима или весна, огонь или вода всегда мифологизированы. «Они предстают не только и не столько аллегориями самих объективных явлений, но также становятся символическим выражением бессознательной драмы души. Она улавливается человеческим сознанием через проекции отражений в зеркале природных

¹⁵ Понятие «архетип» понимается нами как первообраз, первичная идея, имеющая архаический характер и составляющая основу общечеловеческой символики, а также выступающая исходным материалом для художественной литературы и искусства. При этом архетип, согласно К. Юнгу, как врожденная психическая структура, являющаяся результатом исторического развития, представляет собой «коллективное бессознательное», воплощенное в народном мифотворчестве (см.: Энциклопедия культурологии).

событий» (Юнг, 1991). Отсюда же проистекает изоморфизм микрокосма и макрокосма, присущий мифологическому мировоззрению.

Вместе с тем вода в работах по культурологии предстает как категория или «константа» культуры. По мнению Ю. С. Степанова, вода, выступая в качестве предмета мира культуры, должна рассматриваться как концепт» (Степанов, 2004, 295), иначе говоря, «сгусток культуры», ее память. Исследование воды, по убеждению ученого, должно включать в себя этимологический и культурно-исторический контексты изучаемого явления – слова и связанных с ним знаний как специалистов, так и рядового носителя языка.

В теории Ю. С. Степанова этимологический анализ изучения имен концептов культуры выступает необходимой частью их описания. Связывается это с тем, что изучение внутренней формы слова, объективирующего определенный концепт, имеет огромное значение для выявления динамики его содержательных характеристик. Поскольку именно в глубинном слое концепта, в уже неосознаваемом носителями языка, латентном виде обнаруживается первоначальная идея, становящаяся ключом к пониманию того или иного концепта.

Этимологическое родство русского слова *вода*, англ. *water*, лит. *vanduo*, немец. *das Wasser*, латин. *unda*, др.-инд. *uda*, санскр. *udan*, восходящих к общему и.-е. корню **wod* [**ued-*, **uot-*, **ud-*, **ut-*], свидетельствует о том, что данная единица входит в наиболее древний пласт слов общеиндоевропейской и шире – праиндоевропейской лексики. В этимологических словарях указан общий индоевропейский корень **wod*, с которым связывается образование знаков со значением *вода* в русском и в других индоевропейских языках. Однако он не является единственной корневым морфемой, определяющей сущность денотата *воды*. Объясняется это спецификой строя индоевропейского праязыка. В исследовании «Константы: Словарь русской культуры» Ю. С. Степанов отмечает, что по предположениям лингвистов, праиндоевропейский язык был языком так называемого «активного типа, или активного строя», – то есть имена в нем должны были распределяться на два класса (Степанов, 2004, 307). Так, по замечанию автора цитируемого исследования, в праиндоевропейском языке в зависимости от того, мыслились ли явления и предметы как обладающие либо не обладающие жизненной активностью, обозначающие их имена соответственно делились на класс активных и неактивных имен. Вода, согласно данному распределению имен, в праиндоевропейском языке мыслилась и как активная, персонифицированная сила природы, и как неактивное явление окружающего мира. По свидетельству Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванова, а так-

же по утверждению Ю. С. Степанова, в индоевропейском языке существовало несколько корней, определяющих денотативную область *воды*. Общий и.-е. корень *wod [*ued-, *uot, *ud-, *ut-] должен был обозначать инактивное начало денотата *воды* в противовес и.-е. активным корням *Нар^h [*ар-, *аб-] и *Нек^U [*ак^W-] – со значением «проточная вода, река, поток», (Гамкрелидзе, Иванов, 1984, 274, 670–671; Степанов, 2004, 309). Так, первый и.-е. корень *Нар^h [*ар-, *аб-] сохранился в др.-инд. формах мн. ч. и ген. *āraṅ* и *arāṅ*, в санскрите характеризующих «священные воды», также в персидском обозначении *воды* – *āb*. С этим корнем, по-видимому, связано название ригведических богинь *Āras*, в индийской мифологии олицетворяющих персонифицированные космические воды. К нему, по материалам глобальной этимологии «Старлинг», также восходит прабалтослав. морфема *ар-ia, *ур-ia, производными которой являются лит. *irė*, латыш. *ire*, прусск. *вируан* – в значении «река». Второй корень, с основой на -k, обозначающий активное начало, по данным этимологических исследований, связывается с латин. производным словом *aqua*. Но «вода-не божество», хотя бы и активная сила, по замечанию Ю. С. Степанова, обозначалась также и производными от исконно неактивного корня *wod [*ued-, *uot, *ud-, *ut-]: латин. *unda*, лит. *vanduo*, русск. *вода*. Отсюда, по мнению ученого, следует, что понятие активности должно быть расчленено, с одной стороны, на «активность агенса», «активность подлинного деятеля» и «активность инструмента», «инструментальную активность» – с другой (Степанов, 2004, 308–309).

Включаясь отдельной статьей в словари, описывающие символику культурных реалий, вода в них представляется многоликой. Это и «prima materia» (первичная материя), и «Великая мать», ассоциирующаяся с рождением, женским началом, утробой вселенной, плодородием (Словарь символов, 2000). Являясь «средой, агентом и принципом всеобщего зачатия и порождения», вода в то же время мыслится как «олицетворение опасности и воплощение смерти» (Аверинцев, 1980, 240).

Амбивалентность воды отражена в космогониях древних народов. В них вода как одна из фундаментальных стихий мироздания, являя собой исходное состояние всего сущего, также соотносится и с его концом. Как отмечает С. С. Аверинцев, «вода как начало всех вещей также знаменует и их финал, в эсхатологических мифах представленный мотивом потопа» (Аверинцев, 1980, 240).

Выступая в древних космогониях в качестве первобытного хаоса, все порождающего и все поглощающего одновременно, вода обнаруживает мифо-

поэтическую связь как с жизнью, так и со смертью. Эта связь находит свое отражение в архетипическом мотиве «живой» и «мертвой» воды. Семантическое содержание оппозиции «живая» и «мертвая» вода, согласно фольклорным представлениям, объясняется Ю. С. Степановым как «одно и то же начало, в двух своих ипостасях-явлениях: *живая вода* – вода на пути из высшего мира вниз, на землю, в земной мир; *мертвая вода* – вода на пути из земного мира вон» (Степанов, 2004, 299). Жизнеспособный путь воды из высшего мира вниз отразился в древнегреческом мифе о Зевсе, пролившемся золотым дождем на Данаю, родившей впоследствии сына Персея. Примером обратного пути воды, когда вода, выгоняя зиму и смерть, устремляется из земного мира вон, может служить сказочный персонаж русского фольклора Снегурочка. Необходимо отметить, что осмысление ключевой оппозиции «живой» и «мертвой» воды непосредственно связано с движением воды. Поэтому вода концептуально связана с пространством. В этом смысле она часто мыслится в образах *пути, дороги*.

Мифологический архетип «живой» и «мертвой» воды как «формула» древнейших представлений о мире включается и в язык. Например, в русском фольклоре он реализуется в форме одноименных фразеологизированных словосочетаний *живой и мертвой воды*, обладающей магической, жизневозвращающей силой и напротив, силой, способной погубить – не даром обителью нечистой силы часто является вода. Здесь живет *Водяной*. Согласно существующим поверьям, «*водяной* – злобый дух, а потому всеми и повсюду причисляется к настоящим чертям <...> *Водовики* почти всегда женаты и имеют по многу детей; женятся на водяных девах, утопленницах и тех несчастных девушках, которые были прокляты родителями и вследствие этого проклятия уведены нечистой силою в подводные селения. Недоброжелательство к людям водяного выражается в том, что он неустанно сторожит за каждым человеком, являющимся в его сырых и мокрых владениях. Он уносит на безвозвратное жилье всех, кто вздумает летней порой купаться в реках и озерах после солнечного заката, или в самый полдень, или в самую полночь. Под водой он обращает свою добычу в каменных рабочих, заставляет их переливать воду, таскать и перемывать песок и т.д. Никогда не умирая, водяные, тем не менее, на переменах луны изменяются: на молодике они и сами молоды, на ущербе превращаются в стариков» (Энциклопедия мифологии).

Концепт «воды» как «прародительницы (прародителя) всего сущего» в контексте (будь то мотив, сказание или миф) словесно может быть представ-

лен, по мнению Ю. С. Степанова, в бесчисленных разнообразных вариациях (см.: Степанов, 2004, 75). Поэтому сложная архетипическая символика воды, отраженная в космогонических мифах и легендах народов мира, часто материализуется в образах *водной бездны, океана, моря, реки* или *влаги*, мыслимых первопричиной всего сущего в мире. Так, античная космогония стоиков, давая определение понятию Хаоса как первопотенции, объявляла его то «влажгой», то «водой» (Лосев, 1980, 579–581). В греческой мифологии океан и является величайшей из рек, омывая собой землю и небо, давая начало всем водам. В древневосточных мифах встречается имя аккадской прародительницы всех богов Тиамат, переводимое как «море». Тиамат олицетворяет собой «пучину соленых вод», из смешения или слияния которых с пресными водами Апсу рождается мир (Мифологический словарь, 1990). В шумерологии Апсу (Абзу) именуется и как «первопричинный океан», и как «подземный мировой океан животворящих вод». Понятие «апсу» в языке древних жителей Месопотамии означало – «водная бездна», в ритуальных практиках шумеро-аккадской культуры материализующаяся в храмовой утвари, резервуарах, бассейнах и колодцах со святой водой, олицетворяющих собой глубинный источник божественно-первородной стихии Апсу. Существует мнение, что евреи сохранили память о понятии «апсу» как глубинном источнике вод земли в виде «*Arseieretz*» – того места, где расположена «Бездна» пресных вод (Зильберман, 2006). Ведийские женские божества Апас, так же как шумеро-аккадское Апсу (Абзу), олицетворяют собой космические воды мирового океана или моря. В славянской мифологии из глубин океана-моря возникает земля-матушка. Первичная этимология слова *океан*, которое в русский язык пришло из древне-греческого ὠκεανός (в лат. *oceanus*, в англ. *ocean*) в значении «океан, море», не совсем ясна. Однако, если предположить, что это слово восходит к активному праиндоевропейскому корню с основой на *-k* **ak* (**Нек*^и) в значении *вода* (проточная) (от него впоследствии произошли прагерман. **a(g)w-ō*, **axw-ō*, *ō(g)w-ja-z*, *a(g)w-jō*, также лат. *aqua*, гот. *ah^wa*), а не на *-p* как в корне **ap* (**Нар*), то тогда *океан* этимологически вписывается в общекультурный концепт «воды» как прародителя всего сущего.

По свидетельству этимолога-индоевропеиста М. М. Маковского, концепт «вода», помимо архетипической связи с такими первичными понятиями, как жизнь, первопричина и смерть, мифопоэтически связан со многими другими, важными для архетипического сознания образами. Так, по мнению исследователя, концепт «вода» соотносится с понятиями плетения, речи, говорения,

огня, горения, потустороннего (загробного) мира, рождения (Маковский, 1996, 76–78).

Естественно, что универсальное культурное понятие, являющееся предметом осмысления в мировой философии и выступающее константой культуры в целом, находит свое воплощение и в творчестве И. Бунина, бытописателя и философа одновременно.

Бесспорным является тот факт, что И. Бунин и его творчество являются объектом нескончаемого исследовательского интереса. И это неудивительно, поскольку творческая манера писателя, его язык, который одновременно и конкретен, вещественен, и глубоко философичен, – явление уникальное как в русской, так и в мировой культуре XX века.

И. Бунин как писатель сформировался на рубеже двух эпох, когда происходили изменения основных фундаментальных представлений о человеке и мире. Он был из числа тех художников, кто первый почувствовал глобальный сдвиг в сознании человека разочарованной и трагической эпохи. Отсюда его постоянное ощущение катастрофичности, непрочности существования. Однако его тяготение к классическому идеалу, его вера в позитивные вечные ценности определили его неокончательный разрыв с жизнеутверждающим началом русского реализма XIX века. Это связано и с особенностью бунинского индивидуального сознания, которую он сам определял, как обостренное «чувство смерти» в силу столь же обостренного «чувства жизни».

Эта полярность двух мироощущений – безысходно трагического и восторженно жизнелюбивого – своеобразно реализовывалась в художественной ткани (на всех уровнях) и в лирике, и в прозе.

Необходимо отметить, что для описания языка И. Бунина в лингво-семантическом аспекте (и, в частности, концепта «вода») важным является исследование Ю. Мальцева, в котором он приходит к выводу о феноменологичности сознания и феноменологическом методе И. Бунина, «когда изображаемое и ощущение от изображаемого сливаются в одно целое» (Мальцев, 1994, 315). Важны также выводы О. Сливицкой об антропокосмической модели мира у И. Бунина, определение его мироощущения как космического. «Космос у Бунина, – пишет О. Сливицкая, – онтологически первичен по отношению к человеку. Человек безмерно мал, потому что ему противопоставлена огромность космоса, человек безмерно велик, потому что огромность космоса входит в него» (Сливицкая, 2004, 55). Из этого постулата вытекает и другой – о субъективной окрашенности объективного мира в творчестве И. Бунина. «С одной стороны, – отмечает

О. Сливацкая, – Бунин весь повернут к объекту, к чувственной оболочке жизни. С другой – само влечение к объекту столь страстно, что об объективности не может быть и речи» (Сливацкая, 2004, 36).

Обладая обостренным чувством жизни, И. Бунин стремился отобразить в слове весь окружающий мир. Этим определяется и специфика авторского языка, в котором «как» оказывается превыше «что». Поэтому, о чем бы ни писал И. Бунин, пытаясь проникнуть в тайны человеческого бытия, природа, внешний мир, окружающая действительность или космическое мировое пространство, то «Всебытие», частью которого является и человек, в том или ином виде всегда сопresentствует повествованию. В бунинской «внешней изобразительности»¹⁶ отражена его космология, состоящая, по мысли Д. М. Ивановой, из глобальных по своему значению категорий воды, земли, огня, воздуха (неба) (Иванова, 2004).

Язык И. Бунина в силу феноменологичности сознания, когда в описании не разделяется объективное (описываемое) и субъективное (отношение к описываемому), представляет собой богатейший источник для лингвистических изысканий. Исследователи творчества писателя также отмечают, что специфика авторского языка для понимания И. Бунина имеет значение особой, исключительной важности. Еще в начале прошлого столетия об этом писал В. Ходасевич: «Путь к бунинской философии лежит через бунинскую филологию – и только через нее» (Ходасевич, 1931)¹⁷.

Библиотека буниноведения обширна и включает богатый, с завидным постоянством обновляющийся, исследовательский материал, отражающий разные аспекты творческого наследия писателя. В последнее время появляются работы, посвященные проблеме исследования универсальных концептов в творчестве И. Бунина. На сегодняшний день проанализированы такие основополагающие бунинские концепты, как например, «жизнь», «смерть», «природа», «человек», «пейзаж».

Наблюдения и работа над текстами рассказов И. Бунина, сбор эмпирического материала, также некоторые высказывания и утверждения исследователей творческого наследия писателя (Аверин, 2003; Иванова, 2004; Сливацкая, 2004, Буравлева, 2006; Богданова, 2007; Чебоненко, 2012, также см. сб.: И. А. Бунин: pro et contra, 2001; и т.д.) дали основание полагать, что в строении мира И. Бунина вода занимает особое место. Она выступает одним из основополагающих

¹⁶ См.: Сливацкая О. В. «Повышенное чувство жизни»: Мир Ивана Бунина, 2004, 33.

¹⁷ Цит. по: Сливацкая О. В. «Повышенное чувство жизни»: мир Ивана Бунина (Сливацкая, 2004, 33).

концептов, определяющих авторское индивидуальное сознание, его творческий психотип. Вода как постоянный поток принадлежит вечности. Она течет, не изменяясь, поэтому в творчестве И. Бунина вода становится символом вневременности бытия. Вода в авторских текстах выступает и как библейская дорога, которая несет человека по жизни. Она, вместе с тем, у И. Бунина также Дао, то есть путь жизни. В его творчестве, таким образом, библейский (христианский) мотив воды (ср. изречение из Псалтыри: *И путь твой в море, и стезя твоя в водах великих, и следы твои неведомы*) как начала и дороги одновременно сопрягается с буддистским Дао, мыслимым в качестве пути жизни. Таким образом, вода – поток пути, жизни самого человека, но также концепт жизни самой природы.

Являясь одной из основных категорий жизни, вода в тоже время связана со смертью. Ее текучесть также символизирует изменения, происходящие в жизни человека. Отсюда в некоторых текстах (напр., «Господин из Сан-Франциско») путешествие по воде мыслится автором и как путь жизненных исканий, и как последний путь, другие же «водные» тексты (напр., «Воды многие», «Ночь») считаются квинтэссенцией авторского мировоззрения, его диалектического видения жизни в соединении со смертью. «Зрелище вечного простора «вод многих», «со всех сторон безответно объемлющих» человека, порождает у автора размышления о жизни и смерти, о смысле жизни, о «поразительной полной неизвестности и случайности всякой земной судьбы», о вечности жизни, идущей от поколения к поколению «через тела наши», о «счастье жить и любить, мечтать в этом светоносном божьем мире <...> Море и небо в «Водах многих», как и в ряде других произведений автора, являются не только образами-пространствами, но и образами-фонами, и образами-символами, постоянно сопровождающими героя и автора и наталкивающими его на решение онтологических вопросов о месте человека во Вселенной, о его слиянии с природой и космосом» (Иванова, 2004).

В картине мира И. Бунина, таким образом, амбивалентность воды, мыслимой в терминах жизни и смерти одновременно, отражает двойственность авторского мироощущения, трагического и в то же время оптимистического. Выступая в качестве значимого фрагмента авторской космологии, вода И. Буниным, как будет показано ниже, мыслится не только конкретно-физически, но и метафизически, что и обуславливает специфику концептуальной структуры, обозначенной именем *вода* и его семантическим полем.

Изучение концепта «вода» в гуманитарной науке показывает, что оно осуществляется с разных исследовательских позиций: мифологии и мифопоэтики,

культурологии и семиотики, философии и психологии. Естественно, что когнитивная лингвистика, занятая представлением знаний о некоей сущности в сознании человека, не может остаться в стороне от анализа столь значимого понятия культуры со своих позиций.

2.2. Вода в современных когнитивных исследованиях. Принципы анализа, принятые в работе

Произошедший в современной лингвистике когнитивный сдвиг открыл в науке новые возможности исследования *воды* как концепта языка и культуры. Современное гуманитарное знание располагает комплексом исследовательских процедур, прилагаемых к исследованию концептов. К нему относятся разные методы концептуального анализа, включающие методику этимологического, культурно-исторического, фразео-идиоматического, дефиниционного и полевого описания, а также исследование сочетаемостных особенностей имени, называющего концепт.

Изучению концепта «вода» с когнитивных, культурологических и собственно лингвистических позиций, посвящено исследование Ю. С. Степанова (2004), а также работы Г. Н. Склярёвской (1996), Н. В. Гришиной (2002), А. В. Костина (2005), Т. И. Бадмаевой (2006), Е. В. Галдина (2006), Н. Мартиросян (2011). В них на материале русского, также английского языков с применением комплекса методов исследуются способы концептуализации *воды*, отраженные в прямых и метафорических значениях соответствующей лексемы в ее синтагматических и парадигматических связях.

Современные словари русского языка (С. И. Ожегова, Т. Ф. Ефремовой) выделяют 8 значений слова *вода*, из которых три сопровождаются пометой: «пер.»: 1) Прозрачная бесцветная жидкость, представляющая собой химическое соединение водорода и кислорода. *Речная вода*; 2) В нек-рых сочетаниях: напиток или настой. *Брусничная в. Газированная в.*; 3) Речное, морское, озёрное пространство, а также их поверхность или уровень; 4) мн. Моря, реки, озёра, каналы, проливы, относящиеся к данному государству, региону, территории. *Внутренние воды* (в пределах данного государства); 5) мн. Потоки, струи, волны, водная масса. *Весенние воды. Воды Волги*; 6) мн. Минеральные источники, курорт с такими источниками. *Лечиться на водах*; 7) перен., ед. О чём-н. бессодержательном и многословном (разг.). *Не доклад, а сплошная вода*; 8) мн. Питательная

жидкость, заполняющая защитную оболочку плода (спец.). *Околоплодные воды* (Ожегов, 1989, 93).

Словарь Т. Н. Ефремовой выделяет еще 2 переносных значения: 1) То, что недостаточно ценится и поэтому легко тратится, расходуется (обычно о деньгах); 2) перен. разг. Слёзы (Ефремова, 2000).

Нельзя не отметить, что такая семантическая структура лексемы *вода* сложилась не сразу. Как показывают исследования языковой номинации *вода*, проводившиеся в русской филологической науке в диахроническом аспекте (XI–XX вв.), у лексемы *вода* на протяжении веков четко прослеживаются 3 значения:

1) «прозрачная бесцветная жидкость, представляющая собой в чистом виде химическое соединение водорода и кислорода, содержащаяся в атмосфере, почве, живых организмах»; 2) «крупные скопления такой жидкости (реки, озера, моря и т.п.), то есть водоемы»; 3) также «потоки, струи, водная масса» (Гришина, 2002; Мартиросян, 2012). Видимо, здесь можно говорить уже об определенном уровне категоризации воды как 1) *жидкости*, безотносительно к сфере нахождения и формы существования; 2) *водоемов*; 3) *жидкости*, находящейся в определенном движении и состоянии.

Такая категоризация отражает осмысление денотата *воды* как природного феномена. Однако ни в словарях, ни в проведенных диахронических исследованиях не эксплицируется то, что называется коннотативно-прагматической информацией языкового знака и «культурной памятью» слова. Ведь именно она, по мнению исследователей, служит основой для формирования производных и переносных значений языкового знака, раскрывающихся в определенных конструкциях и грамматических формах, также в метафорах, сравнениях, фраземах и идиоматических выражениях.

В этой связи особое значение в изучении концепта «вода» приобретает методика этимологического и культурно-исторического анализа, разработанная Ю. С. Степановым. История и этимология, как справедливо считает Ю. С. Степанов, выступают в качестве компонентов, определяющих концепт. Излишне говорить, что авторитет ученого и его версия концептуальных исследований способствует утверждению данной методики в современных когнитивных исследованиях.

Анализ концепта «вода», способов его объективации и описание семантики входящих в него единиц на материале русского языка представлены в «Антологии концептов» статьей А. В. Костина (Костин, 2005, 24–36). В ней исследо-

ватель обращается к способам концептуализации таких понятий, как *вода*, *океан*, *море*, *озеро*, *река*, *болото*, рассматриваемых в контексте разножанровых произведений В. И. Даля, включая сказки, повести, очерки, рассказы, сборник русских пословиц и данные «Толкового словаря великорусского языка». Делается вывод о том, что концепт «вода» – это этно-культурное явление, в образах и ассоциациях которого органично сливаются материальные и духовные начала, отражающие мифологические, религиозные, обиходно-бытовые, научные знания, представления и понятия о природной реальности. Как видим, выход за анализ дефиниций и обращение к дискурсам дает более обширный материал, позволяющий обратиться к образно-перцептивной и оценочной составляющих концепта.

Вместе с тем исследователи обращаются и к дефиниционной методике концептуального анализа, дающей возможность получить обширную лингвистическую, а также культурологическую информацию относительно концепта, представленного в языке именем *вода*. Так, в работе Т. И. Бадмаевой (Бадмаева, 2006) дефинирование как метод описания концепта «вода» и выделение важнейших, характеризующих его признаков сопрягается с методикой синтагматического анализа ключевой единицы. Решая проблемы репрезентации концепта «вода» в лингвокультуре английского этноса, автор отмечает, что сочетаемостные особенности ключевой леммы, определяющей данный концепт, позволяют обратить внимание на различные, не всегда представленные словарными дефинициями, но концептуально значимые характеристики исследуемого понятия, как наличие цвета, наличие/отсутствие звука, вкуса и т.п. (Бадмаева, 2006, 78–79).

В работах, посвященных анализу концепта «вода» в полевом измерении, в составе семантического поля «вода» обычно выделяется некоторая совокупность разнообразных по значению тематических групп таких, как «водоемы и его части», «формы существования воды, определяемые характером и способами ее движения», «характер и особенности движения воды», «характерные действия, связанные с водой», «свойства объектов, обусловленные наличием/отсутствием в них воды, ее количеством, воздействием», «характерные действия, производимые в воде или с помощью воды», «характерные состояния воды и действия, связанные с ними» (Скляревская, 1996, 120–129; Галдин, 2006; Мартиросян, 2012). При этом следует понимать, что **концепт «вода» и семантическое поле его номинативных репрезентаций не есть явления одного порядка**. В работах Н. В. Мартиросян, Н. В. Гришиной отмечается, что явления концепта

и семантического поля не дублируют друг друга, как не дублируют друг друга язык и мышление в целом (Мартиросян, 2012, 213; Гришина, 2002, 175). Исследования семантического поля «вода», репрезентирующего одноименный концепт в русской языковой картине мира, не ограничиваются описанием номинативного уровня данного поля. К нему примыкает уровень метафорических значений семантического поля «вода», отражающих, по утверждению В. Н. Гришиной, основные признаки концептуализации воды в сознании этнокультурного коллектива. При этом метафорическое поле наиболее значимо при когнитивном осмыслении различных сторон эмоциональной, духовной, интеллектуальной, социальной жизни человека, его взаимоотношения с миром и временем (Гришина, 2002, 176).

Авторы названных выше исследований [используя в некоторых случаях несколько потерявшую актуальность терминологию (напр., лексико-семантический вариант значения)], на основе полевой методики (Гришина, 2002; Мартиросян, 2012; Галдин, 2006) приписывают воде признаки, в ряде случаев отражающие как образно-перцептивную, так и понятийную составляющую концепта. Это «(а) жидкость, то есть нестабильная по форме субстанция, наделенная свойством течь и принимать форму сосуда, в котором она находится; (б) в природе вода представлена, прежде всего, в виде водоемов и атмосферных осадков; (в) вода характеризуется определенными визуальными и кинетическими характеристиками (прозрачность, движение и т.д.); (г) вода жизненно необходима человеку и природе в целом; (д) вода – опасная для человека стихия и среда» (Гришина, 2002, 175). Как видим, здесь осуществлена категоризация более высокого уровня: от категории *жидкость* происходит переход к категории *субстанция*. Названные признаки, в русском языке определяющие семантику ядерного члена поля, подводимого под категорию *жидкость/субстанция*, по мнению исследователей данного явления, составляют ядро и самого концепта «вода». Утверждается, что выделенные признаки непосредственно влияют на структуризацию семантического поля «вода», являющегося языковой реализацией концепта «вода» в русском языке. Вместе с тем, несмотря на то, что в существующих работах были определены основные номинативные значения («прозрачная бесцветная жидкость», «скопление такой жидкости», «потoki, струи, водная масса») имени *вода* как ядерной единицы, вербализующей концепт «вода», в современной лингвистике детальный анализ лексикографической информации, дефинирующей семантику русского существительного *вода*, не проводился, хотя он считается исходным моментом на пути реконструкции

концепта, идущей от семантики знака. Кроме того, несмотря на попытку когнитивного осмысления феномена воды и описания присущих ему концептуально значимых признаков, отражающих природно-обыденный, функционально-целевой, научный и мифологический взгляд на формы и способы существования воды и ее проявления в окружающем нас мире, в большей степени эти исследования ограничиваются, как нам представляется, описанием собственно логического уровня семантики языкового знака *вода*. Описание других уровней особенно важно, когда речь идет об авторском концепте, признаваемым в культурологических работах в высшей степени значимым для творчества И. Бунина.

В реферируемых выше исследованиях концепта «вода», авторы, определяя сумму признаков, формирующих содержание «наивного понятия», реконструируют только часть этого концепта – его логическую, рациональную основу. Вместе с тем, как отмечает Л. О. Чернейко, «содержание концепта включает в себя содержание наивного понятия, но не исчерпывается им, поскольку охватывает все множество прагматических элементов имени, проявляющихся в его сочетаемости» (Чернейко, 2010, 239). Именно через сочетаемость, прежде всего, метафорическую, по мысли лингвиста, «осуществляется символизация умопостигаемой (абстрактной, отвлеченной) сущности» (Чернейко, там же). Л. О. Чернейко рассматривает «маски» (гештальты) отвлеченных существительных, приобретающих осязаемость благодаря их метафоризации. Ее положения могут быть не приняты по отношению к концепту, стоящему за конкретным именем. Мы исходим из положения В. И. Карасика о том, что концепты с позиции социолингвистики делятся на этнокультурные, социокультурные и индивидуальные (Карасик, 2002). Поскольку мы рассматриваем индивидуальный концепт (в творчестве И. Бунина), мы полагаем, что и здесь возможно говорить о символическом значении понятия, не данном непосредственному наблюдению, но вскрываемому благодаря анализу употребления имени в авторском идиолекте.

2.3. Выводы

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что вода как объект осмысления в культуре и языке, включая авторские идиолекты как подязыки естественного языка, сохраняет свою актуальность и по сегодняшний день. Это, конечно же, не

случайно. Поскольку вода как один из символов бессознательного, универсальный архетип и концепт/константа культуры, отражающий мифологизированные образы первобытного хаоса, водной бездны, активной силы, одновременно мыслимой и спасительным началом, и источником гибели, смерти, является неиссякаемой кладезью поэтических образов. Как утверждает Г. Башляр, вода для творческой личности становится стихией материализующего воображения, она – опора образов и непрерывный подвоз образов, первопринцип, порождающий образы (Башляр, 1998, 16). Вопрос о формах и методах описания языковой реализации концепта «вода» в современных гуманитарных исследованиях включает в себя модели этимологического и культурно-исторического описания, дефинирования ключевой лексемы *вода*, исследования ее дистрибутивных возможностей, словообразовательных характеристик и полевого измерения.

В свете сказанного отметим, что наш анализ *воды*, а также выражаемого этим именем концептуального содержания включает в себя несколько этапов и основан на следующих принципах. Во-первых, мы исходим из того, что *вода* – это **имя** и универсального **концепта культуры**, но также и **предметное имя**, член лексической системы языка, денотатом которого является природный феномен. Этот природный феномен может быть подробно представлен через свое денотативное пространство, то есть целый фрагмент действительности, элементом которого он является. По этой причине, когда речь идет о частеречной принадлежности описываемого денотата, а также о концептуальном содержании явления, отраженном в его номинации, мы используем термин «имя». Рассмотренное со стороны значения слово именуется «лексема». При этом сам термин «лексема», как уже говорилось выше, понимается традиционно в качестве совокупности всех форм и значений, свойственных слову во всех его употреблениях и реализациях. «Слово» же используется не в терминологическом смысле, а в общеязыковом – как единица, именующая предметы и явления внеязыковой действительности.

Во-вторых, исследуя концептуальное содержание имени *вода*, реализуемое в прозе И. Бунина, мы учитываем как логическую (объем наивного понятия), так и сублогическую (метафизическое понятие, мифологема) основу описываемого концепта «вода». Для этого мы обращаемся к семантике имени *вода*, которая раскрывается как в его сочетаемости, так и в его парадигматических связях – контекстуальных коррелятах (*бездна, океан, море, река, волна* и т.д.), перифрастических и метафорических сочетаниях (*водяная пустыня, водяная гора, зеленый хрусталь, живая вода* и т.д.), что позволяет выявить более широкий

круг смыслов, интегрированных в слове *вода* и имплицитно присутствующих в текстах И. Бунина.

Затем мы осуществляем **когнитивное картирование концептуальной модели** (концепта), то есть производим структурирование полученных данных. Далее – переходим к конструированию **семантического поля «Вода»**, поскольку разделяем существующую в когнитивной лингвистике точку зрения об эффективности полевого подхода в реконструкции концепта. При этом под полем понимается совокупность языковых единиц, объединенных общностью содержания (наличие общего семантического элемента в значении) и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство. Вместе с тем следует понимать, что семантическое поле и концепт – **явления разного порядка: языкового и ментального соответственно**. Семантическое поле как системно-структурное объединение – это языковая проекция концептуального содержания имени концепта, его (имени) семантических связей, ассоциаций, аллюзий интертекстуального характера. Поэтому основной единицей в составе семантического поля «Вода» мы признаем не лексико-семантическую группу, а **тематическую группу**, понимаемую как «объединение слов, обозначающих определенные группы самих реалий» (Шмелев, 1977, 186), то есть, по сути, мы следуем **идеографическому принципу** членения лексем на соответствующие группы. При этом частеречное единство членов одной тематической группы для нас не является существенным.

«Под картированием понимается вид символической презентации, описывающей отношения между компонентами системы знаний <...> Каждая когнитивная модель обладает онтологией и структурой. Онтология представлена множеством элементов, используемых в модели. Структура определяется свойствами элементов и существующими между ними отношениями. Концептуальная природа ментальных пространств и определяет возможность их структурирования в виде когнитивных моделей» (Екшембеева, 2012). Обычно когнитивное картирование применяется к анализу политических текстов – выстраивается система каузальных рассуждений (что за чем следует, что чему препятствует), и таким образом делаются выводы о видении автором политической ситуации. В нашей работе речь идет о другом – о видении И. Буниным «водного мира» в целом, и делается это на основе анализа всего «водного лексикона» прозаических текстов писателя. Поэтому мы предлагаем назвать полученную когнитивную модель **тезаурусно-когнитивной картой**, которая и становится венцом процедуры реконструкции структуры соответствующего

знания, составляющего содержание концепта, обозначенного именем *вода* и находящего соответствующее выражение в прозе И. Бунина.

Предлагаемое исследование, таким образом, являет собой синтез двух направлений: мы проводим системный семантический анализ лексемы *вода*, воссоздавая зафиксированную в русском языке систему представлений, связанную с денотатом воды, с другой – мы пытаемся определить «лингвоспецифичность», характерную бунинскому концепту «вода» и присущих авторскому сознанию когнитивных установок в целом.

Сказанным наше исследование отличается от реферируемых выше: от всестороннего семантического анализа и характеристики лексикографических описаний лексемы *вода* (ее категоризации) мы переходим к анализу языковой специфики этой лексемы в творчестве И. Бунина, далее – к смысловым приращениям, реконструируемым через метафорическую сочетаемость имени, его контекстуальное окружение, реализующее ассоциативные связи слова, через аллюзии различного характера в рамках дискурсивного пространства бунинских текстов. Мы устанавливаем корреляции между когнитивными структурами автора и языковыми особенностями бунинских текстов, обращаясь одновременно к теоретической проблематике методов, столь разнообразно представленных в исследованиях подобного рода.

ГЛАВА III. ВОДА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И ИДИОЛЕКТЕ И. БУНИНА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗАИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ)

3.1. Вода в русской лексикографии

Звуковой комплекс *вода*, с одной стороны, является именем, называющим явление видимого, чувственно постигаемого мира, и поэтому относится к предметному лексикону. С другой, как уже говорилось, концептом, отображающим определенные культурно-обусловленные представления человека об окружающем мире. Представления культуры, как известно, выражаются в первую очередь языком, воплотившим опыт поколений его носителей. Звуковой комплекс *вода* соотносится для носителя русской культуры с определенной суммой представлений о явлении, стоящем за ним. Их объективация осуществляется в языке на разных его уровнях.

В языке *вода*, ее значения, дистрибутивные возможности, словообразовательные и системные семантические связи в разной степени представлены в разного рода лексикографических источниках (Ушаков, 1935; Даль, 1978; Горбачевич, Хабло, 1979; БАС, 1951; МАС, 1981; Ожегов, 1989; Ефремова, 2000; Абрамов, 2002; Львов, 2002; НОСС, 2004, БФСРЯ, 2006; АСРЯ, 2014). Рассмотрим существующую практику лексикографического описания *воды*, выявим расхождения между ними и установим инвариантную часть, продемонстрировав тем самым особенность категоризации денотата имени *вода*.

В практике лексикографических толкований слову *вода* в русском языке приписывается ряд значений, включая и их подзначения (обусловленные контекстом), выделенные в словарях кривой чертой. Здесь мы сталкиваемся с теоретической проблемой терминологического именованя слова в совокупности всех его значений, равно как и именованя отдельных значений. Как известно, наиболее употребительным является термин «лексема» и ее «отдельные значения», или «лексико-семантические варианты». С 70-х годов прошлого века в работах И. А. Мельчука, А. Д. Супруна лексема начинает пониматься как отдельное значение, противопоставляясь термину «вокабула» – слову во всей совокупности его значений. Этот терминологический разнобой важен для нас в одном отношении: считать ли концептуальным приращением смыслы, сопровождающие отдельные значения, или сумму смыслов, связанных в со-

знании носителей культуры с целостным звуковым комплексом *вода*? Мы, как уже говорилось выше, предпочитаем рассматривать концепт как соединение субконцептов, соотносящихся с отдельными значениями слова. В таком случае сумма смыслов, связанных со словом *вода*, будет сложным образом генерироваться из смысловых приращений к отдельным значениям. В целях большей привычности описания мы останавливаемся на термине «лексема», означающем слово во множестве его значений и всех грамматических форм. Далее используются термины «отдельные значения» («ЛСВ» не принимается нами в силу того, что предполагает сильную обусловленность значения контекстом).

Итак, СлУш (Ушаков, 1935, 323–324) выделяет у слова *вода* девять значений. При этом *воде*-2 словарь приписывает еще три подзначения, маркированных двумя параллельными линиями слева от нее:

1. *только ед.* Прозрачная, бесцветная жидкость; 2. *только ед.* Водная поверхность. // Уровень водной поверхности. // Течение (обл., спец.). // Путь, по которому идет гоночное судно (спорт.); 3. *только мн.* Пространство, покрытое водой: реки, озера и болота (книжн., геогр.); 4. *только мн.* Струи, волны моря, реки (поэт.); 5. Напиток минеральный, газированный или фруктовый (обычно с определением); 6. *только мн.* Целебные минеральные источники; курорт с минеральными источниками; 7. *только ед.* Многословие при бедности мысли (разг., ирон.); 8. *только ед.* Качество драгоценного камня, определяемого степенью чистоты и игры; 9. *только мн.* То же, что околоплодные воды (разг., мед.).

Как видим, для большинства значений (за исключением 7 и 8) срабатывает метонимический принцип их образования. Денотат первого значения категоризируется как ‘жидкость’ – в эту же категорию могут быть включены денотат значения 5 (‘напиток’) и значения 9 (‘околоплодные воды’). Вряд ли правомерно разграничение второго (‘водная поверхность’ с примером: *путешествие по воде*) и третьего значений (‘пространство, покрытое водой’), поскольку и в том, и в другом случае речь идет о денотате, подводимом под категорию «водоемы», а при более высоком уровне категоризации – под «пространство». Значимым для разграничения значений для данного словаря оказывается грамматическая категория числа – пометы, например, «только мн.» маркируют отдельные значения.

Нельзя не отметить, что присущая русскому слову *вода* многозначность в практике словарных описаний представлена по-разному, равно как и выделение подзначений. Так, МАС под ред А. П. Евгеньевой (МАС, 1981, 191–192) у слова *вода* выделяет шесть значений и три подзначения. При этом четыре значения и

все подзначения снабжены пометами – *мн.ч., обычно мн.ч., в знач. нареч. разг., с определением, перен., преимущ. в знач. сказ.:*

1. Прозрачная бесцветная жидкость, образующая ручьи, реки, озера, моря и представляющая собой химическое соединение водорода с кислородом // *с определением*. Напиток или водный раствор какого-л. вещества, применяемый для утоления жажды, а также в лечебных или иных целях // *перен., преимущ. в знач. сказ.*. Пустые, бессодержательные фразы, многословие при бедности содержания; 2. *мн.ч.* Минеральные источники; 3. *обыч. мн.ч. (воды, вод)*. Водная масса реки, озера, моря // *мн.ч. (воды, вод)*. Водные пространства, участки морей, озер, рек (*Государственные воды*); 4. *в значен. нареч.* Водный путь; 5. Чистота окраски, блеска, прозрачности драгоценного камня; 6. *мн.ч. Разг.* То же, что околоплодные воды (МАС, 1981, 191–192).

Как уже показывалось выше, словарь С. И. Ожегова под ред. Н. Ю. Шведовой (Ожегов, 1989, 93) и словарь Т. Н. Ефремовой (Ефремова, 2000) приводят восемь и шесть значений соответственно. При этом в словаре Т. Н. Ефремовой три значения, которые формируются формой множественного числа, описываются отдельной словарной статьей с опорным словом *воды*.

При разном количестве выделяемых значений можно отметить устойчивое, сохраняющееся в течение веков употребление слова *вода* в соответствии с тремя значениями – ‘вода-жидкость’, ‘вода-пространство’, ‘вода-поверхность’. Мы думаем, что, поскольку поверхность является составной частью трехмерного пространства, а жидкость есть одна из форм существования субстанции (ср. выражение: *жидкая субстанция*), то здесь можно выделить два категориальных значения: ‘вода-жидкость’, и ‘вода-пространство’. Различие же в количестве номинативно-производных значений и их контекстуальных употреблений, объясняется, видимо, широтой фрагмента действительности (денотативной области), где присутствует вода и ее многофункциональностью.

Нельзя не отметить, что объем лексикографической информации и ее детализация при описании слова *вода* и толковании его значений не есть явление практики исключительно русской лексикографии. Так, толковые и тезаурусные онлайн-словари английского языка, в частности, *Merriam-Webster OnLine*, *Thinkmap Visual Thesaurus*, а также такие источники, как *The Dictionary/Thesaurus by Farlex (The American Heritage Dictionary of English Language, 2002; Collins English Dictionary – Complete and Unabridged, 1991; Random House Kernerman Webster’s College Dictionary, 2010; Thesaurus Based on WordNet 3.0, Farlex clipart collection, Princeton University, Farlex Inc, 2003-2012)* предлагают еще более детализиро-

ванную систему значений слова *water*, являющегося эквивалентом русского слова *вода*. При этом в описание данной единицы в англоязычной практике лексикографических толкований также включаются и ее мифологические аллюзии. Так, словари *Collins English Dictionary (Collins Thesaurus of English Language, 1995, 2002)*, *Thesaurus by Farlex (WordNet 3.0, Farlex clipart collection, 2003–2012)* и *Thinkmap Visual Thesaurus (Thinkmap Visual Thesaurus, 1998–2014)* у слова *вода* фиксируют метафизическое значение, согласно которому *вода* определяется как один из четырех элементов, как первопричина физической реальности мира, либо как водный зодиакальный символ. Справедливости ради необходимо сказать, что метафизика *воды* в практике русской лексикографии частично представлена в зоне фразеологии, помещающейся за «ромбом». В нее словарями обычно включается ряд устойчивых сочетаний и выражений (*вольная вода, желтая вода, живая вода, мертвая вода, полая вода, тяжелая вода, холодной водой окатить, чистой воды* и др.), равно как и ряд пословиц и поговорок (как, напр., *как в воду кануть* и др.), в которых отражаются древние архетипические представления о природе денотата *воды*.

Словарь НОСС под редакцией академика Ю. Д. Апресяна, описывая дистрибутивные возможности данного имени отмечает, что *вода* в форме род.п. (зависимого генитива) сочетается со словами семантики мер объема, количества и сосудов: *литр, тонна, чан, цистерна, толщина, капля, много, мало, чуть-чуть, станкан, кастрюля, чайник*. Лексема *вода* в составе определительных конструкций также сочетается с именами существительными, называющими водоемы, резервуары, где находится жидкость, устройства, по которым она течет, а также согласуется с образованными от названных имен прилагательными: *вода реки (озера, моря, бассейна); речная, морская, болотная, океанская, колодезная, водопроводная вода*. Вместе с тем толковые и другие словари русского языка фиксируют большое количество устойчивых словосочетаний с лексемой *вода*. Кроме названных, среди них следующие: *питьевая вода, дождевая вода, пресная/соленая вода, тяжелая вода, желтая вода, большая/малая вода, низкая/высокая вода, нейтральные/территориальные воды, сточные/грунтовые воды, вешние/талые воды, огненная вода* и т.д. Помимо обозначенного, лексема *вода*, следуя данным словаря эпитетов К. С. Горбачевич и Е. П. Хабло, сочетается с более чем 160 эпитетами цвета, степени прозрачности, чистоты, запаха, температуры, характеристики поверхности, быстроты течения, физического воздействия, природного явления, природной цикличности (Горбачевич, Хабло, 1979, 54–57).

Синтагматические связи лексемы *вода*, характеризующие ее «языковой мир», определяются также и глагольным окружением. В русском языке лексема *вода* входит в контексты сочетаний с глаголами разных семантических классов. Среди них НОСС выделяет глаголы со значением пространственного положения: *лежать, покрывать*; глаголы движения, в том числе осуществляемого с большой скоростью: *капать, брызгать, стекать, сочиться, обрушиваться, низвергаться*; глаголы, обозначающие звук, сопровождающий движение: *журчать, булькать, звенеть, реветь*; глаголы, обозначающие процессы, происходящие внутри жидкой субстанции: *кипеть, бурлить, пениться, замерзать, расширяться*; глаголы, обозначающие поглощение жидкой субстанции объектами, чаще всего природными: *впитать, насытиться (водой)*; глаголы, обозначающие превращение жидкой субстанции в пар: *испариться*; глаголы, обозначающие зрительное восприятие жидкой субстанции: *сверкать*; глаголы, обозначающие деформацию объекта под влиянием жидкой субстанции: *сгнуть, раздуться*; глаголы, обозначающие типы использования объекта: *пить, поливать, умыться, мыть, sprыскивать, варить, охлаждать, размачивать*; глаголы, обозначающие действие, которым человек подвергает жидкую субстанцию: *взболтать, налить, вылить, перелить, загрязнить, кипятить*; глаголы, обозначающие расположение объектов в воде: *погрузиться в воду, уйти под воду*; глаголы, обозначающие воздействие воды на организм: *захлебнуться в воде*; глаголы, обозначающие увеличение или уменьшение уровня поверхности воды: *вода прибывает, поднимается, убывает* (НОСС, 2004, 120–123).

Относясь к предметному лексикону, обозначающему конкретные реалии, *вода* в языке вступает в парадигматические семантические отношения с другими единицами русского языка. В словаре НОСС *вода* описывается в паре с ее лексическим синонимом, представленным лексемой *влага*. Согласно данным словаря антонимов русского языка М. Р. Львова, антонимом *воде* выступает лексема *суша* (Львов, 2002), в других словарях даются такие антонимы, как *почва* и *суша*. Возникает вопрос: какому из словарных значений, отмеченных в рассмотренных словарях, можно сопоставить эти антонимы? Ответить на этот вопрос, опираясь только на приведенные толкования, оказывается, не так легко: конечно, это не *вода-жидкость*. Возможно, это *вода-пространство*? Но такое значение обычно описывается, как *пространство, покрытое водой*, то есть способное существовать и без воды (*пересохшая река*). Очевидно, это антонимическое противостояние *воды* и *суши* можно объяснить только с антропоцентрических позиций: человек, находясь на зыбкой поверхности воды,

противопоставляет ей более прочную поверхность – суши, земли. Но словарные толкования, «не ориентированные на человека», вряд ли способны объяснить такое антонимическое сопряжение.

Гораздо рациональнее эта связь объясняется в рамках древних взглядов о четырех первоэлементах – Земле, Воде, Огне, Воздухе, где Земля и Вода противопоставляются по признаку ‘твердое-жидкое’. И здесь перед нами вырисовывается еще одна «сверхкатегория» – **субстанция**, в рамках которой и могут быть сопоставлены эти понятия.

Воде как одной из четырех стихий традиционно противостоит и огонь. Поэтому в словаре НОСС лексема *вода* включается в семантический ряд неточных антонимов, приводимых этим лексикографическим источником к слову *огонь* (НОСС, 2004, 697). Образую синонимические и антонимические пары *вода-влага*, *вода-суша*, *вода-огонь*, лексическая единица *вода* в русском языке вместе с тем вступает и в иные семантические парадигматические связи, мотивированные отношениями аналогии. Так, в качестве аналогов к слову *вода* словарь НОСС приводит девять лексем: *жидкость*, *раствор*, *напиток*, *выпивка*, *спиртное*, *алкоголь*, *сок* (деревьев), *роса*, *дождь* (НОСС, 2004, 123).

Совершенно очевидно, что имя *вода* в русском языке характеризуется деривативной активностью. От данной единицы образованы лексические дериваты, называющие разнообразие реалии. Спектр их значений простирается от бытовых (*водопровод*) до сказочных (*водяной*). По данным словаря НОСС (НОСС, 2004, 123–124), словообразовательное гнездо со словом *вода* включает в себя двадцать четыре образования, связанных корневой морфемой *-вод-*. Кроме того, словарем приводятся четырнадцать семантических дериватов, формально не связанных, но со словом *вода* соотносящихся семантически: *жажда*, *орошение*, *испарение*, *конденсация*, *капля*, *испарина*, *пот*, *слюни*, *слезы*, *мокрый*, *сырой*, *отсыревший*, *мочить*, а также образования с формантом *гидро-*. Словарь В. И. Даля приводит более ста лексических единиц, образованных от слова *вода*, включая устаревшие и диалектные единицы. Среди них такие, как *водица*, *водичка*, *водка*, *водонька*, *водочка*, *водина*, *водовик* (тип лодки), *водовица* (неводная лодка), *водень* (рыба окунь) и т.д. (Даль, 1978, 218–222).

В языке *вода* реализуется в значительном числе метафор, сравнений, устойчивых сочетаний и фразеологических выражений, пословиц и поговорок. В них в имплицитном виде представлена «наивно-энциклопедическая» информация, отображающая культурную память слова *вода* в русском языке. Реализуя стереотипное представление о воде, ее идиоматика становится

объектом лексикографических описаний. В этой связи Большой фразеологический словарь русского языка под ред. В. Н. Телия приводит двадцать две фразеологические единицы (БФСРЯ, 2006). Словарь В. И. Даля дает более ста идиоматических сочетаний, что свидетельствует о традиционно большом фразеологическом потенциале слова *вода* в русском языке и его высокой метафорической активности. Выступая в толковых словарях русского языка, в зоне за «ромбом», также в словарях паремий и идиом, «водные» фразеологические единицы, по сути, отображают «наивные» представления о воде, сложившиеся в процессе познания окружающего мира. В. Н. Телия признает, что фразеологизмы и идиомы являются знаками «языка» культуры, которые связаны с языком и взаимодействуют с ним, отражая особенности русского менталитета (Телия, 2006, 6). Очевидно, что такие устойчивые выражения и идиоматические сочетания, как например: *живая/мертвая вода, окропить живой/мертвой водой, как в воду канул, пройти огонь, воду и медные трубы, летейские воды, темна вода во облацех, чистой воды* и др., будучи источником прагматической информации, в русском языке эксплицируют «культурную память» слова *вода*. Проявляясь во фразеологии и идиоматике, «память слова» отображает древнейшие, существующие на уровне мифа, представления, бытующие в народной культуре и духовных практиках народа (Брагина, 2003, 19; 2007, 30), которые могут впитывать в себя и «чужие» культурные источники (*летейские воды*). Закрепленные в социуме на уровне идиоматики накопленные знания о воде влияют на формирование смысловых, ассоциативно-коннотативных рядов, отображающих отношения концептуального согласования имени *вода* с понятиями *жизнь, смерть, забвение, вечность, время, неизвестность, граница, мир «этот», мир «тот»* и др.

Обобщая сказанное, следует подчеркнуть, что предметное имя *вода* толковыми словарями русского языка СлУш, БАС, МАС, СлЕфр, СлОж, СлДл, в первую очередь, категоризуется как *жидкость*. Кроме того, имя *вода* в результате семантического сдвига значения – метонимического переноса – также толкуется как *пространство*. Мы пока не говорим о категоризации воды как пространства в словарных толкованиях (то есть использовании *пространства* как априорного, наиболее общего понятия, под которое подводятся более частные), поскольку имеем, как уже было сказано, метонимический сдвиг значений. Как известно, идея пространства как категории берет начало от Аристотеля, который говорит о «категории места». Если в текстах И. Бунина бытие преимущественно определяется через движение, соположение предметов относительно друг друга, мы

можем говорить о категориальном сдвиге в концептуализации денотата *воды* в творчестве И. Бунина.

3.2. Грамматика *воды* как принцип разграничения значений лексемы

Одна из удивительных способностей языка, пишет А. Кибрик, состоит в том, что один и тот же объект обозначается разными способами, а разные объекты – одним и тем же способом (Энциклопедия «Кругосвет», 1997). Данная характеристика языка отражена и в грамматике. Хорошо известно, что без специальных маркеров (семантика имени, ее окружение) одна и та же грамматическая форма способна иметь несколько интерпретаций. И напротив, – различные грамматические формы могут выражать одно и то же семантико-синтаксическое значение. Поэтому мы полагаем, что описание языковых характеристик слова и его семантики для того, чтобы претендовать на полноту описания, не должно замыкаться на лексикографической практике выделения и толкования значений лексических единиц, определения их синтагматики, парадигматики, словообразовательных и иных семантических связей, существующих в системе языка. Напротив, существующее в русской гуманитарной науке лингвистическое представление *воды*, отраженное в практике современной лексикографии и представленное выше, необходимо дополнить описанием грамматической семантики этого имени существительного в русском языке. Поскольку «языковой мир»¹⁸ лексемы как принцип разграничения ее значений, согласно МСШ, включает в себя в равной мере как лексическую, так и грамматическую информацию о формах, конструкциях и т.п. В свете сказанного предварительно отметим, что помимо исследовательской интуиции, в различении значений *воды*, функционирующей в текстах И. Бунина, мы опираемся на формальные признаки, а именно: на формы категориальной падежно-числовой парадигмы этой лексемы.

¹⁸ Термин «языковой», иначе «лексический мир» восходит к работам Ю. Д. Апресяна (Апресян, 2009, 64; 2010, 19), согласно которым принцип разграничения значений многозначного слова обуславливается в том числе и различием «языкового мира» выделяемых лексем – их грамматических форм, управляющих свойств, сочетаемостных особенностей, парадигматических (набора синонимов, антонимов, аналогов) и словообразовательных (канонических и неканонических дериватов) связей.

Итак, *вода* в языковой системе русского языка грамматически характеризуется как существительное, относящееся по своим таксономическим признакам к классу имен названий веществ. Являясь именем существительным, *вода* как и любое другое предметное имя, помимо семантических признаков, одновременно является носителем морфологических категорий рода, числа и падежа.

В Грамматике–80 отмечается, что морфологическая категория числа имен существительных в русском языке является словоизменительной категорией, значения форм единственного и множественного числа которой отражают внеязыковые различия единичности и неединичности называемых предметов (Русская грамматика, 1980). Вместе с тем число имен существительных как морфологической категории – это не только материально выраженный формальный показатель, отражающий языковые различия «единичности и неединичности» предметов. Число имен существительных также является носителем неколичественной семантики: вещественной, собирательной, отвлеченной (Русская грамматика, 1980). Отличительной чертой вещественных имен, к каковым относится существительное *вода*, является то, что они, обозначая предметы, не подлежащие счету, в грамматике русского языка определяются как имена существительные *singularia tantum*, числовая парадигма которых характеризуется дефектностью. Русская грамматика–80 по данному поводу отмечает, что вещественные имена существительные как имена *singularia tantum* характеризуются тем, что их лексическое значение препятствует выражению отношений «единичность – множественность», поэтому вещественные имена существительные в русском языке называют то, что поддается измерению, но не счету. Однако, являясь существительными *singularia tantum*, вещественные имена в русском языке в некоторых контекстах характеризуется способностью функционирования в форме мн.ч. Грамматика–80 акцентирует, что такая способность существительных *singularia tantum* и вещественного имени *вода* реализуется тогда, когда возникает необходимость выражения отношения «единичность – множественность». При этом имеет место расхождение лексических значений форм ед.ч и мн.ч. имен вещественных существительных: мн.ч. начинает обозначать либо сорт, вид (*минеральные воды*), либо массу, объем (*потоки воды*) называемого вещества (Русская грамматика, 1980).

Таким образом, вещественное имя *вода*, в системе русского языка являющееся примером несчетных имен *singularia tantum*, характеризуется тем, что в основном своем значении не обладает формой мн.ч., и, следовательно, не отличается способностью противопоставления «один» – «несколько». *Вода* как

неисчисляемое в основном своем значении имя, тем не менее, характеризуется наличием формы мн.ч. Однако такая форма, как известно, развивает несводимые к идее количества значения. Форма мн.ч. *воды*, таким образом, выполняя словообразовательную функцию, становится различителем лексических значений. Обычно выделяется несколько лексикализованных форм мн.ч. имени *вода*. Они в русском языке функционируют в значении а) места или пространства (*ехать на воды, территориальные воды*), б) совокупности или массы/большого скопления/объема (*воды океана*)¹⁹, в) напитка (*воды* с ударением на -о-).

Отнесенность существительного *вода* к классу вещественных имен *singularia tantum* обуславливает и соответствующее поведение лексемы *вода* в текстах И. Бунина. Однако отсутствие форм мн.ч. у неисчисляемого по сути вещественного имени *вода* не означает, как отмечает Грамматика–80, невозможности образования у него форм со значением и внешними признаками мн.ч. Тем более, если дело касается форм художественной речи, в которой имена *singularia tantum* и относящаяся к ним лексема *вода* могут функционировать и как существительные с потенциально полной парадигмой (Русская грамматика, 1980). Таким образом, форма мн.ч. вещественного имени существительного *вода*, являясь средством языковой полисемии и художественной образности, у И. Бунина становится грамматическим инструментом дифференциации семантики значений лексемы *вода*.

Наряду с грамматикой форм числа, особая роль в разграничении значений лексемы *вода* в текстах И. Бунина отводится и категории падежа. Художественную выразительность грамматических категорий, в частности, категории падежа, в свое время отмечал Роман Jakobson (см.: Jakobson, 2001, 544–545). Поэтому, рассматривая языковой контекст употреблений лексемы *вода* в прозе И. Бунина, мы фиксируем как количественные, так и падежные формы самой лексемы *вода*, определяем ее окружение, на фоне которого разные комбинаторные значения одних и тех же падежных форм данной лексической единицы, функционирующих в тексте, становятся средством выражения и разграничения семантики ее значений.

Не вдаваясь в подробности грамматики, семантики и функций падежных форм и их значений, предварительно отметим, что семантика падежных значений у И. Бунина играет определенную (весьма важную) роль в актуализации

¹⁹ При этом отражается, как отмечает Русская грамматика–80, не числовое противопоставление, а соотношение по массе, объему (Русская грамматика, 1980), то есть форма мн.ч. отражает не счетное (числовое) соотношение «один – несколько», а соотношение меры количества «много».

смыслового контекста значений лексемы *вода*. Объясняется это тем, что падежная форма как грамматическая категория характеризующаяся многообразной системой значений, в текстах писателя отражает различные аспекты семантики лексемы *вода*. Это выражается в различиях ее концептуализации как природного феномена, бытового средства и жажду утоляющей жидкости, пространства и др. Вместе с тем следует подчеркнуть, что артикулируемые в прозе автора падежные формы лексемы *вода* реализуют определенные ее значения не сами по себе, а в сочетании с другими словами – именами, глагольными предикатами и предлогами. Они, включаясь в контекст дистрибуции *воды*, формируют с ней определенные локативные, директивные, транзитивные, количественные, объектные, субъектные семантические коммуникативно-синтаксические связи и отношения. Тем самым они способствуют реализации того или иного семантико-синтаксического значения *воды*: *в воде, на воде, к воде, о воде, по воде* и т.д. Все это собственно и определяет саму организацию «языкового мира» описываемой лексической единицы *вода*. Поэтому в соответствии с принципами интегрального описания языка, принятого в МСШ, рассматривая языковой контекст бунинских употреблений предметного имени *вода* и его текстовых коррелятов, мы фиксируем как формы самой лексемы, падежные и числовые, а также определяем их окружение. Тем самым на основе синтагматических отношений выстраиваем круг значений данной лексической единицы, реализованный в прозе И. Бунина.

Обобщая, еще раз выскажем логику выделения значений лексемы *вода* в нашей работе. Мы исходим из того, что основой описания реализации семантики *воды* в прозе И. Бунина, ее логических значений (объем понятия) и концептуального содержания может и должен быть языковой контекст данной лексемы – дистрибуция или лексическое окружение *воды*, ее грамматические формы, синтагматические, парадигматические и словообразовательные связи. Все это определяет «языковой мир», иначе «лексический мир» *воды*, эксплицирующийся в текстах прозаика на уровне грамматических форм данной лексемы, ее именной и глагольной сочетаемости, словообразования и метафорики.

Таким образом, следуя принципам интегрального описания языка, мы устанавливаем лексические парадигмы, в которые входит слово *вода* в разных его значениях, описываем метафорику анализируемой лексемы, ее дериваты, ее прагматическую нагруженность, вырисовываемую из контекста. Последняя позволяет нам говорить о том, что мы называем «культурной памятью» слова.

3.3. Семантическая структура *воды* и описание ее «языкового мира» в прозаических текстах И. Бунина

Прежде чем перейти к описанию объема семантики лексемы *вода* и реализации ее значений в текстах И. Бунина, необходимо уточнить следующее. Как пишет Е. С. Кубрякова, семантический анализ связан с разъяснением слова. Эта процедура, по Е. С. Кубряковой, четко направлена на экспликацию семантической структуры изучаемой единицы и уточнение реализующих ее денотативных, сигнификативных и коннотативных значений (Кубрякова, 2004, 372). Разъяснение слова, таким образом, предполагает представление его значений, то есть связано с описанием условий употребления языкового знака и определением его формальных и сочетаемостных свойств. Вместе с тем описание семантики языковой единицы, согласно постулатам МСШ, должно быть интегрированным. Это значит, что описание значений слова не должно ограничиваться исследованием грамматических характеристик его употребления и дистрибутивных или синтагматических особенностей. Оно также должно быть согласовано с описанием в том числе и парадигматических связей слова (Апресян, 2004, IX; 2009, 111).

Также как в русском языке, в идиолекте И. Бунина *воде* присуща многозначность. Эта языковая единица употребляется в контекстах, реализующих семантику, которая отражает, как современные взгляды на воду, так и обусловленные культурой представления о ней. Так, *вода* в текстах автора входит в контексты, в которых она выступает в качестве не только жидкости, пространства или среды, но также и природного времени (весны) и стихии, что будет показано ниже. Нельзя не отметить, что сам принцип разграничения значений языковой единицы на основе различия их «языковых миров» подробно обосновывается в работах Ю. Д. Апресяна (Апресян, 1995г, 43–64; 2009, 64–65). Следуя названному принципу, мы предполагаем, что семантическая структура лексемы *вода* в авторских текстах может быть описана с опорой на контексты, где имеет место различная категоризация воды. Предварительно мы можем сказать, что вода категоризируется в текстах И. Бунина как 1) **жидкость**, 2) **пространство**, 3) **стихия**. Однако, забегаая вперед, подчеркнем, что в нашей работе мы не ограничиваемся выделением трех категориальных значений *воды*, обнаруженных в прозе писателя и понимаемых как структура логического характера. Напротив, мы также выделяем четвертое значение *воды*, которое в авторском идиолекте, выступает в качестве **символа амбивалентных начал**. В этом своем качестве

оно определяет сублогическую часть семантики языкового знака, связанную с прагматическими смысловыми приращениями лексемы *вода*, которые раскрываются в контексте в результате читательской рефлексии.

3.3.1. Вода-жидкость

В свете сказанного отметим, что категоризуясь как жидкость (жидкое вещество), *вода* (в дальнейшем обозначим: *вода-1*) в прозе И. Бунина в своем прямом значении употребляется в контекстах, демонстрирующих оппозицию *природное* (бытийное, онтологическое) *vs бытовое*. Названная оппозиция, определяя денотативную область воды и эксплицируя вещественную семантику лексемы, как показал анализ бунинских текстов, формирует два семантических блока значений.

Вода-1.1 у И. Бунина обозначает 'природное вещество, жидкость'; в этом значении в подавляющем большинстве случаев употребляется в форме ед.ч.; обычно встречается в формах и.п. или тв.п.; входит в конструкции с согласованным определением *родниковая/дождевая/лесная/снеговая* и др. *вода* («Косцы», 4, 222; «Жизнь Арсеньева», 5, 171, 46; «Вести с родины», 2, 43). Формируя атрибутивные конструкции, управляет формой род.п. имен названий водоемов: *вода пруда/реки* («В стране пращуров», 3, 588); также в составе конструкций с предлогом управляет формой пр.п. *вода в пруде* («Жизнь Арсеньева», 5, 46); в форме род.п. сочетается с именами формы и меры – *капли воды, стакан воды* («Бернар», 5, 555; «Тень Птицы», 3, 509);

вода-1.2 – отсылает к определенному времени года, маркирует его. Мы можем говорить о метонимическом обозначении весны через устойчивые сочетания со словом *вода*. Это происходит обычно в составе устойчивого словосочетания: *полые воды* («В деревне», 2, 397), *полая вода* («Митина любовь», 4, 347), *в среднюю воду* («Казацким ходом», 2, 421). Позволим себе обозначить это употребление (подзначение) как 'маркер временного цикла';

вода-1.3 – 'средство, используемое для бытовых нужд и утоления жажды': *весь с ног до головы обтерся водой с одеколоном* («Братья», 4, 22);

вода-1.4 – 'специальный напиток': *пьют воды* («Дельта», 3, 526), *продавец воды* («Дельта», 3, 526), *сельтерская вода* («Алексей Алексеич», 4, 499), *пьют сиропы с шипучей водой* («Жизнь Арсеньева», 5, 226);

вода-1.5 – 'элемент культурных практик': *кропят розовой водой* («Камень», 3, 550), *стали водой отливать* («Ночной разговор», 3, 241).

Далее мы рассмотрим семантику **воды-жидкости** в рамках той топики, которая определяется структурной семантической оппозицией *природное vs бытовое*. В картине мира прозаических текстов И. Бунина категоризация *воды* в качестве природного вещества связывается с раскрытием онтологических смыслов физики феномена воды и примыкает к первому блоку выделенных подзначений лексемы *вода-1*.

Вода-1.1 ('природное вещество, жидкость')

Лексема *вода-1.1* в рамках категории «субстанция», членом которой является понятие (подкатегория) «жидкость», в прозе писателя обнаруживает неоднозначность осмысления и представления, что уже продемонстрировано выше. Как жидкость *вода* прежде всего осмысляется (концептуализируется на логическом уровне) как нестабильная по форме, текучая природная субстанция. Как природная субстанция она характеризуется определенными кинетическими, визуальными и другими чувственно воспринимаемыми (движение, прозрачность, цвет, звук, запах, иногда форма) свойствами. Контекст реализации значения *вода-1.1* в прозе И. Бунина определяется в семантике глаголов, передающих онтологические свойства денотата воды. К ним относятся как собственно глаголы движения, так и глаголы и их формы, в семантике которых обнаруживается компонент «перемещение». Так, значение лексемы *вода-1.1* в текстах И. Бунина (напр., «Обреченный дом», «Туман», «Жизнь Арсеньева») реализуется в контексте глаголов и их форм, которые традиционно описывают движение воды: *качаться, течь, натечь, струиться, сыпаться, капать, катиться, переливаться, плескаться, выплескиваться, идти*:

<...> *натекла с тротуара свинцовая вода* <...> (Бунин, 1988, 4, 527)²⁰; *С рей, навесов и снастей капала вода* (2, 204); <...> *лошадей, с темных хвостов и грив которых струится вода* (4, 603).

Само движение воды у И. Бунина передается глаголами движения и перемещения в сочетании с формой и.п. лексемы *вода*. Оно может представляться как результат действия/воздействия на природную реалию какого-то носителя энергии – человека, животного, под воздействием которого реалия воды приходит в движение:

²⁰ Бунин И. А. Собр. соч. в 6-ти тт. Москва: Худож. лит., 1987–1988, Т. 2–5 (в дальнейшем цитируется по данному изданию с указанием тома и стр. в тексте), напр., (2, 236).

<...> кобыла долго-долго однообразно сосала воду, и видно было, как **вода** волнисто **шла** по ее горлу («Кастрюк», 2, 26). Мелитон, согнувшись, шел к избе от пруда с полным, тяжелым ведром, из которого **плескалась вода** <...> («Мелитон», 2, 185).

В терминах семантических ролей здесь можно усмотреть роль агенса движения, однако это, скорее, «псевдоагенса», поскольку состояние, в котором пребывает вода, по всей видимости, является результатом производимого кем-то действия. Возвращаясь к приводимым выше идеям Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова, можно сказать, что здесь реализуется «инактивная» функция воды. Функцию каузатора движения природной реалии могут выполнять некоторые действующие артефакты, например, пароход, его винты и т.д.:

<...> а в шуме колес, который был похож сперва на приближающийся шум каскада, уже выделялись звуки быстро вертящихся лопастей, и можно было различить, как шипит и **сыплется вода** («Туман», 2, 207). Шумит рукав водопровода, наполняя глубокий тендер... И вот **вода** уже **переливается** через края <...> («Иоанн Рыдалец» 3, 378–379).

Здесь **вода** также выступает как инактивное начало, хотя синтаксически выполняет роль субъекта действия.

Поскольку движение воды сопровождается определенным, характерным звуком, лексема **вода**, дефинируясь нами как природная субстанция (подводясь под категорию), сочетается с глаголами, обозначающими звук:

<...> уже выделялись звуки быстро вертящихся лопастей, и можно было различить, как **шипит**, **сыплется вода** («Туман» 2, 207).

При глаголах звучания **вода** выступает уже как агенс действия, то есть активный деятель.

В лексическое окружение лексемы **вода** в значении природной субстанции входят глаголы, обозначающие зрительное и обонятельное восприятие жидкой субстанции:

<...> **тянет запахом речной воды** («Страна содомская», 3, 571); **вода** его (канала – прим. МБ) **зеленела** («Воды многие», 4, 452); **густым сине-лиловым маслом светит** сквозь решетку **вода** («Тень Птицы», 3, 501).

В этом случае достаточно трудно определить семантическую роль актанта с именем **вода** – здесь как будто бы и субъект действия (агенса) и в то же время пассивный носитель некоторого состояния (пациенса). В духе Ю. Д. Апресяна можно говорить о синкретичности семантических ролей **воды** как актанта, совмещающего активность и пассивность участника ситуации.

Помимо глаголов зрительного восприятия, семантика качественно характеризующих лексему *вода* признаков создается в контексте именных предикатов: <...> *где вода прозрачна, как слеза* («Несрочная весна», 4, 270).

Лексема *вода* в значении природной субстанции в форме тв.п. сочетается с глаголами, обозначающими поглощение жидкой субстанции другими природными объектами (роль объекта):

<...> *парило над дымящимися полями, над грязными дорогами, над хлебами, насыщенными водою, легшими на землю* («Худая трава», 3, 390); *снег насытился водою* («Кукушка», 2, 405).

Значение природной субстанции лексемы *вода-1.1* эксплицируется в контексте глаголов *закипать*, *замерзать*, функция которых соотносится с обозначением природных свойств жидкой субстанции, отображающих физические процессы и состояния, происходящие с ней:

«Странная любовь», — *думал я и, пока закипала вода, стоял, смотрел в окна* («Чистый понедельник», 5, 462). *К утру сочельника комната его сильно настудилась. Вода в умывальнике замерзла* («Учитель», 2, 68).

Думается, и здесь можно говорить о синкретичности актантов: действия (агенс) и состояния (пациенс).

Характер употребления глагола *закипать*, семантика которого отображает физический процесс нагревания воды, в прозе И. Бунина, как и вообще в русском языке, обнаруживает тенденцию к метафоризации и начинает обозначать состояние воды, зрительно напоминающей кипение, однако не в процессе нагревания:

Над головами пролетел конец каната, потом понесло назад, и с шумом закипела вода <...> («Солнечный удар», 4, 383). *Потом шумно заklubилась вода из-под кормы* <...> («Конец», 4, 214).

В контексте глаголов действия *варить*, *толочь* форма в.п. лексемы *вода*, функционируя в составе фразеологических выражений и представляясь жидкой субстанцией, наделяется коннотативно-ассоциативным значением отсутствия полезности, что проявляется, например, в рассказе И. Бунина «Хорошая жизнь», а также в повести «Деревня»:

<...> *воду варить* – *вода будет* (3, 216); <...> *воду толочь* – *вода будет* (3, 105).

Видимо, такие ассоциации становятся основой переносного значения, отмечаемого словарями, например, СЛОЖ: «о чем-н. бессодержательном и многословном (разг.). не доклад, а сплошная в. в сообщении много воды. воду лить (о пустой болтовне)» (Ожегов, 1989, 83).

Лексема *вода-1.1* как обозначение жидкого вещества природного происхождения сочетается с именами, названиями сосудов/емкостей и форм, которые, с одной стороны, указывают на некоторое количество *стакан воды* («Безумный художник», 4, 200) и др., а с другой – определяют ее форму – *капли воды* («Бернар», 5, 555).

Являясь главной составляющей гидросферы, *вода-1.1* в прозе И. Бунина представлена и как заполняющая водоемы жидкость:

<...> **вода в пруде** была чистая, прозрачная, особенная лесная вода («Жизнь Арсеньева», 5, 46).

Концептуализацию воды как заполняющей водоемы жидкости эксплицируют контексты, в которых лексема *вода*, являясь частью именных конструкций, предложных и беспредложных (*вода в пруде, вода канала*), управляет именами существительными, в значении которых имеется семантический признак – «водоем»:

<...> **пахло теплой водой реки** («В стране пращуров», 3, 588); <...> **запах гниющей воды канала** («Генрих», 5, 369); <...> **запахами теплой воды пруда** («Жизнь Арсеньева», 5, 111). И здесь возникает возможность новой категоризации воды – как пространства, форма которого описана управляемым существительным, указывающим на локус пребывания воды.

Семантический признак, характеризующий *воду-1.1* в качестве заполняющей жидкости, может быть выражен и конструкцией с определением, в которой атрибут представлен прилагательным, образованным от имен названий водоемов:

<...> **сапогами, налитыми болотной водой** («Далекое», 2, 253); <...> **то место, где сливается река с маслянистой, жгуче-горькой водой асфальтической** («Страна содомская», 3, 573).

В последнем приведенном примере атрибут *асфальтический* является перифразом атрибута «мертвый» как части гидронима «Мертвое море».

Денотат *воды-1.1* также подводится под категорию атмосферного явления, выпадающего на землю в виде осадков – дождя, тумана, росы, снега и т.д. Данный аспект семантики значения лексемы *вода-1.1* эксплицируется определительными конструкциями, как например, *дождевая вода* («Храм Солнца», 3, 578; «Грамматика любви», 4, 47; «Жизнь Арсеньева», 5, 171), *снеговая вода* («Вести с родины», 2, 43).

Имя *вода* в русском языке характеризуется прагматической нагруженностью – текучести и как следствие преходящности, связанной как с физическими

свойствами денотата *воды*, так и с мифологизированными представлениями о ней, отраженными в памяти культуры. Тексты авторской прозы, конечно, не являются исключением. Так, лексема *вода-1.1* как нестабильная по форме, текучая субстанция в картине мира И. Бунина становится источником аналогий, которые посредством данной лексемы, функционирующей в составе сравнительных оборотов, идиоматических выражений и поверий, переносятся как на окружающую действительность, так и на эмоционально-психические аспекты жизни человека и его душевные и физические состояния. В этом своем качестве *вода-1.1* в текстах писателя становится основанием для тропеических построений, например, *как о воде протекшей будешь вспоминать* («Темные аллеи», 5, 253); *слезы, как теплая вода* («Велга», 2, 140); *счастье, как вода в бредне: тянешь – надулось, а вытащишь – ничего нету* («Чистый понедельник», 5, 463).

Вода-1.2 ('маркер временного цикла')

Мы выделили как отдельное словоупотребление функционирование лексемы *вода* в составе словосочетаний, являющихся метонимической отсылкой к сезонному периоду – обычно весны: *весенняя вода, прошлогодняя вода, полая вода, полые воды*. Синонимом к значению лексемы *вода-1.2* выступает дериват *половодье*.

Данное значение словарями русского языка обычно не выделяется, но отмечается в зоне за ромбом в составе идиоматических выражений. В словаре В. И. Даля в качестве архаических словоупотреблений отмечены выражения, отсылающие к ситуациям, где время измеряется состоянием воды в водоемах: *время от самой малой до самой полной воды, между приливом и отливом, около 6 часов, а также || переплываемое в этот срок расстояние, около 30 верст. Стоять целую воду, выждать прибыль или убыль. Иные считают воду в 12 часов, между двумя полными приливами или отливами; тогда в сутках две воды, иначе их четыре. Расшива семи вод, или на седьмой воде, семь лет служить на воде* (Даль, 1978, 218). Как видим, в большинстве примеров лексема *вода* используется для исчисления времени. В текстах И. Бунина мы не находим таких архаизированных употреблений. Здесь речь идет только о весенних паводках – возникает вопрос: считать ли это отдельным значением лексемы *вода*?

<...> и опять **полые воды** еще сильнее разыгрались на лугах (2, 311); <...> *загремят по оврагам полые воды* <...> (2, 397); *пошла полая вода, такая спорая и буйная* (5, 90).

Для нас представляет интерес тот факт, что в подобных сочетаниях лексема *вода* выступает в синтагматической близости со словами со значением пространства. Перед нами не просто вода-жидкость, используемая для бытовых нужд, или вода-жидкость в виде атмосферных осадков и т.п. Это вода, которая заполняет не предназначенное для нее пространство в определенный временной период. И если говорить о семантической роли воды в данной ситуации, то она предстает уже как активная сила, способная заливать пространство, не будучи стимулированной иным агенсом. Поэтому с точки зрения актантной роли воды в таких употреблениях мы имеем не отмечаемую выше роль активного деятеля. На этом основании мы предлагаем выделять в подобных словоупотреблениях отдельное значение: 'показатель временного цикла'.

***Вода-1.3* ('средство, используемое для бытовых нужд и утоления жажды')**

Денотативная область воды предполагает ее существование во внеязыковой действительности как бытового средства, напитка и благовония (ритуал, обряд, поверье), то есть вода может включаться в разные категории, члены которых могут быть противопоставлены по признаку *бытовое vs квазибытовое средство*. В первом случае, лексема *вода* выступает как «функциональное имя», то есть как имя, предполагающее определенный постоянный способ использования: вода – это то, что пьют, чем моют, орошают и т.д. (Рахилина, 2010а, 35). Кроме названного, лексема *вода* употребляется в квазибытовых контекстах (реализует значение благовония и жидкости, выполняющей функцию ритуала, обряда, поверья), в которых «прочитываются» древние, связанные с народной культурой, представления. Здесь *вода* начинает обрывать прагматическими коннотациями – у нас появляется возможность говорить о приращении к понятийной части концепта, выражаемого лексемой, его оценочной и образной части.

Являясь функциональным именем, лексема *вода-1.3* сочетается с глаголами различных семантических классов – физического действия, физиологического процесса и др. действий, а также их функцивов, в которых отражается способ использования воды как бытового средства.

К глаголам физического действия относится ряд глагольных лексем, в текстах прозы И. Бунина управляющих беспредложными формами в.п. и тв.п. лексемы *вода-1.3* как бытового средства. Это глаголы и их формы: *кипятить, возить, варить, натаскивать, лить, брать, облить (-ся), плеснуть, поливать, вымыть, мыться, обдать*. Данные единицы называют действия, которым под-

вергается обозначенный лексемой *вода* объект (семантический актант), в качестве жидкой субстанции употребляющийся в бытовой функции. Так, лексема *вода*, соотносясь с денотатом в его бытовой функции, сочетается с глаголами, обозначающими действия, которым человек подвергает субстанцию воды и которые мы, используя терминологию Г. А. Золотовой, называем **функтивами**²¹ **действия** (Золотова, 1998, 62):

*И я вставал, кипятил **воду** в чайнике <...>, пока закипала **вода**, стоял, смотрел в окна* («Чистый понедельник», 5, 462).

Вода в своей бытовой функции также характеризуется тем, что ее можно перемещать. В этой своей функции вода в форме в.п. без предлога сочетается с глаголами направленного действия, например, *возить, таскать, натаскивать*:

*Ишь ты сама **воду возит**...* («Худая трава», 3, 389); <...> *тут же стояла цинковая ванна, в которую слуга должен был **натаскивать воду** ведрами* («В стране пращуров», 3, 588).

В контексте глаголов *облить* (-ся), *плеснуть*, *поливать*, *вымыть* лексема *вода-1.3* в форме тв.п. без предлога в текстах И. Бунина употребляется в роли функционального имени и реализует семантику средства гигиены:

*И пошел переодеваться, мыться, **облил** голову холодной **водой** <...>* (Пароход «Саратов», 5, 435); <...> *подошел к лейке над лоханью, **плеснул водой** на руки и взялся за ложку* («Учитель», 2, 65).

Здесь *вода* выступает в единственной семантической роли в составе предложения – объекта как средства воздействия и перемещения.

Вода является средством, используемым как в народной культуре, так и в медицинской практике, для выведения человека из кризисных состояний, например, бессознательного. Разумеется, этот бытовой контекст использования воды находит отражение в рассказах И. Бунина:

*Подскочили к нему, а он лежит, хрипит и уж слюни пускает. Прибежал народ, стали **водой** отливать...* (3, 241); <...> *поливают его, бездыханного и безгласного, **водой** из жбанов добрые люди <...>* (3, 474).

²¹ Функцивами Г. А. Золотова называет глаголы, значение действия которых в контексте при сочетании с именами предметных субъектов, называющих артефакты, механические устройства и т.п., утрачивается, модифицируясь в значение, сообщающее о наблюдаемом процессе функционирования определенных предметов: *звонок звонит, телевизор работает, нож режет, радио говорит, мотор тархтит* (Золотова, 1998, 62).

Возможно, в силу таких «оживляющих» свойств воды ее денотат наделяется соответствующими ассоциациями, а слово – коннотациями магической оживляющей силы (*живая вода*).

Семантика формы творительного средства/инструмента лексемы *вода* в контексте глаголов физического действия *обдавать*, *окатить*, обнаруженных в некоторых повестях и рассказах И. Бунина, также становится основой метафорической оценки качества человеческих отношений или характеристики отношения к человеку:

*Так вела она себя и с Елагиным. Она то распяляла его, то обдавала холодной **водой**...* («Дело корнета Елагина», 3, 419); *Но базар без пощады **окатил** его холодной **водой** <...>* («Деревня», 3, 55).

Лексема *вода-1.3* в контексте глаголов физического действия, предполагающих обязательное воздействие на объект, становится и основой уподобления и оценки физического состояния субъекта описания:

*<...> словно кто лил из ушата в кадку **воду** <...>* («Ермил», 3, 310).

Целевое использование воды определяет функциональность имени *вода*: воду не только применяют в качестве средства гигиены, но и используют для утоления жажды, что и отражается в соответствующих контекстах. Являясь функциональным именем, лексема *вода* в прозе И. Бунина входит в контексты акциональных глаголов, относящихся к семантическому подклассу глаголов физиологического действия (связанного с удовлетворением физиологических потребностей):

*<...> стала **пить воду** из горлышка графина* («Слон», 4, 532); *<...> **пьет** горячую **воду** с хлебом <...>* («Старуха», 4, 553); *<...> Батюшка Родион <...> **вкушает** лишь **воду** и снытку невареную <...>* («Аглая», 4, 103); ***Стягивая** с блюда **воду** и куски кренделей, он еще долго крутил головой* («Сила», 3, 194); *<...> кобыла долго-долго однообразно **сосала воду** <...>* («Кастрюк», 2, 26).

В рамках этого категориального значения вода начинает обрести коннотациями средства, необходимого для удовлетворения жизненных потребностей, поддержания жизни. Отсюда возникает оценочная часть концепта.

Вода-1.4 ('специальный напиток')

Лексема *вода-1.4* в сочетании с глаголами *дать*, *подать*, *продать*, *доставлять*, при которых существует дательный получателя, выступает в роли передаваемого объекта и часто концептуализируется в значении специально приготовленной для питья жидкости – напитка:

<...> и сладкой **воды давала** – давится, да и только <...> (3, 199). Содовую английскую **воду**, например, он **получает** в больших и длинных ящиках <...> (4, 67); **подать сельтерской воды** (4, 499); <...> **продавали** летом **воды** («Надежда», 2, 235).

Категориальное понятие «напиток», составляющее основу дефиниции значения *вода-1.4* включает знание о том, что в его производстве непосредственно участвует человек. Понятийной составляющей является и знание о том, что напитки дифференцируются по их виду, сорту:

<...> и **пить очаровательно-шипящую и восхитительно-колющую в нос воду с кислотой и содой** <...> («Жизнь Арсеньева», 5, 13); **питьем сельтерской воды** («Мелкопоместные», 2, 349); <...> **пили сиропы с шипучей водой** <...> («Жизнь Арсеньева», 5, 226).

Качественные признаки, выраженные определениями *содовая, сельтерская, английская* и др., становятся маркерами, согласно которым референт воды, представляется разнородным. Более того, в этом употреблении допускаются формы и множественного числа:

<...> **пили воды**, **болтали** (3, 526); **Видишь лавки** <...>, где **продавали** летом **воды** («Надежда», 2, 235).

Таким образом, лексема *вода* в данном случае обычно выполняет в текстах И. Бунина функцию объекта физиологического действия и обладает полной числовой парадигмой, что делает, на наш взгляд, правомерным выделение отдельного значения, к которому также возможны коннотативные приращения: полезности (оценочный аспект концепта), вкусовых качеств, бесцветности (образно-перцептивный).

Вода-1.5. ('элемент культурных практик')

В бунинской языковой картине мира *вода-1.5* актуализирует семантику, связанную с культурными кодами, которые в языке прежде всего реализуются в религиозных, фольклорных текстах, описывающих народный быт и принятые практики, на уровне языка – в устойчивых идиоматических выражениях, сочетаниях и др.

В культурологическом круге употреблений *вода-1.5* демонстрирует концептуализацию в качестве жидкости, используемой для ритуальных омовений, связанных с обрядом погребения:

А что у вас печь топится? Мать воду греет <...>, *у нас малый помер* (2, 278); *Теперь уходите* <...> *бесстрастно, но значительно сказала Наташа, входя с*

ведром горячей **воды** (4, 173); <...> пришли старухи с горячей **водой** с ведрами, стали его мыть (5, 543).

Можно вполне справедливо усомниться в правомерности выделения этого словоупотребления в качестве отдельного значения лексемы *вода*. Мы исходим из того, что читатель, воспринимая подобные высказывания в тексте, соотносит с ними специфическую денотативную ситуацию, где вода имеет определенное целевое назначение. Перед нами функциональное имя, сопровождаемое ограниченным набором определений и типом контекста. Целевая функция денотата *воды* здесь специфическая – с помощью воды отправляют обряд или совершают определенную практику – омовения умершего или принятия новой жизни. Даже в таком использовании воды видится ее амбивалентная сущность – сопровождать жизнь и смерть. Отсюда возможны концептуальные приращения оценочного и образного характера.

Обряды инициации, возрождения, очищения от грехов как в христианской культуре, так и в других мировых культурах связаны с водой. У И. Бунина *вода* в ряде текстов имеет значение благовония, используемого в религиозном обиходе:

Стоит (над гробом) запах розовой воды («Иудея», 3, 543); *Ароматом <...> розовой воды наполнен сумрак мечети* («Камень», 3, 554); <...> *ее то и кропят ежечасно розовой водой* («Камень», 3, 550).

Для реализации этого значения необходимо наличие соответствующего определения, при этом семантическую роль определить достаточно трудно – специальный вид воды обладает определенными устойчивыми признаками, источает запах. Однако сама *розовая вода*, о которой пишет И. Бунин, имеет определенную функцию – это разновидность агисмы («святой воды»). Именно в этом качестве в составе предложения этому имени можно присвоить глубинную семантико-синтаксическую роль – инструмента, используемого в церковных практиках.

В текстах прозаика количество употреблений, отображающих семантику жидкого вещества и приходящихся на лексему *вода-1*, составляет всего 312 случаев, включая случаи метафоризированного использования лексемы *вода* как части сравнительных конструкций, например, *как через воду слышать говор* (7), так и составного элемента идиоматических выражениях, например, *посадить на хлеб, на воду; воду варить – вода будет* и др. (6). Из 312 случаев субстанциальных употреблений лексемы *вода-1* более всего – 179 вхождений – приходится на контексты, в которых лексема *вода* осмысливается в качестве природного феномена. Значительно меньшее количество употреблений – 99

случаев – приходится на второй тип контекстов, в которых лексема *вода* представлена как средство, используемое для бытовых, реже ритуальных (*кропят розовой водой*) и обрядовых нужд, так и как жидкость, употребляемая в качестве напитка (*сельтерская вода, вода с кислотой и содой*).

Как показывают собранные материалы, у И. Бунина лексема *вода-1*, имеющая семантику как природной, так (по функции) и бытовой жидкости, характеризуется словообразовательной активностью. Она мотивирует образование в качестве дериватов²² целого ряда лексем, производящей основой которых выступает корневая морфема *-вод-*. К ним относятся следующие лексемы. Это деминутив *водица* (2); прилагательные: *водяной* (28), *водный* (13), *подводный* (6), *полноводный* (5), *многоводный* (3), *водянистый* (2), *мелководный* (1), *водопойный* (1); существительные, определяющие связанные с водой бытовые реалии, занятия и артефакты: *водянка* (1), *водка* (13), *водовоз* (1), *водомер* (1), *водокачка* (2), *водолаз* (2), *водовозка* (10), *водопровод* (2), *водонос* (5) и *водонос* (1) в значении «коромысло», также природные явления: *водопад* (6), *водоворот* (4), *половодье* (3), *наводок* (2), *водопой* (2), *полноводность* (1). Помимо названных канонических дериватов, семантически соотносящийся с лексемой *вода*, словообразовательный ряд также пополняется и за счет, так называемых, неканонических дериватов, в которые, следуя словарю НОСС (НОСС, 2004, 123–124), мы включаем лексемы *капли* (6), *мокрый*, *сырой*.

Анализ семантической парадигмы *вода-1*, связи которой определяют синонимы и аналоги²³ к ней, установил следующие закономерности, реализующиеся в языке И. Бунина. Так, в текстах авторской прозы, также как и в русском языке, синонимом значению *вода-1* выступает лексема *влага*. Вместе с тем парадигму семантических связей *вода-1* в прозе писателя также формирует ряд аналогов. Их выделение обусловлено наличием общего элемента в значении, семантически соотносящегося с лексемой в значении *вода-1*. Так, в качестве аналогов к лексеме *вода-1* в значении природного вещества в прозе И. Бунина выступают лексемы, обозначающие атмосферные явления: *дождь* (83), *дождик* (3), *ливень*

²² В данном случае мы будем говорить о канонических и неканонических дериватах. Согласно теории МСШ, канонические дериваты – это такие слова, производность которых мотивирована значением составляющих его частей (корня и аффиксов). К неканоническим дериватам относятся слова, семантическое отношение которых к исходному слову совпадает или сходно с семантическим отношением между словами в случае канонической деривации (НОСС, 2004).

²³ Следуя Ю. Д. Апресяну, аналогом будем называть лексему, которая относится к той же части речи, что и данная, и имеет похожее значение, но семантически отстоит от данной лексемы дальше, чем ее синонимы. В число аналогов могут включаться когипонимы, а также гиперонимы, гипонимы и лексемы, связанные с данной лексемой менее определенной семантической связью (см.: Апресян, 2004, XXIII–XXIV).

(22), *роса* (9), а также лексемы, описывающие атмосферное состояние. Его можно интерпретировать в качестве состояния, характеризующегося скоплением воды в воздухе как с посторонними частицами, так и без них: *испарения* (2), *туман* (14), *сырость* (5), *мгла* (4), *муть* (2). Характеризующий структуру знаний, выраженную лексемой в значении *вода-1* компонент «непременная составная часть живых организмов» мотивирует включение в ряд аналогов лексические единицы, называющие «жидкие выделения организма»: *слезы/слеза* (8), в том числе и название миниатюры – «Слезы», а также лексемы *пот* (7), *понос* (1), *слюна* (1). Бытовая функция денотата лексемы *вода* и связанная с ней функция утоления жажды или напитка обуславливает возможность существования на уровне языка ряда аналогов, парадигма которых семантически соотносится с общим значением «напиток»: *чай* (6), *кофе* (3), *пиво* (3), *вина* (2), *вино* (1), *винцо* (1), *коньяк* (2), *ликеры* (2), *абсент* (1), *виски* (1), *какао* (1), *мастика* (1), *молоко* (1), *нарзан* (1), *шоколад* (1).

3.3.2. Вода-пространство

Вода, относясь к группе вещественных имен, в русском языке осмысливается не только как жидкая субстанция, но также и как пространство – объемное тело, среда, поверхность и т.д. Язык, как известно, обладает рядом средств, которые «включают» пространственную семантику и наделяют вещественное имя *вода* локативными значениями. К средствам, которыми в языковой картине мира изначально вещественному имени *вода* приписывается форма, объем и другие пространственные характеристики, относится ряд пространственных операторов. Они в языке могут быть выражены как грамматически, так и лексически. Так, БАС выделяет в имени *вода* значение, определяющееся как «крупные скопления воды» (БАС, 1951, т. 2, 494). Причем в функции пространственного коррелята выступает форма мн. ч. *воды*, наделяющая данное имя значением пространства мыслимого как «континуум» (Ляшевская, 2004, 142). В языке эта форма интерпретируется как бесконечная, обширная протяженность. Помимо плюральной формы *воды*, к грамматическим пространственным операторам, актуализирующим пространственную семантику слова *вода*, также относятся локативные и директивные (со значением направления) грамматические конструкции с пространственными предлогами (*в воде*, *в воду*, *по/на воде*); форма тв.п. *водой*, выступающая в функции наречия. К лексическим пространствен-

ным операторам относятся пространственные глаголы, выражающие самой семантикой пространственное значение, прилагательные формы и размера, также существительные, обозначающие форму.

Поскольку в языковой картине мира *вода* наряду с вещественной концептуализацией получает и пространственную, то и мыслится она как пространственный объект или физическое тело. С точки зрения когнитивной семантики и в ее недрах разработанной топологической концепции Л. Талми, любому пространственному объекту в языковой картине мира соответствует определенный топологический тип²⁴ или образная схема (image schema). В этой связи, Е. В. Рахилина отмечает, что согласно названной концепции, ковер – это «поверхность», стакан – «емкость» (Рахилина, 2010а, 241). Имя *вода* в своей пространственной ипостаси не является исключением. Однако в отличие от других имен, значение которых описывается через категорию места, формы, емкости и т.п., то есть величин, характеризующих устройство физических объектов (напр., *блин* – это «плоскость», *чаша* – «емкость»), представление о топологическом устройстве денотага *воды* задается рядом пространственных операторов. К таковым, в частности, относятся локативные, директивные, транзитивные предлоги и соответствующие им падежные флексии. В русском языке в имени *вода*, таким образом, тесно переплетены представления о пространствах в двух его разновидностях – вместилища и поверхности, языковая концептуализация которых соответствует двум топологическим типам (схемам): емкости-контейнера (*в воде*) и плоскости (*на/по воде*).

Идея пространства через посредство лексемы *вода* в корпусе прозаических текстов И. Бунина реализуется прежде всего в плюральной форме *воды*. Вместе с тем обсуждаемая семантика *воды* в прозе писателя также формируется посредством грамматических конструкций, выраженных синтаксемами директива, локатива, транзитива: *в воде, в воду, на воде, по воде, под водой, над водой, из воды, из-под воды, к воде, у воды*. В их контексте «рождаются» значения *воды*, соотносимые в сознании человека с понятийной категорией «пространство». Она в текстах писателя мыслится в терминах *протяженности, места, вместилища, поверхности, мерности*, которые и становятся основой пространственных значений, выделяемых нами у лексемы **вода-2**:

²⁴ Введенный в лингвистический обиход Л. Талми термин «топологический тип» широко применяется в современной российской лингвистике. В частности, этот термин используется в семантической разметке базы данных НКРЯ, также в корпусных исследованиях (Рахилина и др., 2009, 215–239; Махова и др., 2009).

вода-2.1 – ‘континуум’ (неограниченная протяженность): мн.ч. *воды*; словосочетания *водные пространства* («Копье господне», 3, 376), *воды многие* («Воды многие», 4, 461), *воды великие* («Воды многие», 4, 470);

вода-2.2 – ‘территория’: *южные воды* («Копье господне», 3, 376), *воды родины* («По Днепру», 2, 390);

вода-2.3 – ‘курорт’ и как конкретное место (локус), и как в целом пространство (топос): *ехать на воды* («Иоанн Рыдалец» 3, 380), *Минеральные Воды* как географическая реалья («Три рубля», 5, 527);

вода-2.4 – ‘водоем’ как ‘среда’ и ‘объемное тело’: *в воде, к воде, у воды, среди воды* («Мечь», 5, 452; «На край света», 2, 46 и др.);

вода-2.5 – ‘поверхность’: *на воде, по воде* («Речной трактир», 5, 402; «Велга», 2, 139–140 и др.).

Вода-2.1 (‘неограниченное пространство-континуум’)

В языковой картине мира И. Бунина *вода-2.1* осмысливается как непрерывное пространство, континуум. Как известно, в философских теориях пространство есть форма существования субстанции, основным модусом (Спиноза) которой – в данном случае мы имеем воду – является пространственная протяженность. На языковом уровне этот модус выражается формой мн. ч. *воды* в значении пространства:

У холодного северного моря жила Велга <...>. На закат были воды, на восток – песчаный берег <...> («Велга», 2, 138).

Характерной чертой формы мн. ч. лексемы *воды* является способность реализации значения, которое мы, как и О. Н. Ляшевская, называем пространственно-интенсивным (Ляшевская, 2004, 141). **Пространственно-интенсивное** значение реализуется тогда, когда описываемый объект, то есть *вода*, мыслится как континуум. При этом бунинский контекст предполагает представление о пространстве бесконечно большой протяженности, неограниченной полем зрения человека²⁵:

Целый день плыла Велга и вступила в те безграничные воды, что уходят на край света и там сливаются с небом («Велга», 2, 143); *<...> и ночь выходит из недр тех неведомых южных вод, которым нет предела до самого полюса <...>* (3, 376); *<...> еще меньше тех, что пускались в заповедные асфальтические воды* (3, 570);

²⁵ Показательным в этом отношении является название знакового для творчества И. Бунина рассказа – «Воды многие».

Часто пространство, задаваемое формой мн. ч. лексемы *воды*, мыслится как пространство без четких границ:

<...> кричит чайка над шумящим, взволнованным морем. В туманной дали, на западе, теряются его темные **воды** («Велга», 2, 137); <...> глядел в пустой простор этих **«вод многих»** (4, 459); «близ **вод сиявших»** (5, 81); <...> сияющие в тишине **воды** и первые встречи с музой (5 81); <...> Юпитер, льющийся в великое зеркало **вод** (4, 439).

Пространственное значение, когда *вода* мыслится в терминах большой протяженности (расстояния), в текстах прозы И. Бунина эксплицируется сочетанием лексемы *вода* с количественным параметром меры *тысяча миль*:

<...> идти куда-то в тьму ночи и *воды*, простирающейся на тысячи миль вокруг («Братья», 4, 24).

В контексте точечной локализации лексема *воды*, функционируя в форме мн. ч., в картине мира авторской прозы реализует **пространственно-количественное** или, в терминах О. Н. Ляшевской, «множественное эмфатическое» значение (Ляшевская, 2004, 18):

<...> когда Ливан, утопавший в исполинских кедровых лесах и великом **обилии вод**, был еще подлинным раем... («Храм Солнца», 3, 577); Путь твой в море и стезя твоя в **водах великих** («Воды многие», 4, 450; 470).

Здесь пространственно-количественное значение формы мн. ч. *воды* следует, по всей видимости, рассматривать не как собственно численный квантификатор, а как его аксиологический аналог, дающий параметрическую качественную оценку описываемой реалии.

Пространственная семантика лексемы *вода* в языковой картине мира И. Бунина помимо собственно формы мн. ч. *воды*, задается также атрибутивными сочетаниями *водяные пространства* (1) и *водные пространства* (4). Причем данные устойчивые сочетания в корпусе прозаических текстов писателя встречаются только в плюральной форме. Всего 5 вхождений:

В них — поэзия безграничных **водных пространств** (3, 376); гладь **водных пространств** (4, 9); блистала текущая зыбь **водных пространств** («Братья», 4, 23); дикое величие **водных пространств** (5, 402); Потом тополи расступились, и внезапно в пролет между ними пахнуло влажностью – тем ветром, который прилетает к земле с огромных **водяных пространств** и кажется их свежим дыханием («Осенью», 2, 220).

Само контекстуальное окружение лексемы *вода* рождает ее прагматическую нагрузку – величия, могущества, тайны, красоты. Все это способствует

концептуальным смысловым приращениям образно-перцептивного характера.

Вода-2.2 ('ограниченное пространство-территория')

Эксплицируемое формой мн. ч. лексемы *воды* значение 'пространство-протяженность' в текстах И. Бунина отражает на неязыковом уровне не только пространственный континуум, но и территорию, то есть пространство с границей, где происходит соприкосновение с другой территорией – пространством, принадлежащим кому-то или чему-то другому (*территория государства, территория усадьбы*). Здесь мы имеем всего два примера:

Видны оттуда целые страны, кряжи, долины, воды, леса, селения («Храм Солнца», 3, 577); *горячо любил <...> тихие воды свой родины* («По Днепру», 2, 390).

При этом значение территории как части пространственного континуума (классический пример стандартного метонимического сдвига, выражаемого отношением «часть-целое») может задаваться и формой ед. ч. лексемы *вода*:

Этот желтый флаг смерти, под которым мы теперь плывем <...> твердо напоминает: будь всегда готов к ней, – она и над тобой, и впереди, и вокруг, вот за этой водою, на жарких песчаных берегах, среди той нищеты, которой живет почти все человечество («Копье господне», 3, 374–375).

Конечно, выделение этого значения может быть подвергнуто сомнению. Тем не менее, несмотря на единичность обнаруженных словоупотреблений *воды-2.2*, выделение этого значения обуславливается спецификой его дистрибуции – *вода* в этом значении допускает при себе зивисимый генитив: *воды родины*. Кроме названного, это значение у И. Бунина характеризуется полной числовой парадигмой, в отличие от значения *вода-2.1*, реализация которого предполагает форму только мн. ч.

Вода-2.3 ('курорты с минеральными источниками')

В результате имеющей место в языке пространственной метонимии (люди/вещество – место) форма мн. ч. лексемы *вода* приобретает значение места. Поскольку в 19 веке распространенным явлением были поездки на курорты, имеющие источники с минеральными водами, то эти путешествия именовались поездками *на воды*, и *воды*. Полученное в результате данного сдвига пространственное значение 'места', задаваемое конструкцией *на воды*, в корпусе прозаических текстов И. Бунина встречается дважды:

Вот едет генерал на воды («Иоанн Рыдалец», 3, 378); *Те, что едут в экспрессе на воды* («Иоанн Рыдалец», 3, 380).

Топонимическая номинация *Минеральные Воды*, которую, по-видимому, можно считать примером метонимического сдвига значения *вещество* \Rightarrow *место*, входит в поле средств, реализующих семантику «пространство» лексемы *вода*:

Уехали на Минеральные Воды (5, 527).

Таким образом, в трех последних примерах пространственное значение формируется не формой мн. ч. *воды*, а топонимом *Минеральные Воды* и конструкцией *на воды*, по сути, идиоматической.

Вода-2.4 ('водоемы')

В известной работе «Метафоры, которыми мы живем» Дж. Лакофф и М. Джонсон отмечают, что вода в языке может концептуализироваться как «субстанция-вместилище», потому что, «когда вы залезаете в ванну, вы погружаетесь в воду» (Лакофф, Джонсон, 2008, 55). На семантико-грамматическом уровне это отражается как в определенном контекстуальном окружении, так и посредством определенных предложно-падежных конструкций. В корпусе текстов И. Бунина лексема *вода* в итоге реализует семантику среды как трехмерного пространства, а также семантику водоема как объемного тела/объекта. Последнее происходит в результате модификации вещественной семантики лексемы *вода* по модели *вещество* \Rightarrow *физическое тело*, заполненное веществом и занимающее некоторое пространство.

Пространственное значение 'среда' лексемы *вода* в корпусе текстов писателя встречается в двух типах контекстов и может быть проинтерпретировано, во-первых, как природная среда, в которых протекает жизнедеятельность какого-либо организма, то есть выступает как среда обитания:

<...> *как она, рыба-то, ныряет в воде* («Веселый двор», 3, 266); <...> *мелькали в воде их летящие спины* («Тень Птицы», 3, 501); <...> *пришел на речку, а в воде черная щука ходит* («О дураке Емеле, какой вышел всех умнее», 4, 206).

Являясь средой обитания, *вода* уподобляется плотно заполненному вместилищу:

Желтоватая, жидкая вода кишела вилами («Князь во князьях», 3, 327).

В первых трех примерах значение среды задается локативной конструкцией *в воде*, выраженной предлогом *в* + пр.п. В последнем примере пространственное значение задается пространственным оператором, выраженным глаголом

кишетъ. Семантика глагола *кишетъ* соотносится с понятием полноты или заполненности чего-то во всем объеме до предела. Следовательно, глагол *кишетъ* выступает в функции шифтера пространственного значения лексемы *вода*. Сама же лексема *вода* выполняет функцию локализатора, выраженного как локативной конструкцией *в воде*, так и формой именительного падежа существительного в семантической роли места.

Во-вторых, среда может быть интерпретирована как жизнепорождающая субстанция:

Но будучи положен в воду, начитает распускаться («Роза Иерихона», 4, 166).

Как показывает исследование собранного материала, в текстах прозы И. Бунина среда, именуемая *водой*, может мыслиться и как объемный объект:

Ветер усиливался, – и вдруг одна из этих полос провалилась в черную пропасть, а вся глыба парохода зыбко приподнялась с носа и еще более зыбко и плавно опустилась среди закипевшей почти до бортов голубовато-дымной воды («Дельта», 3, 524).

Семантическим аналогом лексемы *вода* в пространственном значении среды в текстах прозаика становится лексема *волна*²⁶:

Всякому свое, Чанг, и не следуют ли они сокровеннейшим велениям Тао, как следует им какая-нибудь морская тварь, вольно ходящая вот в этих черных, огненно-панцирных волнах («Сны Чанга», 4, 117).

Вода для И. Бунина – это не только трехмерное пространство, среда, семантикой которой наделяется лексема *вода*. Вода к тому же является и физическим телом – материальным объектом, имеющим форму, объем, внешнюю границу. «Водный мир» И. Бунина в его языковом исполнении насыщен словами, называющими различные водоемы:

Наконец она сбежала к зеленому заливику <...> и стала раздеваться. Скинув сорочку, она, вся коричневая от загара, сильная, крепкая, пошла по голышам к светлой прозрачной воде <...> (5, 451); *Мы шли мимо пруда. Лева уже несколько раз сбежал к воде и изо всей силы бил палкою лягушек* («Первая любовь», 2, 319); *Великан-афганец <...> неподвижно стоял над лагуной, глядя на черепах, в теплую, жидкую воду* («Братья», 4, 13).

Помимо лексемы *вода*, значение водоема у И. Бунина реализуется и в других лексических единицах, находящихся в отношениях семантической близости

²⁶ Волна – водяной вал, образуемый колебанием водной поверхности (Ожегов, 1989).

(наличии архисемы 'вода'): *озеро, пруд, река, море, океан, лагуна, залив, пролив* и др.

Концептуализация воды как объемного тела, вместительности сопрягается с его мерностью. Вода у И. Бунина в контексте именных конструкций размерной семантики (*вода по колено*) характеризуется как имеющая вертикально ориентированное измерение. Его уровень определяют конструкции с дименсивом – *по колено, по брюхо, выше колесной ступки, на вершок* и др., – входящие в дистрибуцию лексемы *вода* в бунинских текстах.

Являясь физическим телом, вода, впрочем, как и любое другое физическое тело, от иных тел отделяется внешней границей раздела. Семантика внешней границы раздела формируется конструкциями, в которых лексема *вода*, реализуя пространственное значение 'водоема', сочетается с пространственным оператором, выраженным существительным *край*:

*Я иду по песку и сажусь у самого **края воды** и с упоением погружаю в нее руки, мгновенно загорающиеся мириадами светящихся капель, несметных жизней...* («Ночь», 4, 444),

Семантика внешней границы раздела формируется также локативным и направительным предлогами *у, к* и соответствующей падежной флексией:

*<...> раз во время остановки, открыв глаза и приподнявшись с дивана, он увидел под скалистым отвесом кучу таких жалких, насквозь проплесневевших каменных домишек, наклепленных друг на друга **у самой воды** <...>* («Господин из Сан-Франциско», 4, 60). *<...> затем, шагах в ста от него, сбрасывает с себя халат, остается в одном черном трико и бежит **к воде**. Она далеко уплывает в море <...>* («Старый Порт», 4, 513).

Предварительно отметим, что в текстах И. Бунина основанием для выделения и разделения пространственных значений воды как 'физического тела' ('водоема') и воды как 'метафизической сущности и среды' становится оппозиция *наличие границы vs безграничность*.

Вода-2.5 ('поверхность')

В бунинских текстах в результате естественного переноса значения **вещество** ⇒ **пространство** лексема *вода* в определенных контекстах, утрачивая вещественную семантику, обретает пространственную и, как следствие данного семантического процесса, *вода* наделяется значением 'поверхность'.

Как следует из анализа собранных материалов, экспликация пространственного значения 'поверхность' лексемы *вода* в текстах прозы И. Бунина происходит

в контексте локативных *над/под* + тв.п., директивных *с* + р.п., транзитивных *по* + д.п. и локативно-директивных *на* + пр.п., *на* + в.п. грамматических глагольных и субстантивных конструкций, обычно включающих свободную синтаксему с пространственным значением (*на воде, у воды, под водой и т.п.*):

Так начинается «На воде» Мопассана <...> («Бернар», 5, 553); Плавно качались части этой отраженной картины и сливались в одну от тихо раскатывающегося круга **по воде** («Кастрюк», 2, 27).

Свободная по своей природе синтаксема, выраженная предложно-падежной формой лексемы *вода*, сочетаясь с конкретными существительными, становится обозначением места и поверхности: *трактиры на воде, голова над водой, Господь над водами, небо над водой, обрывы над водой.*

Контекст транзитивной конструкции *по воде* в сочетании с глаголами движения, помимо значения ‘поверхности’, также передает значение ‘трассы’ или ‘пути движения’:

<...> утки все сразу, всей стаей, с криком и страшным шумом кидаются **по воде** (5, 209); Я нанял лодку, и молоденькая хохлушка <...> погнала ее против течения **по** прозрачной **воде** Дона <...> («Святые горы», 2, 55); **По** глянцевитой мраморно-голубой **воде** черными кругами, показывая перо, шли дельфины («Море богов», 3, 517).

Синкретичное значение ‘поверхности’ и ‘пути движения’ (транзитивное значение) реализуется в сочетаниях с глаголами движения²⁷: *лететь, скользить, виться над водой.*

Семантика поверхности у лексемы *вода*, находящейся в окружении глаголов положения в пространстве, а также стативных глаголов, осложняется смысловым наращением, реализующим значение ‘горизонтально ориентированного местонахождения’:

<...> бесконечно разлит по зыби розоватый блеск луны, золотой лопоть которой почти лежит **на воде** («Воды многие», 4, 462); <...> **на** зеркальной **воде** его мирно дремали в низком блеске еще жаркого солнца грубые косые паруса барок <...> («Дельта», 3, 527); Луна меняет место, надвигается справа скутарийский берег – далеко **по** зеркальной **воде** легла тень его («Крик», 3, 166).

Сама поверхность воды в текстах И. Бунина рисуется как пребывающая в состоянии покоя (неакциональные глаголы *лежать, дремать*), так и в состоянии

²⁷ О том, что в русском языке локативная синтаксема *над водой* при глаголах движения приобретает транзитивное значение пути движения, отмечается Г. А. Золотовой (Золотова, 1988, 263).

динамическом, что выражается в контексте глаголом *качаться*, описывающим в данном случае соотношение объектов в пространстве:

<...> *при стоголосых криках фесок, тюрбанов и шляп, качающихся на зеленой сорной воде вокруг наших высоких бортов* <...> («Алексей Алексеич», 3, 503).

Локативно-направительные конструкции *на воду, с воды* передают движение по направлению к поверхности воды и соответственно движение прочь от нее:

<...> *Соня, откинув назад свою густо-волосую голову, решительно упадет вдруг на воду* <...> (5, 377); <...> *кое-где с зеркальной воды снимались и таяли полосы серебрянного пара* («На даче», 2, 104).

Однако наиболее значительным нам представляется то, что вода выступает в текстах И. Бунина как место-объект зрительного восприятия:

Уехала – и теперь уже далеко, сидит, вероятно, в стеклянном белом салоне или на палубе и смотрит на огромную, блестящую под солнцем реку, на встречные плоты, на желтые отмели, на сияющую даль воды и неба (Солнечный удар, 4, 384); *Дивимся на воду, что сквозит в решетке поручней. Это драгоценный прозрачный камень, сплав зеленых самоцветов, в прозрачности которого дымится зеленая муть. Сплав идет, качается, по временам растет острыми хребтами и закипает с сильным и чарующим шумом* («Воды многие», 4, 456).

Таким образом, локативно-направительные синтаксемы *на воду, с воды* в контексте соответствующего окружения становятся средством выражения исходной/конечной точки движения и направленного действия, которой наделяется лексема *вода* в пространственном значении 'поверхность'. В этом подзначении в текстах И. Бунина вода выступает как объект-место притяжения взгляда в силу присущей ей красоте. Так возникают смысловые приращения образно-перцептивного характера.

Итак, в корпусе бунинских прозаических текстов нами обнаружено значительное число контекстов, где *вода* выступает в пространственном значении. Это значение является номинативно-производным, образованным по принципу метонимического переноса 'вещество' – 'пространство, заполненное им'. Пространственное значение реализуется в различных словоупотреблениях, позволяющих говорить о его специфических проявлениях (подзначениях) с точки зрения контекстуального окружения и грамматической формы лексемы. Пространство мыслится и как 'континуум' (*воды*), и как географически или эмоционально интерпретируемая 'территория' (*южные воды, воды родины*); 'место' (*Минеральные Воды, ехать на воды*); 'жидкая природная среда', 'трехмерное пространство', представляемое как емкость-вместилище (*в воде*); 'физическое

тело' или 'водоем'; 'поверхность', концептуализируемая как плоскость (*на воде, по воде*) и как объект притяжения взгляда.

Пространственное значение лексемы *вода* позволяет составить лексико-семантическую парадигму со словами, имеющими в качестве архисемы семантический компонент 'вода', – это, прежде всего, названия водоемов: *река, море, океан, озеро, пруд, залив, лагуна, бездна* и др. Аналогами *воды-2* можно считать и встречающиеся в текстах слова *бассейн, нимфеи, фонтан, колодец*, а также лексему *волна*, семантически соотносимую с *водой*.

Названная парадигма, широкая по числу членов, позволяет говорить о том, что в текстах И. Бунина широко представлено пространственное значение лексемы *вода*, реализация которого сопрягается с богатым лексическим арсеналом языковых средств.

Наряду с категориальным содержанием, составляющим логическую часть реализуемого лексемой концепта, мы можем говорить о смысловых приращениях к этому значению, составляющих уже иные слои концептуального содержания имени: значение 'пространство' сопрягается с коннотациями величия, могущества, красоты.

3.3.3. Вода-стихия

Как уже говорилось выше, в древней философии Вода рассматривалась как одна из четырех основных стихий, наряду с Воздухом, Огнем и Землей. Можно сказать, что и в творчестве И. Бунина имя этой стихии входит в контексты, отражающие архетипическое знание о мире.

Вода-стихия по сравнению с *водой-1* и *водой-2* характеризуется тем, что обладает рядом специфических признаков. Они позволяют лексему *вода*, в текстах автора реализующую смысловой компонент 'стихия', выделить в отдельное значение ***вода-3***. К таким признакам, в частности, относится способность ее персонификации и возможность участия как самой лексемы, так и ее дериватов в метафоризированных конструкциях. Вместе с тем в картине мира И. Бунина мифопоэтика *воды*, как мы увидим ниже, вскрывается и на уровне всей лексико-семантической парадигмы *вода-3*, формирующей ее парадигматические связи, а также на уровне конструкций, содержащих перифразы *воды* как стихии. Поэтому основой анализа семантики *воды-3*, реализующейся в авторских текстах, становятся не только ее синтагматические связи (глагольная и именная

сочетаемость), но также парадигматические отношения (синонимы, субституты лексемы *вода-3* в контексте) и перифрастические конструкции. Необходимо подчеркнуть, что анализ семантики лексем *вода-3* не ограничивается уровнем сочетаемостных особенностей данной лексем. Обусловлено это тем, что смыслы проявляются в широком контексте и, как пишет Э. Лассан, в рамках дискурсов, содержащих анализируемое имя (Лассан, 2002). Поэтому в нашем анализе мы выходим за рамки изучения употреблений данной лексем в составе предложения, обращаясь к более широкому контексту.

Как персонифицированное естество *вода*, в соответствии с традиционными мифологическими представлениями, мыслится в качестве часто враждебной, но суверенной силы, активно действующего субъекта, уподобленного человеку и живым существам. В этом качестве она выступает в функции активно и целенаправленно действующего Агенса. Так, *вода-3* в форме и.п., являясь семантическим субъектом действия, входит в конструкции с глаголами акционального класса: движения (часто интенсивного движения), физического действия, физического воздействия:

<...> а холодная вода с шумом поднимается и скользит между ними, шипит и кипит, опускаясь, и с журчаньем, струями сливается с плоского камня («Велга», 2, 138–139); <...> и холодная вода, поднимаясь и опускаясь, обнимала и мыла ее босые ноги, обдавая их шипящею серой пеной и опутывая мокрыми бледно-зелеными травами («Велга», 2, 139); <...> вода легко бежала и плескалась вдоль его бортов (2, 208).

Семантическая роль субъекта действия может представляться не только грамматической формой и.п., но также формой тв.п. инструмента. В таком случае *вода* принимает на себя семантическую роль активного инструмента, по сути – Агенса:

Там посуды полой водой унесло <...> («В поле», 2, 91); <...> колеса шуршат в густой, насыщенной водой траве («Далекое», 2, 252); рвов, промытых внешней водой («Деревня», 3, 62).

Вода как активная сила и суверенная сущность, таким образом, наделяется способностью *подниматься и опускаться, нестись, бежать, обнимать, мыть, охватывать, опутывать, рыть, бушевать*, а также *уносить, промывать и насыщать*. Причем характер проявления действия, совершаемого водой как персонифицированной активной сущностью, сопровождается определенной звуковой аранжировкой, которую эксплицируют как звуковые глаголы *шипит, кипит, гудит* и др., так и именные образования *с гулом, с шумом*, а также

образные средства. Так, к образным средствам, отображающим семантику шума, относятся, например, атрибутивные конструкции, в которых атрибут и определяет характер, а также интенсивность звукового проявления: *с грохотом пушечных выстрелов*. Следует добавить, что действие, которое совершается водой, выступающей в роли персонифицированного активного естества, помимо звукового аккомпанемента, также наделяется признаками стремительности, силы. Иначе, теми свойствами, которые приписываются *воде* языком как стихийному явлению природы:

<...> особенно *шалъная и тяжелая волна, с шумом пролетавшая мимо* <...> (4, 117); <...> *волны с грохотом пушечных выстрелов рушились на берег, рыли песок, гремели и скрежетали* <...> (2, 221); *Море гудело под ними грозно* <...> (2, 221); *Одно море гудело ровно, победно и, казалось, все величавее в сознании своей силы* (2, 221).

Приведенные примеры показывают, что субститутами лесе́мы *вода*, ее контекстуальными коррелятами, определяющими в прозе И. Бунина семантику активной, персонифицированной стихии, могут выступать имена существительные *волна, море, озеро, океан* и др., отмеченные нами уже в рамках парадигмы значения '*вода-пространство*'. Мы ранее не использовали термин «субституты» – здесь он представляется нам уместным, так как именно через названные слова описываются наиболее частые проявления стихии. Эти имена, описывая стихию, входят в те же атрибутивные контексты, сочетаются с глаголами того же акционального класса, выполняют ту же семантическую роль Агенса, что и лексема *вода-3*. *Волна, море* и др. имена, текстуально заменяющие лексему *вода* в прозе И. Бунина, помимо глаголов движения, физического действия и воздействия, сочетаются с акциональными глаголами других семантических групп: зрительного восприятия *глядеть, смотреть*, физиологического действия *дышать*, физического состояния *дремать*. Так, в текстах И. Бунина *море дышит, озеро дремлет, волна заглядывает*, а об океане, на берег которого выбежал рикша в рассказе «Братья», говорится как о *вольно глянувшем ему в глаза своим простором* (4, 117). Отмеченное в сумме формирует языковой контекст реализации семантики *воды* – активной и живой сущности, персонифицированной и суверенной силы.

К названным группам глаголов, входящим в окружение реализуемого лексемой *вода* и ее текстовых коррелятов значения активной живой силы, примыкают образованные от акциональных глаголов, отглагольные имена той же семантики:

И через минуту слышится шорох, тихий вздох полусонной волны, медленно накатившейся на берег (4, 439); <...> еще дальше – сонная, холодная туманность, белесо застыло дыхание моря (5, 519).

Контекст семантики живой, активной и персонифицированной силы, которой у И. Бунина наделяется как лексема *вода*, так и ее субституты – *волна, океан, море, озеро* и др., – формируется также за счет атрибутивных средств, в системе языка обычно отображающих физическое состояние и внутренние свойства человека, его способность к проявлению эмоций. Так, в рассказе «Ночь» о волне говорится:

Счастливая, дремотная, бездумная, покорная, умирающая, не ведая того! (4, 439).

Таким образом, контекст акциональных глаголов различных семантических групп, их производных имен (*вздох* и др.), а также атрибутов эмоций и физических состояний, сочетающихся с лексемой *вода* и ее контекстуальными субститутами, формирует образ активного живого естества, наделенного способностью *дышать, глядеть, перемещаться, дремать, ощущать*. Эти характерные признаки, применимые к представителям живого мира и человека, переносятся на состояние воды.

Вода-3, в прозе И. Бунина мыслимая в качестве живого, активного естества и суверенной силы, также реализуется в метафорических сочетаниях, идиоматических оборотах и фраземах: *живая вода, живая вода сердца* («Роза Иерихона», 4, 167), *вольные воды* («Архивное дело», 4, 40), *вода вечной жизни* («Смерть пророка», 3, 171) и др.). Отметим, что число контекстов с лексемой *вода-3*, в которых она как обозначение стихии принимает участие в формировании метафора, в прозе И. Бунина не так много. Это либо идиоматические выражения, как например: *канул в воду, пройти огонь, воду и медные трубы, ваша подаянья на огне не горит и в воде не тонет* и др., либо устойчивые фраземы, как *живая вода, вольные воды*. В них эксплицирована мифопоэтика *воды* как архетипического первообраза, мыслимого в терминах жизни и смерти, бытия и небытия, космоса и хаоса одновременно. Интерпретация *воды* как стихии может вызвать возражение в некоторых примерах. Так, идиома «как в воду канул» может рассматриваться как реализация значения ‘*вода-пространство*’. Однако здесь *вода* выступает как поглощающая среда, лишаящая предмет бытия. Поэтому случаи, где *вода* и включающие ее обороты коннотируют идею исчезновения, опасности, мы предпочитаем трактовать как проявления значения ‘*вода-стихия*’. И здесь мы переходим к **символическому** значению *воды*, присущему не только *воде-стихии*, но и *воде-жидкости*.

3.3.4. Вода как символ амбивалентных начал

В составе сложных номинаций (*вода источника, вода вечной жизни*) и развернутых аллюзий «вечных» текстов, лексема **вода-4** в текстах рассказов писателя принимает участие в формировании метафор, отображающих амбивалентную сущность воды:

«Воистину это сама жизнь: я пью ключевую **воду** <...>» (3, 174); «Воистину <...> я пью вина райские <...> смешанные с **водой** источника, утоляющего жажду тех, что приближаются к Вечному» (3, 174); *Все же ему не удалось испытать **воды** вечной жизни, о которой ему говорили <...>* (3, 171).

Здесь реализуется идея воды как жизни, создается образ, «имеющий собственное содержание и одновременно представляющий в обобщенной, неразвернутой форме некоторое иное содержание» (Философская энциклопедия). Можно сомневаться в том, выделять ли воду в ее символическом значении в данном исследовании. Однако, думается, что существование мифологической реки смерти Стикс с перевозчиком Хароном, реки забвения Лета, наделение воды в разных культурах символическим значением (в китайской – местом зарождения жизни, в индийской – хранителем жизни), интерпретация воды в психоаналитических концепциях (ср. название книги Г. Башляра «Вода и грезы»), позволяет нам выделить отдельно это символическое значение, составляющее оценочную и образную части концепта «вода».

В русской народной культуре функционирование лексемы *вода-4* отображает мифопоэтику (наделение воды символической силой в мифологии, проекцию мифа на национальное сознание) в сочетаниях «живая/мертвая вода».

Мотив «живой воды» как часть бинарной оппозиции двух вод, согласно русской народной культуре, в первую очередь связывается с функцией «возвращения к жизни, второго рождения» (Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь, 2004, 192). Вместе с тем современные употребления прецедентного именного словосочетания «живая вода» обычно реализуют значение «напитка или источника, который прибавляет силы (как физические, так и душевные), делает человека бодрым и здоровым» (там же, 2004, 193).

Как показывает анализ, в прозаических текстах И. Бунина обнаруживаются явные «отголоски» семантики архаического мотива «разделения вод», отражающего мифопоэтическую связь концепта «вода» с жизнью и смертью. Реализацию мотива «разделения вод» у И. Бунина обнаруживает устойчивое словосочетание *живая вода*. Эта фразема, встречается в контексте стилизации сказочного сюжета:

Были для него ковры самолеты, шапки-невидимки, текли реки молочные, таились клады самоцветные, от всех смертных чар были ключи вечно живой воды <...> (4, 224).

Своеобразная интерпретация функции «живой воды» находит реализацию и в тексте лирической миниатюры И. Бунина «Роза Иерихона». Здесь сопрягается физиологическая функция воды с ее мифопоэтикой. Вода как жизненно необходимый элемент в тексте миниатюры «Роза Иерихона» изначально осознается в соответствии своей функции, которая определяется биологической потребностью видов к существованию:

Но, будучи положен в воду, тотчас начинает распускаться (4, 166).

Вместе с тем в тексте названной миниатюры на соотношении естественной животворящей функции воды формируется сложная метафора *живой воды сердца*. В ней физическая функция воды как жизненно необходимого вещества, переосмысливаясь в результате метафорического сдвига, начинает описывать метафизическую область ментально-эмоционального. Ведь сердце – это не только орган физиологии человека, но также «сосуд», хранящий и генерирующий энергию духа, души:

В живую воду сердца, в чистую влагу любви, печали и нежности погружаю корни и стебли моего прошлого – и вот, опять, опять дивно прозябает мой заветный знак («Роза Иерихона», 4, 167).

В названном тексте миниатюры архаический мотив «живой воды», функционирующий как мотив «возвращения к жизни, второго рождения», обнаруживает концептуальную связь природной субстанции с субстанцией духа, духовной жизни. Название миниатюры – *Роза Иерихона* – явный символ бессмертия сопряжен с амбивалентной символикой воды, из двух полюсов которой в данном тексте семантизируется мотив «живой воды». Таким образом, данный мотив, являясь символом жизни, формирует образ воды-памяти, в метафизическом «бесконечном и безначальном» пространстве которого через духовное совершается прорыв от смертного (временного) к бессмертию, вечности. Смертное существо через «воду жизни» – энергию духа, семантизирующуюся как *память*²⁸, обретает как бы второе рождение и духовное возвращение к жизни.

²⁸ Память по И. Бунину, в сущности есть любовь, не зря же там же говорится: «Нет разлук и потерь, доколе жива моя душа, моя Любовь, Память!» («Роза Иерихона», 4, 166); или в тексте рассказа «Сны Чанга»: «Если Чанг любит и чувствует капитана, видит его взором памяти, того божественного, чего никто не понимает, значит, еще с ним капитан; в том безначальном и бесконечном мире, что не доступен Смерти» (4, 120).

Таким образом, в результате читательской рефлексии *вода-4* в сочетании с другими словами, формирующими данную метафору, начинает объяснять ментальные феномены – память, любовь, – соотносимые с областью эмоциональной жизни человека.

Но *вода* как стихия в сознании носителей русской культуры и языка традиционно представляется амбивалентной сущностью, мыслимой в терминах бинарной архетипической оппозиции *жизнь vs смерть*. То же верно и по отношению к идиолекту И. Бунина, в котором *вода* концептуализируется как *колыбель* и *могила* одновременно. Так, в рассказе «Ночь» о волне как об аналоге *воды-пространства* говорится, что она *так же медленно потянулась назад, возвращаясь в колыбель и могилу свою* (4, 439).

Отражающая мифопоэтику воды бинарная оппозиция *жизнь vs смерть* в текстах автора соотносится с традиционной для культурного самосознания идеей воды как всеобщего начала и конца. Так, говоря о славном городе Тире как о *Сыне Солнца и Моря, рожденному в веках баснословных <...> и умолкшем среди моря, когда победила смерть* (3, 558), И. Бунин реализует семантику *воды*, в которой сопрягается начало как рождение и конец как смерть.

В контексте оппозиции *жизнь vs смерть* *вода* как стихия соотносится с идеей рождения. В этом своем качестве стихия воды в текстах прозаика уподобляется *водному лону*:

Еще как женщина возделенно мне водное ночное лono... («Ночь», 4, 444).

Вода в этой роли у И. Бунина, таким образом, выступает как *prima materia*, то есть родящая жизнь. Функционируя как *prima materia*, *вода* становится аналогом женского материнского начала, архетипического по сути.

Однако для архаического сознания характерна поляризация явлений, которая в разных формах и ипостасях пронизывает всю индоевропейскую культуру, включая и мифопоэтическую концептуализацию универсального образа «родящей» воды. Так, *вода* как *prima materia* совмещает в себе мотивы как женского, так и мужского начал. Об этом свидетельствуют тексты И. Бунина, в которых к персонифицированному образу активной воды, мыслимой в оппозиционных терминах *жизнь vs смерть*, примыкает архетипический бинарный образ *prima materia* (первичной материи). Он представляется в терминах оппозиции *мужской vs женский* и реализуемый в концептуальных образах *водной (океанической) стихии*, выступающей в роли первородителей всего сущего – *Океана* и *Бездны*, соотносящихся соответственно с мужским и женским началом. Соотнесение образа океанической стихии с мужским на-

чалом на языковом уровне формируется как грамматической отнесенностью лексемы *океан* к категории мужского рода, так и контекстуально – словосочетанием *отчее лоно*. При этом концептуальный образ океана как *родимого отчего лона* связывается с образом Бога, который в рассказе «Воды многие» вводится цитацией из Библии: «Путь твой в море и стезя твоя в водах великих и следы твои неведомы...» (4, 470). Далее следует авторское: *И я был в страшной и сладкой близости твоей и безгранична моя любовь к тебе, и крепка вера в родимое, отчее лоно твое!* (4, 470). Женский образ прародителя всего сущего в рассказе «Сны Чанга» формирует фразема *Бездна-Праматерь*, о которой говорится, что она *родит и поглощает и, поглощая, снова родит все сущее в мире* (4, 113), предначертывая каждому свой путь.

Семантика *воды-4* как мифологизированной стихии в языковой картине мира авторских текстов, отражая общие мифопоэтические знания о ней как активной и живой, персонифицированной сущности, вскрывает и те представления, относящиеся к широкой теме взаимосвязи культуры и отображения в ней природных реалий. Субстратом бунинской мифопоэтики *воды* выступает историософия – античная и библейская философские концепции мирового космогонического процесса. Согласно древним космогониям, вода представляется первичным состоянием дотварного мира, которая в древних текстах семантизируется как «водная бездна», в античной лингвокультуре именуемая *хаосом*.

Вода-4 у И. Бунина через соответствующую лексему и ее субституты (*глубина, бездна, Бездна, хлябь, пропасть, пучина, лоно, утроба, бездна бездн, Все-Единое, тьма, темнота, чернота, что-то, естество, свободная сила*), соотносится с тем первичным состоянием, каковым является мифический хаос, отражающий культивированную античной и библейской традициями мифопоэтику воды. *Вода-4* у И. Бунина, по аналогии, концептуализируется как довременное (дотварное) естество, причем враждебное:

Когда произносится ложное слово, Камень прогружается в воды – и смываются буквы святого имени. Но ангел Азариэла <...> снова пишет его на Камне, и оно снова гонит прочь воды, поглотившие Содом и Гоморру («Камень», 3, 555).

На языковом уровне названный компонент метафизической семантики лексемы *вода-4* реализуется и в выражении *водная бездна*, отражающая Ветхозаветные черты первобытия:

Когда поднимаются воды Бездны до Камня, они отбегают вспять в ужасе («Камень», 3, 555).

Функционируя в качестве библейско-христианской мифологемы, *вода-4* в идиолекте И. Бунина в этой роли маркируется либо прямой цитацией библейских текстов, либо аллюзией на них. В структуре его рассказов они встроены в их контекст, в эпиграф, в заглавие. Это свидетельствует о том, что мифологизированные смысловые приращения лексемы *вода* в бунинской языковой картине мира ориентированы прежде всего на мировую культурную традицию. В частности, один из бунинских рассказов, время написания которого составило более десяти лет <1911–1926>, называется «*Воды многие*» (4, 449–470). Эпиграф, следующий за названием, представляет собой цитату из Псалтыри: «*Господь над водами многими... (Псалтырь)*» (4, 449). В тексте же самого рассказа неоднократно встречаются идиоматические по сути выражения «*воды многие*» и «*воды великие*» как самостоятельно, так и в составе цитаций Вечной Книги:

«*Путь твой в море и стезя твоя в водах великих и следы твои неведомы...*» (4, 450); <...> *глядел с палубы в пустой простор этих «вод многих», со всех сторон безответно объемлющих нас <...>* (4, 461); *Все воды твои и волны твои прошли надо мной <...>* (5, 518).

Вода как довременное естество, мыслимая в текстах И. Бунина в образе библейской *водной бездны*, в текстах писателя также представляется в качестве дотварного, культивированного мыслью античных времен первобытия – того состояния, которое предшествовало «лучезарному космосу». Это состояние у И. Бунина наделяется соответствующими ему характеристиками, каковыми, согласно архаическим представлениям и античной мифопоэтической традиции, является дотварный мифический хаос. О нем А. Ф. Лосев пишет: *грохочущий и безликий, бесформенное, бесконечное первобытие и первосостояние одновременно, вечно творящее живое лоно* (Лосев, 1991, 581). Свидетельством тому, что в языковой картине мира И. Бунина *вода* в качестве стихии и ее субституты в этой функции мыслятся в терминах античной мифологии как первобытное естество – хаос, говорят ранние варианты рассказа писателя «Море богов». В них прозаик *воду, море* отождествляет с хаосом, вводя лексему *Хаос* в текст. Более того, употребление данной лексемы в раннем варианте рассказа орфографически маркировано – ее написание в контексте дано с прописной буквы. Это значит, что И. Бунин, формируя образ «первобытного и безликого состояния, из чего возник мир», наделяет его и соответствующими характеристиками, которыми обладают имена собственные:

Вот и Хаос Гезиода, то первобытное и безликое состояние, из чего возник мир! Сколько богов рождалось на берегах этого моря и сколько их поглотил

этот Хаос, подобно титану Кроносу, поглотившему всех чад своих от Реи! (3, 659).

Однако в идиолекте И. Бунина это единичный случай. Писатель предпочитает прямо не использовать это слово (*Хаос*), поэтому создавая образ мифического Хаоса, он вводит такие номинации и создает такие «водные» образы, атрибутика которых отображает то, что соответствует античным представлениям о первобытии. Его «грохочущее основание» в текстах писателя семантизируют такие атрибуты, как *бездонный, бесконечный, безграничный, безмерный, живой, бунтующий, чуждый, враждебный, довременный, слепой, темный, черный* и т.п. Так, в рассказе «Сны Чанга» о *бездне* как субституте *воды-4* говорится, что она *враждебная и слепая, глухо бунтующая, но стократ живая* (4, 117). Все это в сумме способствует реконструкции черт античного хаоса, о которых пишет А. Ф. Лосев и которые обозначены выше.

Грохочущее, прямо не обозначенное основание первобытия в языковой картине мира И. Бунина проявляется на фоне бинарной оппозиции *свет vs тьма*, последний элемент которой становится определяющим компонентом семантизации (осмысление через образ и наделение его именем *тьма, темнота, чернота*) мифического хаоса в авторских текстах. Такие контекстуальные компоненты, характеризующие окружающее пространство, как *тьма, темнота, чернота, черная темнота* и соответствующие им смыслы, как *аспидная муть, смола*, определяющие состояние водной стихии и среды, становятся маркерами «включения» мифологического контекста, связанного с мифопоэтическими представлениями, которые очень точно выражены соловьевской формулой, гласящей, что *под светозарным гармоничным космосом шевелится первозданный хаос*. Примером сказанному может послужить описание моря из рассказа «Пингвины»:

Внизу – тьма, смола, пропасть, где гудит, ревет, тяжело ходит что-то безмерное, бугристое, клубящееся, как какой-то допотопный спрут, резко пахнущее устричной свежестью и порой развивающееся целыми водопадами брызг и пены... (4, 519).

Как отмечает Н. Б. Мечковская, ссылаясь на В. Н. Топорова, согласно античной космогонической системе с ее оппозицией *хаос vs космос*, в которой хаос «мыслится как первоначальное и бесконечное, дотварное состояние в противоположность «космосу» как тварному (созидаемому) миру, имеющему свое начало и конец, хаос никогда полностью не вытесняется космосом, находясь где-то на его периферии и в царстве смерти» (Мечковская, 2003, 42). Лексикализирующийся как *водная бездна (бездна бездн, глубина, пропасть*

и др.), мифический хаос и космос как мироздание, под которым скрывается «грохочущее основание» вечно живого и безмерного первоестества, в текстах прозы И. Бунина соположены. Переход одного к другому тонок, он проявляется и реализуется по-разному. Образ хтонической тьмы, проявляющийся на фоне бинарных оппозиций *свет vs тьма, жизнь vs смерть* и с ним сопрягаемое изначальное и бесконечное состояние, равно как осмысляемое в амбивалентных по сути образах океана (моря) и бездны (глубины, пропасти), дается в развитии и «вычитывается» из контекста. Так, в рассказе И. Бунина «Братья», построенном на смысловом противопоставлении *цивилизация vs природная стихия*, определяющем бинарную оппозицию *бытовое vs бытийное*, образ хаотического выстраивается на повторах лексем, связанных со смыслом 'темный', 'черный'. При этом «тонкая пленка цивилизации», обычно представляемая в образах рукотворных артефактов – *корабля, парохода* и др. средств передвижения по воде, – как бы срывается и уступает место природной стихии, обнажая ее грохочущее, шевелящееся основание. Экспликация образа при этом обычно не ограничивается уровнем одного предложения или абзаца. В качестве примера приведем довольно объемный фрагмент текста из рассказа И. Бунина «Братья»:

Теперь пароход был в безграничной тьме, в пустоте океана и ночи. И тьма резко чернела в открытых дверях и окнах, стояла и глядела в ярко освещенную столовую. Влажно дуло из этой тьмы – влажным, свободным дыханием чего-то от века свободного <...> под нами и вокруг нас бездонная глубина, та зыбкая хлябь, о которой так ужасно говорит Библия <...> всю ночь шумит, кипит эта бездонная хлябь <...> Чувствовалось, под неприятно слабеющими ногами, как снизу что-то нарастает, приподнимает, валит на бок, расступается <...> шумела черная темнота, уже высоко поднимавшая с носа и валившая скрипящий переборками пароход <...> и вот только в океане чувствуешь, как тает, растворяется человек в этой черноте, в звуках, в запахах, в этом страшном Все-Едином <...> и в снастях широко носились, летая то в бездну кверху, то в бездну книзу, Канопус, Ворон, Черный Крест <...> (4, 22–27).

Смыслы 'темный', 'черный', изначально определяющие отсутствие света в описании окружающего пространства, субстантивируются и начинают транслировать то неопределенное *ничто*, в античной культуре, по замечанию А. Ф. Лосева, соотносящееся с пустотой и противопоставляемое бытию как лучезарному космосу (Лосев, 1991, 581).

Смысловая оппозиция *бытовое vs бытийное* в прозе И. Бунина соотносится не только с противопоставлением *цивилизация vs природа*. Место природы

может занимать культура (в первую очередь, духовная), противопоставляемая цивилизации с ее технологическим детерминизмом и духовной ущербностью.

В контексте проявления мифологического хаоса на фоне оппозиции *цивилизация vs культура* цивилизация отождествляется с хаосом. Его энтропия или разрушающее начало у И. Бунина экстраполируется на формы социально-экономического и материально-технического общественного устройства, то есть на то, что принято называть цивилизацией. Так, в рассказе «Господин из Сан-Франциско» цивилизация, представленная в тексте символическим образом парохода «Атлантида» и его населения, оказывается носителем анти-тезы «земного ада» и «земного рая»:

Внизу, в подводной утробе „Атлантиды“, тускло блистали сталью, сипели паром и сочились кипятком и маслом тысяченудовые громады котлов и всяческих других машин, той кухни, раскаляемой исподу адскими топками, в которой варилось движение корабля, – клокотали страшные в своей сосредоточенности силы, передававшиеся в самый киль его, в бесконечно длинное подземелье, в круглый туннель, слабо озаренный электричеством, где медленно, с подавляющей человеческую душу неукоснительностью, вращался в своем масленистом ложе исполинский вал, точно живое чудовище, протянувшееся в этом туннеле, похожем на жерло. А середина „Атлантиды“, столовые и бальные залы ее изливали свет и радость, гудели говором нарядной толпы, благоухали свежими цветами, пели струнным оркестром («Господин из Сан-Франциско», 4, 70).

В конечном счете, корабль, везущий мертвое тело, можно уподобить лодке Харона, переправляющей души в царство Аида.

Как мы видим, для выявления символических значений воды, уже недостаточно обращения к таким языковым единицам, как слово, словосочетание, метафора. Нужен целостный текст – то, что сегодня широко именуется дискурсом: текст, выражающий стоящее за ним сознание, идеологию как мировоззренческую установку (ван Дейк, 1998).

Кроме интертекстуального слоя античного мировоззрения, в творчестве И. Бунина некоторые исследователи отмечают и индуистско-буддистское начало: представление текучести жизни через постоянно воспроизводимые образы реки и ручья (соответственно, и через использование именующих их лексем), «несметных жизней», таящихся в воде:

Я иду по песку и сажусь у самого края воды и с упоением погружаю в нее руки, мгновенно загорающиеся мириадами светящихся капель, несметных жизней («Ночь», 4, 444).

В синтагматической близости с лексемой *вода* в ее символическом значении выступают слова с семантическим компонентом 'свет'. В уже упоминавшемся рассказе «Ночь» в одном предложении нанизаны слова, содержащие этот компонент: *накатившаяся волна озарила пески бледно-голубым сиянием, – сиянием несметных жизней <...>* (4, 439).

Традиционная идея воды как всеобщего жизненного начала в некоторых текстах И. Бунина, как например, в следующем ниже примере, эксплицируется в паре со *светом солнца* как его атрибутом:

Мириады едва зримых семян жизни, лишенных солнца тьмою ночи и глубинами вод, все же светят сами себе – теми атомами его, которыми рождена в них жизнь («Море богов» 3, 523).

Свет, таким образом, выступает как функциональный аналог воды, являясь контекстуальным «спутником» *воды-4* в языке писателя.

Реализуя метафизическое значение *вода-4*, данная лексема у И. Бунина формирует и другие, соответствующие ей семантические связи. Как показало исследование, их парадигму образуют выступающие в качестве контекстуальных синонимов такие лексические единицы, как *океан* и *Океан*, *море* и *Море*, *бездна* и *Бездна*, *Бездна-Праматерь*, *бездна бездн*. «Водный» словарь контекстуальных синонимов *воды-4* в авторском идиолекте также образуют лексические единицы, словосочетания и перифразы *водное лоно* и *отчее лоно*, *тьма*, *темнота*, *чернота*, *черная темнота*, *что-то*, *Все-Единое*, *Хаос Гезиода*, *живая волна* и *живая вода*, *хлябь*, *бездонная глубина*, *Богиня Жизни*²⁹. Они, участвуя в реализации установленной нами семантики лексемы *вода-4*, в текстах И. Бунина формируют обусловленные культурой образы *мифического хаоса*, *библейской водной бездны*, *хтонической тьмы*, *суверенной силы*, *прародителя*, *божественной сущности*, *пути* и *живой воды*.

Из формальных грамматических характеристик языковой концептуализации *воды-4*, выполняющей в текстах И. Бунина функцию мифологемы, следует отметить факт наличия и использования формы мн. ч. *воды*, а также специфику бунинской орфографии, то есть написание с прописной буквы некоторых лексических единиц, таких, как *Океан*, *Бездна*, *Море*, *Лонно*, *Бездна-Праматерь*, *Богиня Жизни*.

²⁹ В одном из рассказов И. Бунина вода уподобляется Богине Жизни: *тиро-сидонский берег, столь щедро оплодотворяемый Богиней Жизни* («Шеол», 3, 558).

3.4. Выводы

Обращаясь к анализу семантической структуры имени *вода* в творчестве И. Бунина, мы исходили из установки об определенной связи между лексемой и именуемым ею концептом. Мы предполагали, что проводимый анализ даст несколько иные результаты, нежели анализ лексикографических данных лексемы *вода* в существующих словарях русского языка. Это предположение обуславливалось как применением комплексной методики описания лексемы *вода* в творчестве И. Бунина (**анализ дефиниций, установление парадигматических и синтагматических связей в духе МСШ, дискурсивный анализ**), так и уже установленным ранее положением об особой роли образа воды и водной стихии в наследии писателя. Сущность дефинитивной методики в нашем случае состояла в том, что мы определяли категориальную принадлежность денотата *воды* в определенном контексте. В этом случае категориальный признак (общее имя в составе дефиниции) приравнивался нами к логической, понятийной части концепта. Анализ всех словоформ *воды* в творчестве И. Бунина позволил дополнить этот категориальный признак более частными признаками логического характера (напр., *жидкости*, используемой как напиток/ бытовое средство/ элемент культурной практики, *пространства*, мыслимого как место, объемное тело и т.д.). Грамматические формы служили для нас маркером разграничения лексических подзначений в рамках более широких значений как категорий. Анализ сочетаемости имени и более широкого контекста позволил выявить прагматическую нагруженность имени, то есть уже сублогическую часть значения, или его образно-перцептивный и оценочный слой.

Представленный анализ дал следующие результаты, графическая репрезентация которых отображена в **схеме 1**.

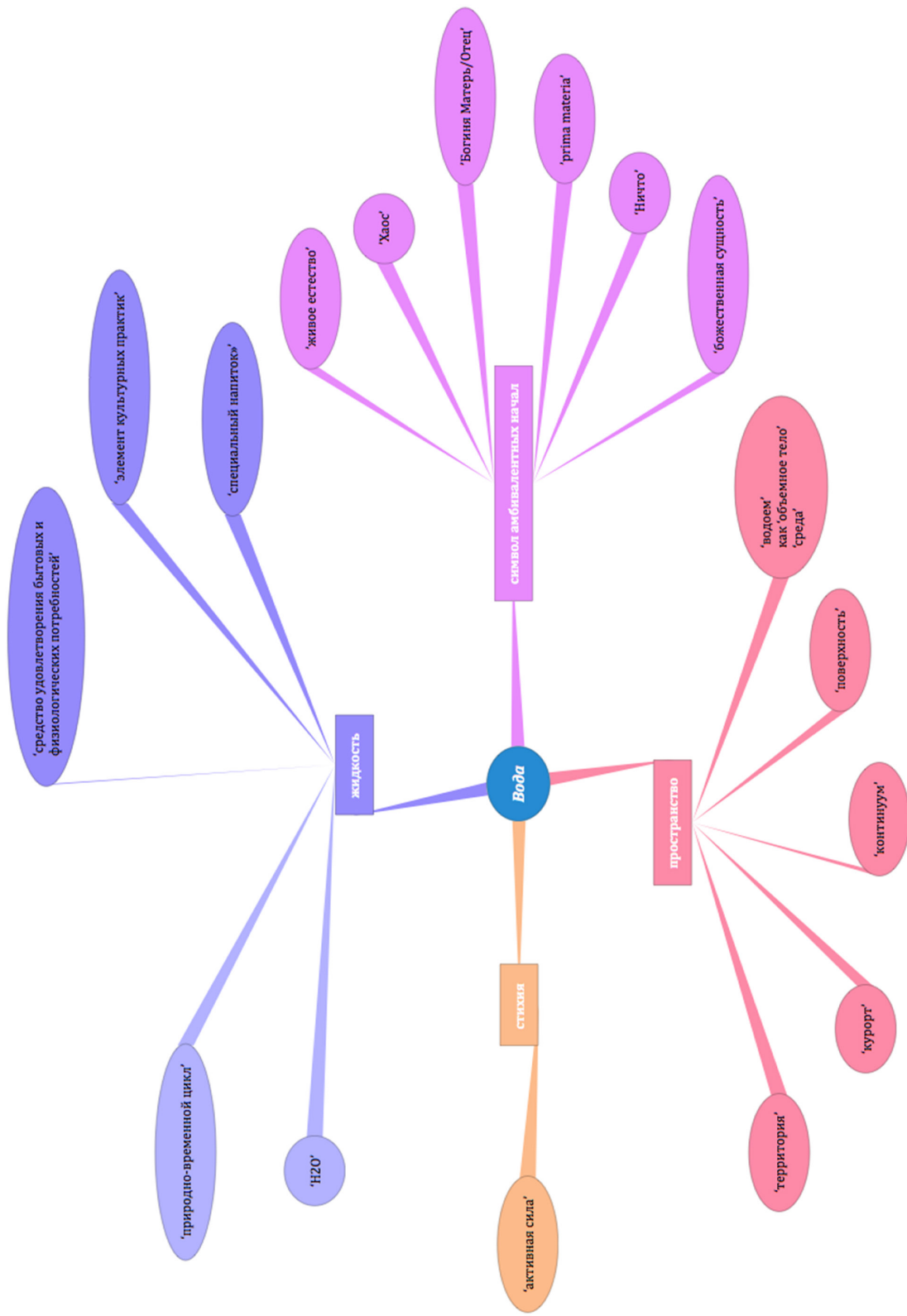

Схема 1. Визуализация семантической структуры имени *вода* в прозе И. Бунина

Здесь мы выделили три **категориальных значения** – **вода-жидкость**, **вода-пространство**, **вода-стихия**, – основанные на разных когнитивных признаках, или трех архисемах³⁰. Кроме того, мы выделили отдельное **символическое значение** обсуждаемого имени, связанное с интертекстуальным характером творчества И. Бунина – вода как проявление мифического Хаоса и одновременно Божественной сущности.

В рамках названных категориальных значений реализуются частные лексические **подзначения**. Отношения общих значений к частным подзначениям можно обозначить как гиперо-гипонимические. При этом следует понимать, что частные подзначения *воды* соотносятся с различными денотатами, имеющими общее свойство, благодаря чему они и могут быть объединены в одну категорию. Так, в рамках категории **вода-жидкость** реализуется оппозиция *природное vs культурное*. К соотношению с денотатом *воды* как природным феноменом относится 1) ‘вода – природное вещество, жидкость’, существующая в природе в виде заполнителя водоемов, атмосферных осадков, средства, необходимого для поддержания жизни – утоления жажды; в этом значении лексема *вода* обычно имеет форму только единственного числа и выступает чаще в синкретической роли агенса-пациенса (совмещает инактивное и активное начало); 2) ‘вода-маркер временного цикла (весны)’. Мы выделили это подзначение как отдельное на основании семантической роли активного деятеля-Агенса и специфического контекстуального окружения, предполагающего наличие слов со значением пространства (*загрямят по лугам полые воды*).

В рамках «окультуренного» использования воды мы выделили такие подзначения, как 1) ‘средство, используемое для бытовых нужд (удовлетворение бытовых потребностей)’; 2) ‘изготавливаемые или природные минеральные напитки’; 3) ‘элемент культурных практик’ – омовения, акушерства и т.п. Признавая спорность выделения этого подзначения, мы опираемся на специфическую сочетаемость (*розовая вода, горячая вода*) и на инструментальную семантическую роль.

Прагматическими коннотациями названных подзначений в рамках категории **вода-жидкость** можно считать коннотации полезности, жизненно необходимого средства, бесцветности.

³⁰ «Архисема», в терминологии В. Г. Гака, представляет собой сему родового, категориального значения, которая «образует узловые пункты в классификации слов» (Гак, 1972, 367–395).

В рамках категории **вода-пространство** мы выделили такие подзначения, как 1) 'неограниченное (континуум) и 2) ограниченное (территория) пространство.' Характерной является грамматическая форма как единственного, так и множественного числа и семантическая роль локатива; 3) 'курорты с минеральными источниками'. Характерна форма только множественного числа. Первое и второе подзначения характеризуются разными коннотациями: у пространства как континуума имеется коннотация величия, тайны, красоты; 4) 'водоемы'; 5) 'вода-поверхность'. Это подзначение выражается свободными синтаксемами. Оно реализуется и в контекстах, где поверхность воды является объектом зрительного восприятия, любования этим объектом, в силу чего возникают коннотации красоты и притягательности. Лексико-семантическая парадигма слов, в которую входит лексема в данном значении, широка по числу членов, что позволяет говорить о том, что в текстах И. Бунина широко представлено пространственное значение лексемы *вода*, реализация которого сопрягается с богатым лексическим арсеналом языковых средств.

Третьим категориальным значением лексемы *вода* является, как мы уже говорили, значение **вода-стихия**. Здесь возможна широкая метафоризация и лексема в этом значении выступает только в роли агенса – активного деятеля. Коннотативным значением – смысловым приращением, составляющим оценочную и образную часть концепта, – является коннотация опасности.

Наконец, в качестве **четвертого (дополнительного) значения** мы выделили **символическое значение** имени *вода*, обуславливающее образно-оценочный слой концепта, его культурную составляющую. Эта культурная составляющая детерминирована интертекстуальным характером творчества И. Бунина – соотносительностью с библейскими текстами и мировой философией. Воде приписывается амбивалентное значение 'Хаоса' и 'Богини-Матери'.

Нужно сказать, что каждое значение и подзначения обладают специфической лексико-семантической парадигмой, включающей синонимы, антонимы и аналоги. Так создается «водный мир» прозы И. Бунина.

Таким образом, используя аппарат когнитивной лингвистики, понятие категоризации, концепта и значения, мы выделили четыре основных (**три категориальных** и одно **символическое**) значения лексемы, соотносимые со слоями концепта, и показали, как эти значения и их подзначения порождают другие слои концепта.

ГЛАВА IV. КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ «ВОДЫ» В ИДИОЛЕКТЕ И. БУНИНА

Проанализировав строение лексемы *вода* с точки зрения ее семантической структуры, реализующейся в авторском идиолекте, мы переходим к определению структуры знания, стоящей за этим словом у И. Бунина и становящейся основой порождения тех или иных значений и подзначений данной лексемы в его текстах. Мы уже показывали выше, при каком категориальном содержании, отраженном в лексическом значении, возникают те или иные коннотативные смыслы, трактуемые нами как приращения к понятийной части новых слоев образно-перцептивного и оценочного характера в составе концепта, выраженного лексемой *вода*.

Соотношение семантической структуры слова и его концептуального содержания, как нам представляется, подобно соотношению естественного языка с языком художественной литературы. Подобно тому, как язык художественной литературы, будучи вторичной моделирующей системой, надстраивается над языком естественным, так и концептуальная структура имени, его концептуальное содержание, являясь результатом авторской рефлексии, надстраивается над семантической структурой языкового знака.

В этой главе мы обратимся к развитию идеи семантических ролей (аргументов),³¹ выполняемых лексемой *вода* в высказывании – на этом основании мы предлагаем вскрыть то, что назвали бы глубинным слоем концепта «вода», точнее, его концептуальной структуры, выраженной на языке терминов большей степени абстракции. Мы исходим из того, что существует глубинно-синтаксическая структура, или, в терминологии Ю. Д. Апресяна, глубинно-семантическая структура, которая представляет собой набор семантических ролей, реализуемых на уровне поверхностной структуры определенным словом, выступающим в сочетании с другими предикатными словами. Так, роль активного деятеля, Агенса, обычно играют одушевленные субъекты, и в меньшей степени – неодушевленные, обладающие внутренней

³¹ Идея предикатно-аргументной структуры принадлежит Ч. Филлмору, выделяющему 9 типов аргументов (Агенса, Источник, Инструмент, Место, Пациент, Адресат и т.д.). Эта идея была использована и Ю. Апресяном, увеличившем число семантических ролей до 25 (Апресян, 1974/1995б). Надо сказать, что инвентарь семантических ролей, предложенных Ю. Д. Апресяном, был значительно расширен создателями проекта FrameBank («дочернего» ресурса НКРЯ), в системе которого выделяются до 88 экспликаций семантических ролей (Кашкин, Ляшевская).

энергией. Роль Места занимают слова, значение которых соотносится с пространством, роль Объекта – тела, способные подвергаться воздействию и т.п. Именно глубинная, в высшей степени абстрактная семантика обуславливает реализацию более частной лексической семантики. Если использовать аппарат когнитивной лингвистики, то, опираясь на работы Е. С. Кубряковой, можно назвать эти роли глубинными концептами, то есть понятиями высокой степени абстракции, где нет прагматических наслоений. В сущности, в данном случае понятие категории и глубинного концепта тождественно. Мы избегаем говорить о «глубинном концепте» – нам ближе мнение Ю. С. Степанова о различении понятий и концептов. Концепты, согласно убеждениям ученого, в отличие от понятий, не только осмысляются рационально, но и переживаются, подобно «коллективному бессознательному» (Степанов, 2004, 42–60). Поэтому далее мы будем употреблять термин «актант» или «глубинно-семантическая роль».

Анализ концептуального содержания имени, надстраивающегося над его семантической структурой, по замечанию Е. С. Кубряковой, может преследовать несколько целей. С одной стороны, концептуальный анализ ставит вопрос о том, каково представление носителей языка о стоящем за именем явлением. С другой – какие идеи реализуют эти знания в самом языке, то есть какова глубинная основа этих знаний, не данная непосредственно в перцептивном восприятии. Первая цель, на наш взгляд, соотносится с выявлением более индивидуализированных, прагматически окрашенных знаний о явлении, вторая – более абстрактных, представленных уже в самой системе языка.

Проникновение в «глубинный слой» концепта возможно посредством еще одного способа. Л. О. Чернейко отмечает, что тактикой концептуального анализа имени является выявление его гештальтов (Чернейко, 2010, 244). Гештальты, по мнению Л. О. Чернейко и В. А. Долинского, выражают «оязыковленный смысл, присутствующий в имени концепта на глубинном уровне» (Чернейко, Долинский, 1996, 20). Обычная практика проведения концептуального анализа с выявлением гештальтов как неких идей или когнитивных знаний, сосредоточенных в имени и выводимых на основе его дистрибуции, именной и глагольной, в русской гуманитарной науке соотносится с анализом абстрактных имен или абстрактных субстантивов, обозначающих внефизические предметы. Тем не менее, как нам представляется, такую методику проявления концептуального анализа можно использовать

и в отношении имен предметных, в частности, анализируемого нами имени *вода*, поскольку за любым языковым знаком стоят определенные структуры знания (когнитивные структуры) – концепты, определяющие его семантику. Действительно, если в языке, по мысли Е. С. Кубряковой, есть обозначение *лампа*, то существует и соответствующий ему концепт как некое знание о мире (Кубрякова, 2004, 316). Понимание концепта как ментальной сущности или когнитивной структуры неотделимо от закрепленного за ним содержания, структура которого складывается из компонентов, отражающих его логическую и иррациональную, чувственно (в образах, эмоциях, оценках) переживаемую основу. Отвечая на вопрос о содержании концепта, Л. О. Чернейко отмечает, что оно включает в себя то, что определяет «содержание наивного понятия», а также «охватывает все множество прагматических элементов имени, проявляющихся в его сочетаемости» (Чернейко, 2010, 239). При этом объем наивного понятия определяет логическую часть содержания концепта, а его сублогическую основу формируют оценки, ассоциации, культурно-историческая информация, проявляющаяся в глагольно-именной сочетаемости имени, репрезентирующего концепт.

В свете всего выше сказанного, приступая к реконструкции концептуальной модели имени *вода*, определим те смыслы, которые нашли свою объективацию в этом слове у И. Бунина, и выявим смысловые приращения, из которых и складывается структура «антропоцентрического» и индивидуального знания о воде.

В качестве основы реконструкции концептуальной модели имени *вода*, реализующейся в авторском идиолекте, выступает следующее. Семантическая структура лексемы *вода* и концептуальное содержание этого имени соотносимы в том смысле, что последнее формируется в результате обобщений рефлектирующего сознания над обозначаемым данным словом явлением видимого мира. Концептуальная структура имени *вода* как модель когнитивного знания о нем, реализующаяся в прозе И. Бунина, конструируется исследователем на основе дистрибуции данного имени, именной и глагольной, его сочетаемостных особенностей как метафорических, так и привычных, а также опирается на широкий контекст его употреблений, не ограничивающийся уровнем предложения. Форма представления этой структуры может быть разной. Например, Л. О. Чернейко обращается к форме гештальтов – «масок, которые язык надевает на абстрактное имя» (Чернейко, 2010, 249). Э. Лассан для того, чтобы показать, как именно лексическое значение абстрактного имени

расширяется до концептуального содержания, пользуется методикой языка семантических примитивов (Лассан, 2002, 2). Используя названную методику, Э. Лассан наглядно демонстрирует, как к значению, представленному на языке семантических примитивов, прирастают новые смыслы, описываемые на том же мета-языке. Мы предполагаем, что есть возможность продемонстрировать концептуальную структуру как схему (карту) слоев, из которых складывается концепт, при этом каждый слой может включать ряд когнитивных признаков, приписываемых сознанием явлению, существующему в сознании в виде ментальной репрезентации.

Проведенный семантический анализ лексемы *вода* показал, что структура ее значений обуславливается различными категориальными признаками. При этом категория «субстанции» и категория «пространства» составляют основу значений сугубо логического характера, с небольшими прагматическими приращениями. Однако «вода-стихия» в прозе И. Бунина уже представляет отход от сугубо логической структуры знаний о ней и рисуется как самостоятельно действующий Агенс. Очевидно, что имя *вода* в текстах писателя функционирует и как мифологема, то есть переносит в текст элементы мифологических сюжетов. Символическое значение *воды*, безусловно, связано со значением 'вода-стихия', являющимся переходным между когнитивной структурой чисто логического характера и символическим (мифопоэтическим, философски нагруженным) значением.

Как уже было показано, каждый из таких категориальных признаков (логическая часть концепта), как «субстанция» и «пространство», являясь основополагающими компонентами в концептуальной структуре имени *вода*, в процессе вербализации связывается с тем или иным употреблением данного имени и, таким образом, сами структурируются далее. Нам остается еще раз в более пространной форме описать соотношение смыслов [(категориальных признаков, уточняющих признаков, признаков сублогического характера (прагматические коннотации)], чтобы наглядно продемонстрировать «рождение концепта».

4.1. Вода как субстанция

Рассматривая индоевропейскую предысторию некоторых культурных концептов, Ю. С. Степанов отмечает, что, исходя из данных этимологии, представления архаического сознания о воде определяются «активностью-инактивностью» (Степанов, 2004, 307–310). Характерное знание о воде, таким образом, соотносится, во-первых, с представлением о ней как активной сущности – «не-вещи». В этой своей роли вода как неотменное условие и элемент жизни Вселенной и человека выступает в качестве «стихии». Но природные объекты, элементы в культуре, следуя мысли В. Н. Топорова, отождествляют собой не только некие идеи. Они также выполняют конкретные полезные функции, то есть овеществляются и используются как «вещи» (Топоров, 1995а, 8). Следовательно, во-вторых, знание о воде сопряжено с ее осмыслением как «вещи» – неактивном начале. У И. Бунина реализуется и то, и другое знание о воде, согласно которому она в качестве субстанции может выступать в функциях и Стихии, и Вещи. Описание этого знания о воде, а также описание концептуальной структуры, стоящей за ним и объективированной в прозе писателя именем *вода*, как нам представляется, лучше всего представить на языке семантических ролей, что мы попытались кратко сделать выше.

Определив «роли», в которых в прозаических текстах автора выступает лексема *вода* как субстанция (и активное, и инактивное начало), мы сможем объяснить семантические переходы от одного категориального значения, включая частные лексические подзначения (*вода-жидкость*, *вода-элемент культурных практик*, *вода-стихия* и т.д.), к другому. Когнитивную структуру этих переходов, связывающих категориальную семантику имени *вода* (его значения и подзначения) с его глубинно-ролевой экспликацией, мы попытались отобразить в **схеме 2**.

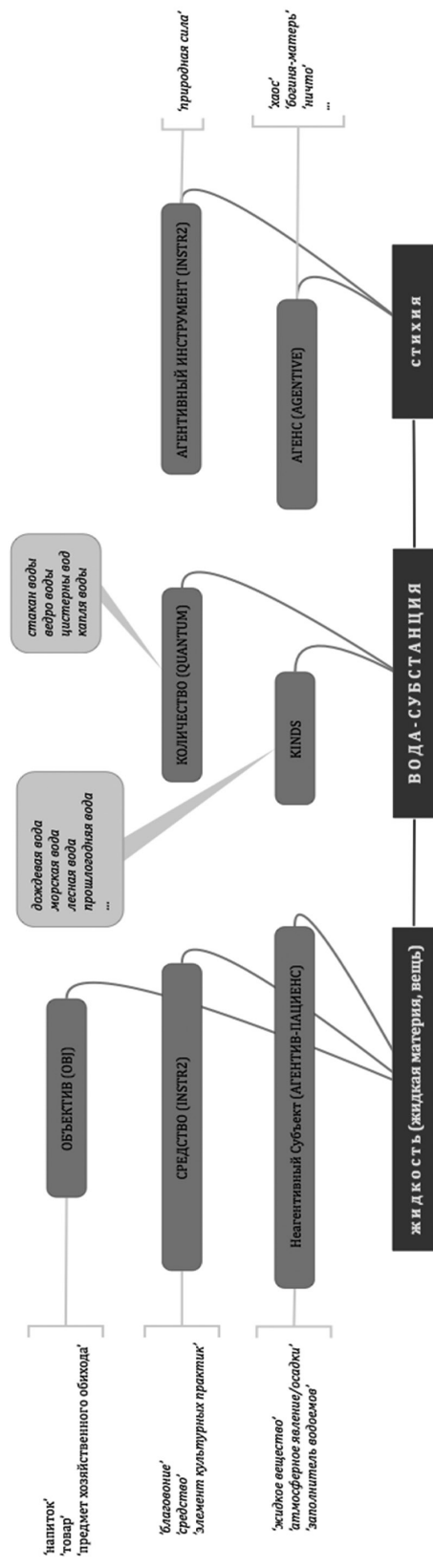

Схема 2. Модель ролевой экспликации глубинной семантики имени вода, выступающей в прозе И. Бунина в качестве субстанции

Анализ бунинских текстов показал, что в контексте акциональных глаголов движения, физического действия лексема *вода*, выступая только как «субстанция-жидкость», выполняет обычно роль ОБЪЕКТА, ПАЦИЕНСА или синкретичную роль АГЕНСА-ПАЦИЕНСА. Но, функционируя в качестве **Активного Субъекта** (Суверенной Силы), выполняя семантическую роль **АГЕНСА**, в текстах прозы писателя вода категоризуется как «стихия», если точнее – «субстанция-стихия», поскольку субстанция – это и явление объективной реальности, жидкая материя, но также (в философском смысле) и самостоятельное сущее. Именно эта роль (АГЕНСА) и связанное с ней осмысление воды в авторских текстах маркирует большое количество случаев употребления лексемы *вода*. Так, в рассказе «Сны Чанга» *вода*, уподобляясь активной сущности, *ширится, охватывает ненастные горизонты, мешается с мгlistым небом* (4, 116). Вода в этой же функции, сочетаясь с глаголами движения *идти, бежать, нестись, лететь*, продолжает цепь представлений о ней как о персонифицированной сущности высшего порядка, наделенной суверенной волей. Она, выступая в роли активного субъекта, сочетается с глаголами действия *обнимать, мыть, обдавать, охватывать*, в актантной структуре которых есть вторая валентность объекта:

<...> *и холодная вода поднимаясь и опускаясь, обнимала и мыла ее босые ноги, обдавая их шипящею пеной и опутывая мокрыми бледно-зелеными травами* («Велга», 2, 139).

За вещественно-знаковой формой архетипических образов *воды*, реализованных в прозе И. Бунина, прослеживаются и те мировоззренческие традиции, связь с которыми демонстрирует творчество писателя. Являясь хаотическим началом животворящего и поглощающего первоестества, у И. Бунина мыслимого в пространственном представлении как *Бездна, Океан, Море, Лоно* или *Путь*, архетипические образы *воды* отображают очевидную связь с античной, иудейско-христианской, также с восточной, в частности, с учением даосизма, мифопоэтикой. Так, архитектоника архетипического символа *воды*, складывающегося в текстах автора, раскрывается и выводится из контекста, позволяющего выявить гештальт, в терминологии Л. О. Чернейко и В. А. Долинского, то есть «маски, которую надевает абстрактное существительное» (под гештальтом они понимают представления носителей языка, скрытые в имени и раскрывающиеся в его сочетаемости).

Рассматривая *воду* как символ, то есть знак, который, кроме своего непосредственного содержания, отсылает к другому, к некоей идее, мы выделяем следующие гештальты:

1. Вода – **суверенная Сила** (<...> а корма дрожала, ее опускало и поднимало какой-то несказанно свободной силой <...> «Сны Чанга», 4, 116–117; Чувствовалось <...>, как снизу что-то нарастает, приподнимает, потом валит на бок, расступается – и пол все глубже уходит из-под ног «Братья», 4, 24–25; <...> прибежала <...> и с грозным шумом выростала выше борта и заглядывала в каюту страшная живая волна <...> «Сны Чанга», 4, 118).

2. Вода – **шевелиющийся первобытный Хаос** (<...> и он качался, возбужденно созерцая эту слепую и темную, но стократ живую, глухо бунтующую Бездну «Сны Чанга», 4, 117; <...> под нами и вокруг нас бездонная глубина, та зыбкая хлябь, о которой так ужасно говорит Библия... «Братья», 4, 24; <...> всю ночь шумит, кипит эта бездонная хлябь... «Братья», 4, 24; <...> пароход <...> ровно бежал дальше, среди тяжелых и зыбких масс этого довременного, для нас уже чуждого и враждебного естества, называемого океаном... «Сны Чанга», 4, 118; <...> в бесконечной темной пропасти всю ночь шумело море <...> Бездна <...>, что-то слепое и беспокойное, как-то утробно и тяжело живущее, враждебное и бессмысленное... «Жизнь Арсеньева», 5, 153).

3. Вода – **Prima materia** и **животворящее Лоно** (Бездна-Праматерь, она же родит и поглощает и, поглащая, снова родит все сущее в мире <...> «Братья», 4, 113; Капри «поднимается из лона морского подобно лежащему сфинксу» или затонувшему кораблю, как говорят другие «Остров Сирен», 5, 492; И я был в страшной и сладкой близости твоей, и безгранична моя любовь к тебе, и крепка вера в родимое, отчее лоно твое! «Воды многие», 4, 470).

4. Вода – **Путь** (<...> что такое Тао, выдуманное вами же, китайцами? Бездна-Праматерь <...> – тот Путь всего сущего, которому не должно противиться ничто сущее «Сны Чанга», 4, 113; «Ты взошел на корабль, совершил плавание, достиг гавани: пора сходить» «Мистраль», 5, 518; «Путь твой в море, и стезя твоя в водах великих <...> «Воды многие», 4, 470).

Во-вторых, в авторских текстах раскрываются традиционные для мифопоэтики воды представления о ней как амбивалентной сущности, мыслимой в терминах жизнь vs смерть:

5. Вода – **Жизнь** (<...> от смертных чар были ключи вечно **живой воды**, знал он молитвы и заклания, чудодейные опять-таки по вере его <...> «Косцы», 4, 224).

6. Вода – **Смерть** (Но разве власть Азазела не простирается на тропически знойный дол Иордана, – эту глубочайшую в мире измененность, с ее смертоносными лихорадками и воистину **мертвыми водами**, одно дыхание которых убивает все живое («Пустыня дьявола», 3, 561).

В функции компонента, реализующего гештальт *Вода-Жизнь*, у И. Бунина могут выступать и другие вербализаторы метафорического сочетания *живая вода*, как например, *животворные ключи*:

Ибо всему свой срок, – миновала и для нас сказка: отказались от нас наши древние заступники, <...> иссохла Мать-Сыра-Земля, иссякли животворные ключи – и настал конец, предел божьему прощению («Косцы», 4, 225).

Лексема *вода* в текстах И. Бунина встречается и в контексте атрибутивных конструкций с несогласованными определениями, выраженными существительными *жизнь, сердце, источник*, например, *вода вечной жизни, живая вода сердца, вода источника*. Определяя *воду*, они, таким образом, имплицитно подразумевают следующий гештальт:

7. Вода – средство обретения Вечности (*Все же ему не удалось испытать воды вечной жизни, о которой ему говорили; она в стране Мрака «Смерть пророка», 3, 171; <...> я пью вина райские, запечатанные печатью из мускуса, смешанные с водой источника, утоляющего жажду тех, кто приближается к Вечному. Я обоняю аромат сада небесного <..> «Смерть пророка», 3, 174).*

Дистрибуция имени *вода*, имплицитно представляя представление о вечности, в авторской прозе также раскрывает необычную для обыденного языка сочетаемость. Так, лексема *вода* в контексте метафорического образования *в живую воду сердца* управляет именем существительным *сердце*, семантически соотносящимся с областью, которая в русской языковой картине мира соотносится с эмоциональным и отвечает за «работу» духа. В уникальности сочетаемости имени *вода* и ее субститута *влага* отображается индивидуально-авторское словоупотребление, имплицитно содержащее в концептуальное содержание имени *вода* гештальт, соотносящий данный языковой знак с понятием памяти:

9. Вода – источник духа, источник памяти (*В живую воду сердца, в чистую влагу любви, погружаю я корни и стебли моего прошлого <...> И бедное человеческое сердце радуется, утешается: нет в мире смерти, нет гибели тому, что было, чем жил когда-то! Нет разлук и потерь, доколе жива моя душа, моя Любовь, Память!* «Роза Иерихона», 4, 166–167).

Названный гештальт, по сути, становится авторским проявлением традиционного для мифопоэтики *воды* представления, связываемого с вечностью. Но вечность, соотносясь с бесконечно давним и неизмеримым во времени, также с загробным миром и небытием, традиционно ассоциируется с забвением (забыванием). У И. Бунина же связь *воды* и вечности символически соотносится с душой, с памятью как противопоставлением небытия бессмертию.

Контексты употребления *воды* говорят о том, что в языковой картине мира И. Бунина данное имя, выполняя семантическую роль АГЕНСА и АГЕНТИВНОГО ИНСТРУМЕНТА, не только выступает в качестве метафоризованной персонифицированной сущности. *Вода* в текстах писателя также может выступать и как природное явление. В этом своем качестве *вода* в контексте сочетаний с процессуальными глаголами с семой «перемещаться» *капать, струиться, течь, натечь, идти* и др., определяющими характерные для нее действия, выступая в форме и.п., тем не менее, концептуализируется как НЕАГЕНТИВНЫЙ СУБЪЕКТ. Так, в рассказе «Кастрюк» о жидкости, которую пьет животное, говорится, что *вода волнисто шла по ее горлу* («Кастрюк», 2, 26). И далее: *теплая вода капала с губ кобылы* («Кастрюк», 2, 26).

Вещественное (предметное) прочтение лексемы *вода* формируют контексты, в которых субстанция, стоящая за этим именем, мыслится как объект производственных отношений и выполняет роль ОБЪЕКТИВА (OBJECTIVE). Так, воду *получают* («Господин из Сан-Франциско», 4, 67), ее *возят* («Худая трава» 3, 389) и *продают* («Надежда», 2, 235).

Вещественная концептуализация *воды* в прозе И. Бунина соотнесена с представлением о ее типах (KINDS), которые зависят от качественных признаков обсуждаемого денотата. Так, типология вод в текстах писателя различается по сорто-видовым характеристикам, месту происхождения, химическому составу, целевому назначению и некоторым другим признакам. Их реализация в контексте сопряжена с именными (определятельными) конструкциями: *содовая вода, живая вода, лесная вода* и др. Адъективный компонент названных сочетаний, определяя дистрибутивные свойства имени *вода*, формирует соответствующие типологические представления о ней, связанные с когнитивным признаком KINDS.

Кроме названного, вещественная интерпретация *воды* в авторских текстах коррелирует с представлением о ее количестве (QUANTUM) и способностью к измерению. При этом, выступая в этой роли, *вода* у Бунина характеризуется в качестве как ничтожно малого (*капли воды*), так и определенно большого количества (*воды цистерн*).

Вместе с тем количественные свойства *воды*, ее способность к измерению, будучи вербализованными, в контексте могут создавать образность, вызывающую у реципиента текста ассоциацию с опасностью, что позволяет говорить об оценочной окраске таких ассоциаций:

И, когда он уходил особенно глубоко, в стену особенно тяжело ударяла **грозда воды**, все старавшаяся одним махом сокрушить и захлестнуть «Партас» («Конец», 4, 218).

Можно сказать, что оценочная окрашенность конструкций с именем *вода*, отображающих количественные отношения «параметр-объект» (Борщев, Парти, 2011), в языковой картине мира И. Бунина становится актуализатором мифопоэтической интерпретации данного имени.

4.2. Вода как пространство

Как уже говорилось в предыдущей главе, на основе закономерного семантического переноса (метонимии) от вещественного значения – к занимаемому пространству – образуется пространственное значение *воды*. В языковом представлении смешиваются разные типы пространств: реальное и умозрительное, физическое, геометрическое, географическое, космическое, абсолютное и относительное, пустое и обжитое, социальное, мифологическое, художественное и др. За языковыми репрезентациями пространства стоят те наивные, обиходно-бытовые, научные, абстрактные, мифопоэтические и другие представления о нем, формирующие его концептуальную структуру. Специфику многослойности пространственной картины мира определяет Ю. С. Лотман, говоря, что «она включает в себя и мифологический универсум, и научное моделирование, и бытовой «здоровый смысл»» (Лотман, 2001, 334). В лингвистике теоретическим проблемам изучения категории «пространства» и его языковой концептуализации посвящено много работ, направленных на описание семантики пространственной лексики (предлоги, наречия, прилагательные, существительные, глаголы) и определенных грамматических показателей (приставки, предложно-падежные конструкции, локативные синтаксические модели), отображающих те или иные пространственные отношения (см.: М. В. Всеволодова, Е. Ю. Владимирский, 2009; также исследования по ТФГ В. Г. Гака, 1996; Е. В. Рахилиной, 1996). В них детально описаны языковые средства выражения пространственных отношений и разработана модель функционального описания семантической категории локативности. Считая, что вербальное описание пространства воплощает его стандартно-бытовое понимание, в котором топологические свойства превалируют над метрическими, И. М. Кобозева создает модель описания грамматики пространства. Ее

стратегия вербального описания пространства, базирующаяся на интегральной модели типа «Действительность-Мысль-Текст», наглядно «отражает те процессы, которые происходят в сознании человека при восприятии визуальной информации и ее вербальном кодировании» (Кобозева, 2000, 152–162). Концептуализация пространства в языке вместе с тем связывается с различными семантическими сдвигами – метафорическими и метонимическими переносами, – объектом которых выступает концепт «пространство» (Падучева, 2000, 239–254; Ермакова, 2000, 289–298; Булыгина, Шмелев, 2000, 277–288).

Сегодняшнее понимание *пространства*, согласно словарному дефинированию, представляется как *протяженность, место, участок, промежуток (времени)* (СРЯ, 1984, 528). В лингвистических толкованиях оно само часто используется в качестве термина, под который подводятся многие реалии окружающей действительности. Являясь металексемой, *пространство*, таким образом, выступает в функции имени категориального признака. Описывая «пространство», Е. С. Яковлева приводит высказывание Дж. Лича, который в сложной структуре данной категории вычленяет следующие базовые единицы (когнитивные признаки): *место, протяженность, близость, вертикаль/горизонталь, север/юг, запад/восток, ориентация, движение, виды пережвижения, поза* (Яковлева, 1994, 19). В идеографическом словаре русского языка О. С. Баранова онтология сферы «пространство» складывается из тематических отделов *пространство, последовательность, свойства фигур, фигуры, движение в пространстве* (Баранов, 2002-2014). Названное определяет составные аспекты содержания концептуальной сущности «пространства». Ее определение как концептуального феномена хорошо иллюстрирует дефиниция Е. С. Кубряковой. Она полагает, что концептуальной структурой, соответствующей образу пространства, которое мы видим и ощущаем и которое мы обозначаем словом *пространство*, обладает величина, включающая следующие концепты: *целостность, наличие чувственной основы, протяженность (про-стран-ство)* (Кубрякова, 2004, 466). Здесь мы употребили термин «концепт» вслед за Е. С. Кубряковой, однако, чтобы избежать неоднозначности в трактовке этого термина, мы в дальнейшем будем говорить о когнитивных признаках как составных частях концептуальной структуры имени.

Подводя итог, отметим, что пространство, будучи важнейшим фрагментом картины мира человека, вместе с тем является и одной из базовых, универсальных категорий, определяющих существование субстанции. Вокруг этой категории группируются признаки, его выражающие: *место, протяженность, форма,*

расстояние, размер, перемещение, местоположение и местонахождение. Они, по замечанию Л. Г. Пановой, отображают полный набор идеографических и тезаурусных описаний категории «пространство», дающихся в работах Р. М. Roget (1984), J. Casares (1984), О. С. Баранов, В. В. Морковкин (1995), G. N. Leech (1969), A. Wierzbicka (1972) (Панова, 2003, 203),

Переходя к когнитивной структуре «воды-пространства» в текстах И. Бунина, скажем еще раз, что она строится на том, что этот категориальный признак входит в значение целого ряда слов, и в пространственном значении лексемы *вода* выделяется ряд подзначений: 'пространство-континуум', 'территория', 'поверхность', 'курорт', 'водоем'. Вопрос о том, какое глубинное концептуальное содержание стоит за пространственными представлениями о *воде* в текстах И. Бунина, должен решаться исходя из следующих положений.

Во-первых, в непростой, как было показано выше, концептуальной структуре, именуемой в языке термином «пространство», сложность которой отмечается многими исследователями, вычленим ее базовые компоненты. Они позволяют, по убеждению Е. С. Кубряковой, восстановить истоки понятия в чисто человеческом истолковании, а не в философской или физико-геометрической, математической (что тоже важно) интерпретациях. По ее мнению, «пространство» как базовая универсальная категория человеческого сознания исторически (архаически) мыслится как чувственно воспринимаемая, простирающаяся в разные стороны «целостность». Поэтому концепт (в терминологии Степанова: понятие) «целостность», по справедливому замечанию Е. С. Кубряковой, является той первичной величиной, соответствующей образу пространства в сознании архаичного человека и обозначаемой словом *пространство* в русском языке (Кубрякова, 1997, 26–27). Вместе с тем исследователи отмечают, что представление о целостности пространства отнюдь не мешает разбиению этой целостности на составляющие ее компоненты – части целого. Как пишет Е. С. Кубрякова, по известному принципу противопоставления ФОНА и ФИГУРЫ обе эти сущности оказываются членами одной структуры, то есть одно немислимо без другого. По мнению Е. С. Кубряковой, в качестве частей, «встроенных» в пространство и его характеризующих, выступают понятия «объекта» и «места». При этом иерархически концепт «объекта», мыслимый как ограниченная часть пространства, оказывается, по утверждению ученого, рядоположенным концепту «пространство», а концепт «места» находится в подчинении у обоих (Кубрякова, 1997, 27).

Во-вторых, в результате научного постижения мира, связанного с развитием физики, геометрии, математики, также философской мысли, идея простран-

ства «обрастает» новым знанием, новой концептуальной структурой, принципиально отвлеченной от фактора чувственного (первичного) восприятия пространства человеком. Фундирующими для нового знания о пространстве становятся представления о его *неограниченной протяженности* во всех измерениях и направлениях. Расхожие научные представления о пространстве как о трех измерениях, равно как и заимствованные из философии определения данной сущности, соотносящие ее с «формой существования материи, характеризующуюся протяженностью и объемом», образуют тот семантический потенциал *пространства*, который подводится, как пишет Е. С. Кубрякова, под «старую» языковую форму (Кубрякова, 1997, 29). Как показывают лексикографические описания, новое знание о пространстве апеллирует, в первую очередь, к представлениям о его неограниченности видимыми пределами, так и к представлениям о его распространении, простираении по трем измерениям его – вдаль, вширь, вглубь (СРЯ, 1984, 528; Даль, 2009). Опираясь на современное дефинирование слова *пространства* в русском языке, отражающем новое знание о понятии, будем считать, что помимо признаков объекта и места как составляющих пространства, в его концептуальную структуру также входит признаковое понятие «протяженность». Являясь атрибутом бытия, названное понятие определяет пространство по трем его измерениям – длине, ширине и глубине или высоте.

С точки зрения современной философии основными свойствами пространства, как отмечают исследователи, являются его метрические и топологические характеристики, поскольку реальное пространство обладает вполне определенной метрической и топологической структурой. Считается, что метрика и топология, определяя количественные и качественные свойства пространства, относятся к основным (фундаментальным) его характеристикам, то есть к тому, что проявляется на всех известных структурных уровнях материи. В научной картине мира метрические свойства связаны с исчислением, размерами и проявляются в протяженности. Топологические свойства описывают мерность пространства, связанную с его линейным, двумерным или трехмерным протяжением (Головко, 2006; Титова, 2012). Более того, трехмерность В. Н. Топоровым признается фундаментальной основой связи пространства и тела. Она «разыгрывается» телом в трех основных координатах: верха и низа, правой и левой стороны, передней и задней части (Топоров, 1983, 227–284). Имея в наличии вполне определенную метрическую и топологическую структуру, реальное пространство и его части, как правило, обладают и вполне кон-

кретными специфическими или локальными свойствами. К таковым ученые относят конкретные пространственные формы и размеры тел, их положение в пространстве и по отношению друг другу, расстояние между ними, границы и т.д. (Титова, 2012).

Современная структура знаний о пространстве, отражая наивные и научные представления о нем, интегрированные языковым знаком *пространство*, в сознании человека, таким образом, складывается из нескольких – исходных и современных – составляющих. Совершенно очевидно, что *пространство* в целом и *водное пространство* в частности как величина, которой соответствует некий чувственно-предметный образ, включает в себя, с одной стороны, признаки (роли) **протяженности, объекта и места** – в топоровском смысле пространство, в том числе и водное, конституируется объектами, соположенными в нем. Они, отражая диалектическое единство целого и части, не мыслятся одно без другого. С другой – представления о трехмерности пространства, его объеме, размерах, масштабах и границах соотносятся с тем, что оно может быть описано в метрическом и топологическом смыслах. Обладая универсальными количественными и качественными свойствами, а также специфическими локальными характеристиками, «пространство» как абстракцию и «водное пространство» в том числе, как нам представляется, определяют еще несколько когнитивных признаков. Они, отображая метрику и топологию бытия материи, описывают ее в терминах формы, расстояния, топологических типов, размерности, величины размера, количества и т.д.

Как уже говорилось, мы выявляем в данной главе в ходе анализа не слои концепта, о которых было сказано выше, а глубинный уровень структуры концепта, выражаемый в терминах высшей степени обобщения, соотносимый с понятиями глубинно-семантической структуры (в терминах семантических актантов в МСШ). Этот глубинный уровень представлен, когда речь идет о *воде-пространстве*, когнитивными признаками, характеризующими в сознании носителей языка его образ, и той глубинно-семантической (актантой) ролью, которую, по мнению субъектов картины мира, играет вода в структурах разнообразных ситуаций действительности.

Интерпретируя осмысление *воды* в текстах И. Бунина с точки зрения ее пространственной семантики, в концептуальную структуру данного имени мы включаем следующие его составляющие. Это, во-первых, базовые, определяющие любое пространство, универсальные признаки – ПРОТЯЖЕННОСТЬ (EXTENTION), ОБЪЕКТ (OBJ) и МЕСТО (PLACE). Во-вторых, к названным

примыкают некоторые специфические локальные признаки, отображающие метрические и топологические свойства воды, то есть ее форму бытия и проявления, ее количество и размер, также ее размерность. Это актанты локатива LOC₁ и LOC₂, определяющие топологию воды в терминах ЕМКОСТИ-КОНТЕЙНЕРА (ВМЕСТИЛИЩА) и ПЛОСКОСТИ, а также метрические и специфически локусные актанты РАЗМЕРНОСТИ (DIMENSION), величины РАЗМЕРА (SIZE) и ФОРМЫ (FORM). Они, наряду с признаками протяженности как целого и его частей, объекта и места, включаются нами в глубинный слой концептуальной структуры, стоящей за пространственным значением *воды*. Каждый из названных концептуальных признаков, таким образом, становится основой формирования тех или иных пространственных значений имени *вода*, реализующихся в авторских текстах. Экспликацию глубинно-семантической структуры и тех или иных концептуальных признаков, стоящих за пространственными обозначениями *воды* у И. Бунина, мы постарались отобразить в **схеме 3**.

Опираясь на вышеизложенное и контекст употреблений пространственного значения лексемы *вода* в прозе И. Бунина, проиллюстрируем логику выделения концептуальных признаков и семантических ролей, составляющих глубинный слой концепта *вода*. Встречающиеся в прозе И. Бунина обороты с лексемой *вода*: *сажусь у края воды* («Ночь», 4, 444), *сияющие в тишине воды* («Жизнь Арсеньева», 5, 81), *у самой воды* («Господин из Сан-Франциско», 4, 60), также конструкции с производными от данной лексической единицы образованиями *водоем*: *водоем пророка Иезекии* («Иудея», 3, 542), *Водоем Луны* («Иудея», 3, 539), *водоемы для омовений* («Город Царя Царей», 4, 294) и др. характеризуются тем, что реализуют представления о *воде* как о «топологически замкнутой части пространства, концентрирующей конкретный вид материи в виде особого тела» (Кубрякова, 2004, 467). Они, таким образом, приписывают воде роль ОБЪЕКТА. Нельзя не отметить, что в англоязычных словарных и тезаурусных описаниях звукового комплекса *water*, соответствующего русской лексеме *вода*, одно из выделяемых у него значений толкуется через понятие *body of water* (*American Heritage Dictionary of the English Language*, 2011; *Collins English Dictionary*, 2003; *Farlex clipart collection*, 2003), то есть дословно – «тело воды». При этом истолкование данного значения часто дается в расширенном формате с определением *such as a sea, lake, river or stream* – «такое, как море, озеро, река или ручей/поток». В языковой картине мира И. Бунина ярким примером корреляции пространственной семантики *воды* с ролью объекта, мыслимого как тело воды, становится большое количество употреблений суб-

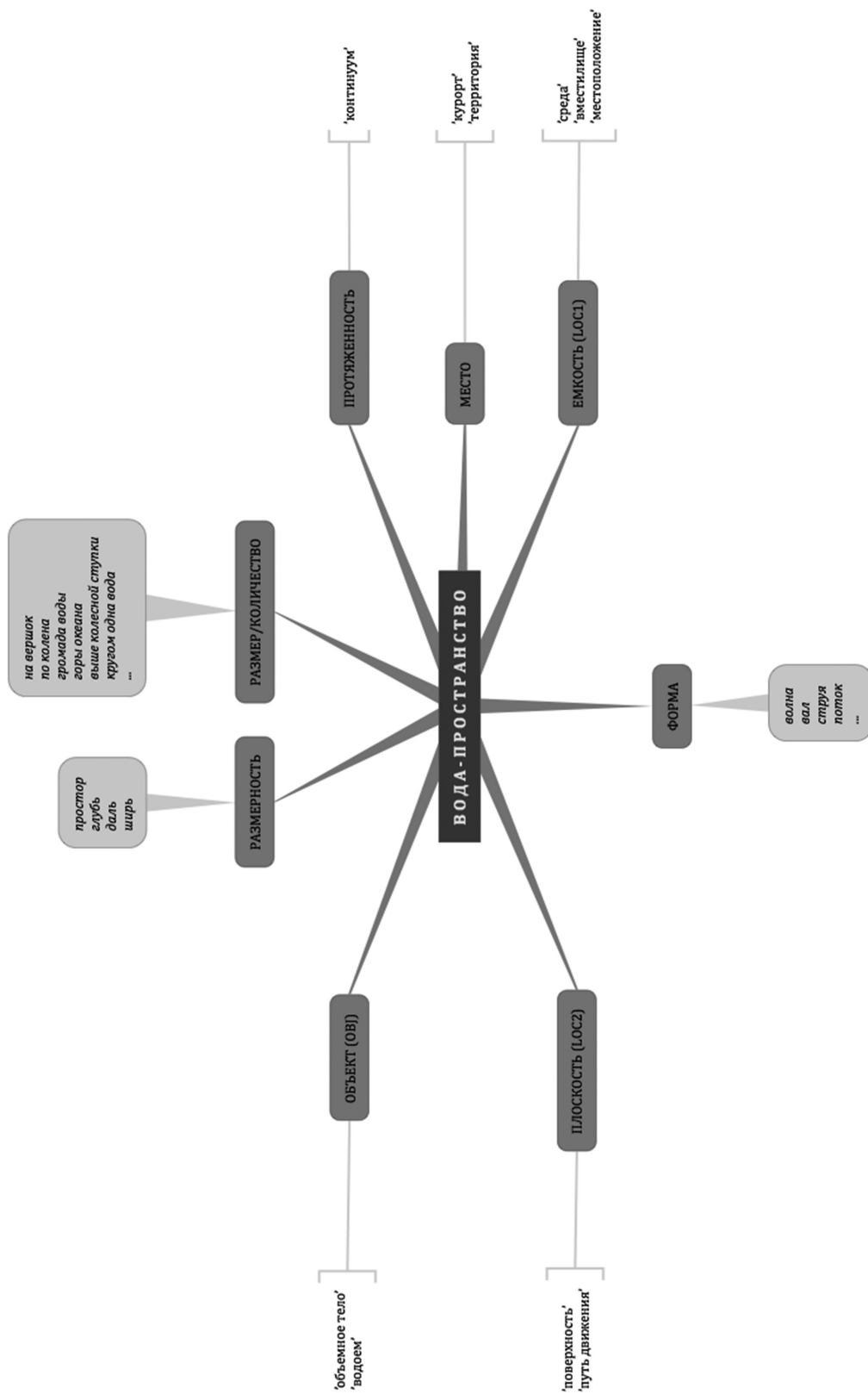

Схема 3. Глубинно-ролевая экспликация пространственной семантики имени *вода* в прозе И. Бунина

ституты лексемы *вода*, реализующих собственное ей значение 'водоем'. Так, в текстах писателя в функции субституты, реализующих семантику водоема и его частей, используются имена их называющие: *океан, море, река, пруд, озеро, болото, гавань, залив, бухта, затон, заводь, канал* и др. В этом ряду наиболее часто встречаемой у И. Бунина лексемой является *море* – 336 вхождений. Она по употребляемости в его текстах уступает только лексеме *вода*, количество использований которых в прозе автора составляет около 500 случаев. Можно добавить, что приведенные подсчеты говорят о важности концепта «море», который является составной частью «водного мира» И. Бунина.

Понятие «пространства» включает в себя, как было отмечено выше, не только представление о нем, как об объекте, но и как о месте. Подобно объекту, как пишет Е. С. Кубрякова, место определяется через представление о части пространства: место – это часть пространства, занимаемая объектом и ограничиваемая им (Кубрякова, 1997, 27). Локативный актант МЕСТА в прозе писателя становится основой порождения значений «территории» и «курорта» лексемы *вода* (*уехали с ней на Минеральные Воды*) («Три рубля», 5, 527), в *Кисловодске* («Надписи», 4, 325). Вместе с тем актант МЕСТА может синкретично соединяться с актантом ОБЪЕКТА (зрительно воспринимаемого): *И видел оттуда целые страны – кряжи, долины, воды, леса <...>* («Храм Солнца», 3, 577); *Ждал увидеть вечное пристанище того, кто так горячо любил все это, – <...> ясные зори и тихие воды своей родины* («По Днепру», 2, 390).

Являясь атрибутом бытия, пространство мыслится как многомерная протяженность. Так, лексема *вода* в языковой картине мира И. Бунина входит в контексты, языковая репрезентация которых реализует знание о ней как о ПРОТЯЖЕННОСТИ, неизмеримом просторе. Именно этот глубинный актант служит основой для порождения в прозе И. Бунина значения *воды*, которое мы обозначили как 'пространство-континуум': *<...> глядел с палубы в пустынный простор этих «вод многих», со всех сторон безответно объемлющих нас <...>* («Воды многие», 4, 461). Но *вода* как континуум, как чувственно осязаемая протяженность в текстах писателя мыслится не только в качестве некой общности, неопределенной целостности, объемлющей со всех сторон. *Вода* в этой функции у И. Бунина сопрягается с признаком РАЗМЕРНОСТЬ (DIMENSION), то есть ей приписывается протяжение в длину, ширину и глубину. Так в авторских текстах появляются *водные глубины, дали и шири*. В их реализации в языковой картине мира писателя задействуется не только лексема *вода*, но и ее субституты *море, река, океан: глубины вод, даль воды, даль океана, даль моря, ширь моря,*

ширь реки и т.д. («Море богов», 3, 523; «Поздней ночью», 2, 172; «По Днепру», 2, 388; «Солнечный удар», 4, 384, 385; «Братья», 4, 22; «Конец», 4, 214). Выступая в качестве единиц измерения пространства и управляя формой р.п. лексемы *вода* и ее субститутов, лексемы *даль, ширь, глубина*, производные от имен линейных размеров, таким образом, формируют представление о протяженности пространства воды как по вертикали, так и по горизонтали. Очевидно, что это представление, заложенное в исходной концептуальной структуре пространства и по аналогии переносимое на его водный образ, соответствует тому чувственно-конкретному целостному восприятию пространства, соотносимому в сознании человека с его, как пишет Е. С. Кубрякова, «растяжимостью».

Связь пространственной семантики *воды* с когнитивным признаком ПРОТЯЖЕННОСТЬ вместе с тем наблюдается и в отношении свойств, определяющих метрические и специфически локальные характеристики пространства как абстракции, отраженной в сознании человека. Признак ПРОТЯЖЕННОСТЬ как основа реализации значения 'континуум' лексемы *вода* у И. Бунина, таким образом, выступает в качестве порождающего механизма, источника иных семантических «разверток» лексемы *вода*, связанных не только с ее мерностью вдаль, вширь, вглубь, но также с исчислением и масштабом (размером). В этой связи развитие получают количественные отношения, с которыми в текстах автора связываются следующие употребления имени *вода*. Так, пример количественного прочтения *воды* как континуума, соотносимого с когнитивным признаком ПРОТЯЖЕННОСТЬ, у И. Бунина обнаруживаем в рассказе «Братья»:

<...> и идти куда-то в тьму ночи и воды, простирающейся на тысячи миль вокруг («Братья», 4, 24); *<...> плоские побережья расходились и все больше, больше воды становилось вокруг* («Сны Чанга», 4, 109);

Пространственная семантика *воды*, опирающаяся на когнитивный признак ПРОТЯЖЕННОСТЬ как атрибут пространства, в прозе И. Бунина непосредственно соотносится с представлением о форме как организующем начале бытия любого объекта. Когнитологи отмечают, что объект мыслится в качестве особого, топологически замкнутого тела материи, обладающего определенными физическими характеристиками. Как пишет Е. С. Кубрякова, представление об объекте как особом теле складывается в том числе и из представлений об его контурах, размере или объеме, цвете, форме и т.п. (Кубрякова, 2004, 467). В этой связи в текстах писателя особое развитие получает когнитивный признак ФОРМЫ (FORM), определяющий внешние очертания, наружный вид тела воды. Он в прозе писателя становится источником порождения семантических сдвигов,

когда лексема *вода* и ее производные образования, метафоризируясь в контексте, выступают в функции создания образа, передаваемого лексемой-аналогом *волна*. Появляются конструкции, рисующие этот образ: *громада воды, водяные бугры, водяные горы, водяные горбы* («Конец», 4, 218; «Сны Чанга», 4, 110, 116).

Нельзя не отметить, что развертки значений лексемы *вода* в языковой картине мира И. Бунина определяются не только глубинными актантами ОБЪЕКТА, МЕСТА, признаками целостной ПРОТЯЖЕННОСТИ, характеризующей РАЗМЕРНОСТЬЮ, и не только признаками РАЗМЕРА или ФОРМЫ. Совершенно очевидно, что *вода*, в прозе И. Бунина категоризируемая как пространство, описывается не только конструкциями, эксплицирующими его метрические свойства. С точки зрения топологии, *вода* в текстах писателя обнаруживает связь с локализуемыми понятиями ВМЕСТИЛИЩЕ (LOC₁) и ПЛОСКОСТЬ (LOC₂), составляющими также глубинный слой концептуальной структуры имени *вода*. Интегрированные лексемой *вода* смыслы, представленные топологическими типами «вместилища» (емкости-контейнера) и «плоскости», становятся генераторами таких значений *воды*, как 'поверхность' и 'водоем'. При этом 'водоем' в текстах писателя интерпретируется и как 'среда', и как 'объемное тело'. Вместе с тем функцию топологического прочтения лексем *вода*, ее субститутов и дериватов, соотносимых с топологическими типами «вместилища» и «плоскости», в прозе писателя принимают на себя обороты типа *гладь воды, водная гладь, водная равнина, водные зеркала, зеркальные воды* и др. («Братья», 4, 7, 22; «Дельта», 3, 527; «Геннисарет», 3, 584, 585; «Митина любовь», 4, 352; «По Днепру», 2, 390). К ним также примыкают перифразы и субституты *воды*, становящиеся в контексте средством ее пространственной концептуализации в значении 'поверхность': *зыбь, зеркала, зеркало глади/Днепра, плащаница, рябь, рябь залива* и др. («Бернар», 5, 553; «Воды многие», 4, 467; «Сын», 4, 72; «Братья», 4, 7; «Казацким ходом», 2, 420; «Ночь», 4, 435; «Солнечный удар», 4, 388; «Жизнь Арсеньева», 5, 80; «Господин из Сан-Франциско», 4, 58).

4.3. Выводы

Итак, в главе «Концептуальная модель «воды» в идиолекте И. Бунина» мы показали глубинный слой концепта, который можно представить как аналог предикатно-актантной глубинной семантической структуры высказывания, точнее, набор актантов, позицию которых может занимать имя *вода* в

структуре предложения. Каждый актант может характеризоваться и набором когнитивных (концептуальных) признаков: например, объект → размер, форма, объект → вместительность, плоскость и т.д. Этот глубинный уровень можно сопоставить с доязыковым уровнем существования концепта, отражающим и доязыковой опыт человека. На этом уровне носитель языка осознает ту роль, которую способен выполнять денотат имени в реальной действительности. Роли описывались нами на основе репертуара семантических актантов, восходящего к трудам Ч. Филлмора и МСШ. Мы использовали следующие роли (в некоторых теориях они именуется концептами):

АГЕНСА, агентивного ИНСТРУМЕНТА ($INSTR_1$), СРЕДСТВА ($INSTR_2$), ОБЪЕКТИВА (OBJECTIVE), неагентивного СУБЪЕКТА (АГЕНСА-ПАЦИЕНСА), КВАНТА (QUANTUM), ТИПА (KINDS), ОБЪЕКТА, МЕСТА. Мы привлекали актанты/когнитивные признаки, которые, согласно положениям когнитивной лингвистики, могут характеризовать пространство: ЕМКОСТЬ-КОНТЕЙНЕР (LOC_1) и ПЛОСКОСТЬ (LOC_2). Мы обращались к признакам, характеризующим пространство – ПРОТЯЖЕННОСТИ, ФОРМЫ, РАЗМЕРА и РАЗМЕРНОСТИ.

Можно сказать, что в совокупности эти в высшей степени абстрактно выраженные признаки находят в тексте свое лексическое выражение и их исполнение (заполнение актантных позиций) формирует целостное представление о воде, ее функциях, формах ее существования и ее возможностях в реальном мире, отраженном в прозе И. Бунина. Более того, актантное представление роли денотата *воды* в мире влияет на категориальное и частные лексические значения имени. Так, синкретичная роль **АГЕНСА-ПАЦИЕНСА** характеризует категорию **воды-жидкости (субстанции)**, которая, в свою очередь, выделяет подзначения 'воды – природного вещества', заполняющего водоемы, атмосферных осадков, носителя определенных вкусовых и цветовых признаков. Актантная роль **ОБЪЕКТА** формирует в рамках воды-жидкости (субстанции) подзначение 'изготавливаемого и потребляемого напитка', роль **ИНСТРУМЕНТА** обуславливает использование *воды* в подзначении 'средство удовлетворения бытовых и физиологических потребностей' или в подзначении 'элемент культурных практик'. Так создается субконцепт «воды-жидкости», понятийная часть которого обрастает коннотациями образного и оценочного характера (полезности, бесцветности и т.п.).

Выделяемый в теориях семантических актантов (Ч. Филлмор, Ю. Д. Апресян, У. Чейф и др.) **локативный актант МЕСТА** определяет категориальное значение **воды-пространства**, выделяющее подзначения 'курорта', которое может

быть описано с помощью апресьяновской валентности **МОТИВИРОВКА** (цель посещения курорта) или **КОНЕЧНОЙ ТОЧКИ**, если иметь в виду путь, предпринимаемый посетителем Минеральных Вод. Подзначение 'водоемы' может быть мотивировано синкретичной семантической ролью **ОБЪЕКТА-МЕСТА**, поскольку в данном случае имеет место быть сочетание семантики *воды* как объекта любования, так и объемного тела, среды, обладающих определенными локативными свойствами. Подзначение 'поверхность' трудно детерминировать семантическими актантами – здесь уместнее приводимая выше мысль Дж. Лаккоффа о концептуализации воды как плоскости, поверхности. Однако, как нам представляется, если использовать апресьяновскую валентность **МАРШРУТА**, то можно в этой роли представить и путь, совершаемый неким средством для достижения конечной цели по поверхности воды, а валентность **КОЛИЧЕСТВА** позволяет мыслить пространство вглубь и рождает соответствующие конструкции измерения воды (напр., *воды по колено*). Вместе с тем валентность **КОЛИЧЕСТВА**, на наш взгляд, определяет и подзначение 'неограниченного континуума'. В данном случае дистрибуция лексемы *вода* с эмфатическими атрибутами (напр., *воды многие, воды великие, великое обилие вод*) позволяет соотнести подзначение 'континуума' с данной семантической ролью. Здесь мы можем говорить о субконцепте «воды-пространства», понятийная часть которого обрастает соответствующими коннотациями – безграничности, опасности, мифологического образа пути и т.п.

Наконец, семантическая роль **АГЕНСА (АГЕНТА)**, выделяемая во всех теориях глубинной структуры, обуславливает категориальное значение **ВОДЫ-СТИХИИ** и мотивирует создание субконцепта «вода-стихия».

Нам представляется, что и выделенные иным способом гештальты *воды* как один из видов представления глубинного знания о ней, могут быть соотнесены с семантическими актантами. Так, вода, трактуемая как СИЛА, соотносится с **АГЕНСОМ**, равно как и ВОДА-ХАОС. ВОДА-ЖИЗНЬ и ВОДА-СМЕРТЬ могут быть соотнесены с актантом **ИНСТРУМЕНТА, СРЕДСТВА**. ВОДА-PRIMA MATERIA И ЖИВОТВОРЯЩЕЕ ЛОНО соотносятся нами с актантом **ИСТОЧНИК** (начальная точка). Равным образом с этим актантом может быть соотнесена и ВОДА-ИСТОЧНИК ПАМЯТИ. ВОДА-ПУТЬ представляется нам соотносимой с актантом **МАРШРУТА**.

Мы не задавались целью мотивировать каждое подзначение семантической валентностью, которую выполняет лексема *вода* в структуре предложения. Наша задача виделась в другом: если в предыдущей главе мы выделяли подзна-

чения в рамках категориальных значений, то здесь мы шли «обратным» путем – к глубинному довербальному представлению (концепту=понятию/актанту), обуславливающему появление отдельных категориальных значений лексемы *вода*. Мы не назвали все семантические роли (актанты/валентности – терминология разных авторов) – возможно, это следовало бы сделать для большей демонстративности метода. На наш взгляд, важно было продемонстрировать возможный путь «по вертикали» при исследовании концепта – от его логической части к прагматической нагруженности («вверх») и к его довербальному представлению, то есть «вниз». Этот механизм анализа концептуального содержания рассматриваемого знака отображен в **схеме 4**.

Таким образом, концепт в представляемой работе обладает еще более многомерной структурой, нежели та, что приписывается ему в русской лингвистике. Кроме собственно «очеловеченного» знания, то есть сформированного национальным и индивидуальным опытом носителя языка и культуры, зафиксированного в сублогической части концепта, он имеет и более глубокий слой, в терминах семантико-синтаксических теорий интерпретируемый как знание о функции денотата имени в мире и, соответственно, семантической роли имени в структуре высказывания. В глубинном слое роли пересекаются, соотносясь с одними и теми же категориальными значениями по-разному: так категориальное значение *воды-жидкости* соотносится и с ролью агенса/пациенса (неактивного субъекта) и с ролью инструмента, и с ролью объекта. Эти роли влияют на подзначения лексемы. Говоря словами Д. С. Лихачева, мы имеем алгебраическое выражение значения, то есть очень сложное образование. Тем не менее для *воды-пространства* не будет характерна роль инструмента, например, а для *воды-стихии* – роль неактивного субъекта или объекта, что говорит о некоей закреплённости глубинных ролей за категориальными значениями лексемы.

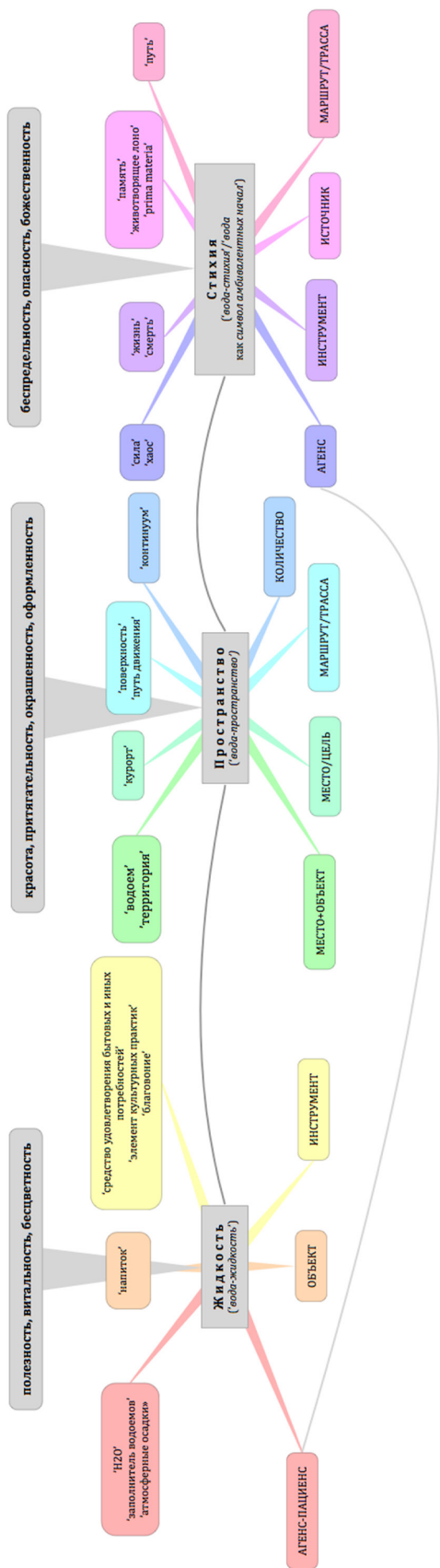

Схема 4. Визуализация концептуальной модели «воды» в прозе И. Бунина. Когнитивно-тезаурусная карта

ГЛАВА V. СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ВОДА» КАК СРЕДСТВО ОБЪЕКТИВАЦИИ «ВОДНОГО МИРА» В ТВОРЧЕСТВЕ И. БУНИНА

Вводя в объект анализа семантическое поле с архилексемой *вода*, мы стремимся представить все возможные связи данной лексемы – парадигматические, синтагматические, деривативные, – которые присущи ей в текстах И. Бунина, и тем самым отразить денотативное пространство воды – фрагмент реальности, в котором она существует. Демонстрация этих связей позволит нам представить «водный мир» в творчестве художника, для которого понятие «вода» является столь значимым. Если принять точку зрения Воронежской школы, то СП предполагает объективацию определенного концепта, то есть выявление всех связей имени концепта, что позволяет в большей степени установить смыслы, привносимые в концептуальное содержание имени контекстом и одновременно реализуемые в нем. Таким образом, мы исходим из установки, что наиболее полным средством репрезентации контекста является семантическое поле.

5.1. Полевая модель современных лингвокогнитивных исследований русской языковой картины мира

Представление о том, что каждый конкретный язык и его словарь, будучи системно-структурным образованием, имеет полевую структуру, – на данный момент является одним из основополагающих в современной лингвистике, на что, в частности, указывает М. В. Всеволодова (Всеволодова, 2005а, 30). Тем самым полевая модель системного описания языка, в которой уровни его системы находятся в отношениях их структурного взаимодействия, в современной лингвистике приходит на смену поуровневой модели (фонетика, фонология, морфология, синтаксис и т.д.) изучения языковых явлений. Полевая концепция организации языка, его словаря и грамматики, подтверждается многочисленными исследованиями как в области семантических групп лексики, грамматических категорий, так и на данном этапе лингвокогнитивными исследованиями в области концептологии.

В современной лингвистике в зависимости от того, что становится объектом научного интереса, выделяются различные по своей природе поля. Так,

наиболее распространенными являются: лексические, семантические, функционально-семантические, синтаксические, ассоциативные поля и другие лексико-семантические объединения. При этом обычно отмечается, что отличительной чертой подобных объединений и основанием их полевой организации становится наличие общего интегрального семантического (смыслового) признака или функции в значении определенной совокупности языковых единиц, которые становятся конституентами поля (см.: Складаревская, 1993, 114–115; Щур, 2008, 65, 107; Бондарко, 2002, 289–318, Апресян, 1995в, 389). Кроме того, объем и состав поля могут быть представлены по-разному. Представляя семантическое пространство языка как упорядоченное лексическое единство, отмечает Г. Н. Складаревская, разные ученые вычленяют различные группы лексических объединений от семантических и лексических полей, семантических и тематических групп, до синонимических рядов, антонимических пар и словообразовательных гнезд, которые и обеспечивают системность лексики (Складаревская, 1993, 113).

В известных нам современных лингвистических исследованиях, исповедующих принцип репрезентации концепта через СП, в качестве ядерного члена СП «Вода», выступает первое номинативное значение лексемы *вода* – «прозрачная бесцветная жидкость, образующая искусственные и естественные водоемы и содержащаяся в атмосфере, почве, живых организмах и т.д.». По мнению исследователей, работающих в указанном русле, в дефинициях *воды* содержатся концептуально значимые компоненты ее семантики. Они, с одной стороны, позволяют выявить систему признаков, характеризующих одноименный концепт, а с другой – непосредственно влияют на структуризацию СП «Вода», сложная организация которого является отображением собственно концепта «вода» (Гришина, 2002; Галдин, 2006; Мартиросян, 2012). Определяя концептуально значимые компоненты ядерной единицы поля «Вода», влияющие как на его структуризацию, так и на организацию одноименного концепта в русском языке, Н. В. Гришина, в частности, выделяет следующие составляющие единицы семантики *воды*. Это, в первую очередь, жидкость как нестабильная по форме субстанция, необходимая человеку и живому в целом, характеризующаяся определенными визуальными и кинетическими характеристиками, в природе представленная в виде водоемов и атмосферных осадков (Гришина, 2002, 175). Названные основные концептуальные признаки, согласно проведенным исследованиям, определяют организацию таких тематических групп в составе СП «Вода», как «водоемы и его части», «формы существования воды,

определяемые характером и способами ее движения», «характер и особенности движения воды», «характерные действия, связанные с водой», «свойства объектов, обусловленные наличием/отсутствием в них воды, ее количеством, воздействием», «характерные действия, производимые в воде или с помощью воды», «характерные состояния воды и действия, связанные с ними». При этом их проявление фиксируется как на уровне номинативных, так и метафорических значений СП «вода» (Скляревская, 1996, 120–129; Гришина, 2002; Галдин, 2006; Мартиросян, 2012). В рамках названных исследований вновь поднимается вопрос о соотношении СП и концепта и делается вывод, что СП «вода» и одноименный концепт, относясь к явлениям разного порядка, тем не менее, представляют собой диалектическое единство (Гришина, 2002, 175). Еще раз поясним свою позицию: концепт есть ментальная сущность, явление ментального лексикона. СП есть языковое образование, психологическая реальность которого, тем не менее, доказана в исследованиях психологов (Лурия, 1979). На уровне языка СП репрезентирует концепт, коррелируя с ним как коррелируют язык и мышление.

Полевой подход как принцип репрезентации концепта в нашей работе становится инструментом интеграции всего многообразия средств и способов выражения акватической семантики. Полевая методика дает возможность объединения в единую систему в том числе тех языковых средств, которые в языке оказываются разделенными и по форме, и по смыслу.

Отражая, с одной стороны, лексико-семантическую систему языка, а с другой – описывая ряд разноуровневых средств, реализующих тот или иной концепт, полевой подход как явление современной лингвистики сопрягается с представлением о некотором, как отмечает А. В. Бондарко, условном пространстве средств, функций и способов выражения определенной семантики, в котором выделяются центр и периферия (Бондарко, 2002, 290). Принцип центрально-периферийной конфигурации полевой структуры как способ группировки объединенных общностью семантики лингвистических элементов характеризуется, как пишут З. Д. Попова и И. А. Стернин, частичными пересечениями, общими сегментами и возможностью перехода одних элементов группировок в другие (Попова, Стернин, 2009, 14). Данное положение полевого подхода к описанию языковых явлений, связанное с нестрогой очерченностью поля, способностью пересечения одних полевых группировок с другими, позволяет одновременное распределение одних и тех же языковых единиц по нескольким тематическим группам, в нашей работе составной частью входящих в структуру СП «Вода».

Следуя за лингвистическими исследованиями русской языковой картины мира и предложенной в них полевой модели описания концепта «вода», представление о составе одноименного СП в нашей работе, тем не менее, трактуется несколько шире. Мотивируется это следующими факторами.

Главный вопрос, на котором сосредоточивались исследователи концепта «вода» с позиции его полевой организации, заключался в определении и выделении, с одной стороны, ключевой архилексемы *вода* и ее синонимов – лексемы *влага* и некоторых других, – определяющих ядро СП «Вода». С другой – в наименовании различных отдельных признаков исследуемого явления, включая наиболее типичные представления о воде, связанные с ее визуальными, кинетическими свойствами и некоторыми другими характеристиками, парадигмы которых отражают в том числе и хозяйственную деятельность человека. Эти представления в существующих исследованиях полевой структуры концепта «вода» становились основой определения ряда тематических групп, озвученных выше. Сосредоточиваясь на выявлении номинаций денотата, имеющего «водяную природу» (*вода, океан, море, дождь, снег, туча* и др.), а также определении отдельных существенных признаков данного явления (*вода течет, отражает, она прозрачна, без запаха, ее пьют, используют в хозяйстве и иных целях* и т.д.), исследователи, тем не менее, обычно ограничиваются описанием парадигм, связанных с описанием и отражением (а) форм существования воды в природе, (б) особенностей ее движения, (в) действий, совершаемых водой, в воде или с помощью воды, (г) ее состояний как жидкости, газа или твердого тела, (д) степени ее наличия/отсутствия и воздействия на другие предметы и т.д. Достаточно детально представляя поле языковых реализаций обсуждаемого концепта, его исследователи, в действительности, оставляют без внимания некоторые весьма существенные, на наш взгляд, универсальные признаки и свойства воды, связанные, в частности, с ее метрикой и топологией. Сочетаясь с именами величин размера и емкостей (*капля, стакан, цистерна, толщина* и др.), *вода* в русском языке, как отмечается в НОСС, может указывать на любое количество субстанции, как малое, так и значительное. Вместе с тем, образуя в контексте предложно-падежные пространственные конструкции «локатива», «директива», «транзитива», она топологически может представляться, как уже говорилось выше, и как вместительница (*в воде*), и как плоскость (*на воде, по воде*). Кроме названного, современные исследования совокупности языковых средств, номинирующих концепт «вода» и его отдельные признаки, обычно не рассматривают лексические парадигмы, единицы которых определяют семантическую

область «Напитки» или «Жидкие выделения организма». Так, такие лексические единицы, как *чай, лимонад, минералка, слезы, пот* и др., входящие в названные тематические группы, хотя и содержат соотносимый с *водой* семантический признак «жидкий/жидкость», тем не менее, в известных нам исследованиях оказываются не включенными в состав средств, репрезентирующих концепт «вода» и организующих его поле. Одновременно с этим в современных работах по описанию поля концепта «вода» в русском языке наблюдается тенденция освещения свойств воды, связанных с особенностью ее движения, действий совершаемых с ней и в ней, а также характеристики признаков объектов, обусловленных наличием/отсутствием в них воды. Признаки же, характеризующие визуальные и иные качественные свойства воды, а также ее квантификацию, как правило, остаются вне поля исследовательского интереса.

Таким образом, исходя из сказанного и следуя существующей в современных гуманитарных исследованиях полевой модели представления концепта, а также опираясь на семантику значений лексемы *вода*, реализующихся в текстах прозы И. Бунина, мы расширяем состав семантического поля, включая в него топологические, количественные, качественные и классификационные параметры. Разумеется, подобное построение поля не предполагает тесной семантической связи на уровне семантических компонентов между всеми членами группы (поля). Однако согласно закону семантического согласования, в словах, входящих в предложение, всегда есть общие, повторяющиеся семы, которые поддерживают друг друга и обеспечивают однозначность этих слов (Гак, 1972, 377). Таким образом, мы можем строить поле, исходя из тезиса о наличии общих сем у сочетающихся между собой слов, и включать на этом основании в поле слова, входящие в словоосочетание со словом *вода* или его аналогами.

Представляя свойства *воды* в их более детализированном описании, мы особое внимание уделяем номинациям, определяющим перцептивно осязаемые признаки *воды*, обнаруживающиеся, в частности, в ситуациях именной дистрибуции данной единицы. Глагольное окружение имени *вода*, актуализирующееся в авторских текстах, также играет немаловажную роль в построении и организации СП «Вода» – оно уже демонстрировалось нами выше. Концептуализируя *воду*, предикаты движения, перемещения, физиологического действия и воздействия становятся определяющими в выделении в составе поля соответствующих тематических групп, парадигмы которых связаны с наименованием отдельных концептуальных признаков воды, характеризующих ее кинетические свойства, способность к вмещению, бытовому или иному использованию и т.д.

Следуя за существующей в лингвистике традицией, мы не ограничиваемся выделением собственно номинативных средств выражения семантики *воды*, реализующихся в текстах И. Бунина. Опираясь на существующие исследования метафорического поля «Вода», налагающегося на его первичный – исходно-номинативный – аналог, мы также обращаемся к регулярной языковой метафоризации *воды*. Этот механизм, становясь основой образования системы переносов (*море людей, океан света* и др.), одновременно участвует и в организации СП «Вода», организуя его «метафорическое поле». Отражая регулярную (привычную) метафорику *воды* (*море колосьев* и др.), система переносов реализуется в текстах прозы И. Бунина и на фоне мифологических представлений о ней. Поэтому нами учитываются также и древнейшие архетипические, существующие на уровне мифа представления о денотате *воды*. Включаясь в бунинский текст и формируя «водный код неводных сообщений», они позволяют реконструировать базовую метафору, отражающую праисторию мифологизированного бытия воды.

Расширение совокупности языковых средств СП «Вода», включаемых нами в его состав, связанное с определением реализующихся в текстах И. Бунина различного рода номинаций концепта «вода» и обозначений его отдельных, ранее не выделяемых метрических, топологических и качественных признаков, создает предпосылки для более полного отображения связей в «водном мире» прозы И. Бунина.

5.2. Общая характеристика семантического поля «Вода» и его системная организация у И. Бунина: тематические группы (ТГ)

До сих пор, говоря о воде, мы рассматривали только реализующийся в текстах прозы И. Бунина языковой знак, его семантическую структуру, стоящее за ним концептуальное содержание, включающее в себя 1) понятийную часть: категориальное значение и уточняющие признаки референциального характера; 2) прагматические приращения; 3) глубинный семантический актант, влияющий на формирование значений лексемы. Теперь от собственно языкового знака *вода* как формы, объективирующей в том числе и одноименный концепт, мы переходим к описанию целостной денотативной области, языковые средства выражения которой в лексическом и грамматическом отношении отличаются достаточно многочисленным разнообразием, что собственно и мотивирует

обращение к полевой методике как инструменту организации языковых форм *воды*, реализующихся в прозе И. Бунина и формирующих соответствующее СП.

Анализ авторских текстов показал, что лексема *вода* и по ее численности, и по разнородности реализованных грамматических форм и конструкций с ней, представленных в прозе И. Бунина, выступает как центральная единица, образующая ядро обсуждаемого СП. В количественном отношении число ее употреблений, включая форму мн. ч., в изученных текстах писателя доходит до 500 случаев. Среди них подавляющее большинство – около 450 – приходится на форму ед. ч. Говоря о падежной парадигме, следует отметить, что в текстах прозаика она реализуется в соотношении, в котором субстанциальная семантика *воды* превалирует над ее пространственной концептуализацией. В количественном отношении подавляющее большинство употреблений лексемы *вода* приходится на именительный падеж, беспредложные конструкции родительного определительного и части, а также форм винительного прямого объекта и творительного инструмента. Названные конструкции определяют субстанциальную семантику лексемы *вода* в значениях ‘природного вещества, жидкости’, ‘стихий’, бытового или иного функционального ‘средства’. Предложные конструкции (не более 150 случаев), в частности, транзитива, локатива, директива, как правило, становятся средством реализации пространственной семантики обсуждаемого имени.

Центр СП «Вода», очевидно, целесообразно представить через синонимический ряд средств, члены которого обнаруживают семантическую близость уже на первом шаге толкования или толкуются синонимическим способом (напр., *влага* – ‘сырость, вода, содержащаяся в чём-н.’) (Ожегов, 1989). Сюда относятся *влага* (11), *сырость* (11) и дериват *водица* (1). Доминантой ряда, естественно, является лексема *вода*.

Вместе с тем СП «Вода» в текстах И. Бунина, помимо компонентов, сконцентрированных вокруг его ядерного элемента – архилексемы *вода*, также представлено разнообразными в лексико-семантическом и грамматическом отношениях формами и конструкциями. Соотносясь по смыслу с категориальными составляющими семантики значений лексемы *вода* – «субстанцией» и «пространством», – они в составе поля формируют его периферию, представленную совокупностью тематических групп и их подгрупп, различных по выражаемому ими значению. Как будет показано ниже, в работе выделяется десять тематических групп (далее – ТГ) с соответствующими подгруппами (напомним, что в работе Н. В. Гришиной СП «Вода» в русском языке представ-

лено семью группами). При этом отдельно выделяется группа «метафорических потенций воды», в которой *вода* и ее аналоги выступают в роли метафоризатора других понятий.

5.2.1. ТГ «Свойства воды»

В научной традиции общеприняты представления, согласно которым, как отмечает Е. В. Рахилина, «предметные имена могут и должны характеризоваться в первую очередь с точки зрения размера, формы и цвета» (Рахилина, 2010а, 118). Для этого язык обладает рядом имен параметров³², относящихся к различным частям. Они, по утверждению Ю. Д. Апресяна, призваны называть различные «признаки (характеристики) человека и других живых существ, а также предметов, действий, процессов и состояний» (Апресян, 2009, 161). Среди параметрических имен исследователь выделяет классы количественных (длина, высота, ширина, глубина, расстояние, величина, толщина, вместимость, объем; вес, температура, скорость и т.п.), качественных (внешность, форма, цвет, тон, звук, вкус, запах, ощупь и т.п.) и классификационных (степень, чин, пол, масть и т.п.) параметров, определяющих значение признака объекта или явления (Апресян, 2009, 38–39, 164). Классы тех или иных параметров, характеризующие внешние, поддающиеся наблюдению и измерению физические свойства объектов, в языке могут быть выражены по-разному. Считается, что в русском языке функцию отображения тех или иных внешних признаков предметов традиционно выполняют сочетания с параметрическими прилагательными и существительными, которые в речи формируют адъективные или определительные (*крепкий кофе, раннее утро, высокая вода*) и атрибутивные³³ (*ботинки большого размера, тетрадь в клеточку, плавание кролем*) грамматические конструкции как с предлогом, так и без него.

Вода, как было показано выше, может быть описана с точки зрения своей «сортности», функции, перцептивных свойств и т.п. (*полая вода, минеральная/сельтерская вода, вода с сиропом, розовая вода, живая/мертвая вода, зеленая/*

³² Обсуждая вопросы описания семантики имен параметров, Ю. Д. Апресян отмечает, что в их роли могут выступать как существительные, так и прилагательные или глаголы (Апресян, 2009, 161).

³³ Термин «атрибутивный» соответствует принятому МСШ понятию «атрибута» как слова или группы слов, синтаксически зависящего от существительного, прилагательного или наречия (Апресян, 2009, 491), то есть того, что в традиционной грамматике принимается в качестве несогласованного определения.

кубовая/тяжелая/жидкая/густая вода). Кроме качественных признаков дифференциации, вода в текстах И. Бунина дополняется признаками ее метрических характеристик (*стакан/капля/цистерна воды, вода по колена/по горло/по брюхо/выше колесной ступки*). Атрибуты и имена подобных сочетаний с именем *вода* формируют в составе поля довольно большую лексико-семантическую группу «Свойства воды», объединяющую воедино в текстах прозаика различные признаки визуальной качественности и иной квалификационной дифференциации денотата *воды*, а также его метрические показатели в целом.

Отражая разные уровни осмысления воды, ее качественные и количественные (метрические) свойства, а также признаки таксономической дифференциации, данная тематическая группа в составе СП «Вода» организуется совокупностью различных по значению тематических подгрупп. Среди них мы выделяем следующие: «Количество и размер», «Визуально-перцептивные признаки», «Сорто-видовая классификация». Их парадигмы образуют единицы, по смыслу соотносимые с именами параметров мер **количества и размера**, равно как **формы, цвета, температуры, веса, вкуса, запаха, звука, тактильных ощущений**, а также параметров **сорта и вида, назначения, места происхождения и времени**. Они, отражая метрические свойства денотата *воды*, а также его внешние, чувственно осязаемые и иные дифференциальные признаки, одновременно являются «семантическими классификаторами» средств выражения каждого из названных параметров.

Свойства воды: количество и размер

Исследование собранного материала показывает, что метрическая квантификация, отражающая количественные свойства денотата *воды*, по разнородности номинативной парадигмы являет собой довольно значимый класс слов – 50 номинаций при количестве словоупотреблений более 60. Его состав формируют единицы, семантика которых определяется как *количество* (сколько) и *размер* (какой). В качестве меры количества и размера описываемого денотата *воды* у И. Бунина, с одной стороны, могут выступать номинации, представляющие собой параметры как неопределенно больших, так и малых величин (*бездонный, безграничный, великий, капля, громада* и т.д.). С другой – имена, называющие сосуды, емкости и углубления в земле (*стакан, ведро, чан, цистерна, чугуничик, колдобина* и т.п.), форму которых принимает вода, равно как и имена, называющие природные реалии *горы, холмы, горбы* и др., которым уподобляется вода по внешним признакам сходства (*горы океана, холмы волн*). Нельзя не отметить, что в

текстах И. Бунина в качестве имен метрических параметров количества и размера при описании денотата *воды* также используются номинации эталонного размера (*вершок, миля*) и антропоморфной (антропоцентрической) шкалы измерений (*по пояс, по брюхо, по горло, пригорошни* и др.). Подавляющее большинство номинаций, характеризующих *воду* с точки зрения ее метрических свойств, в текстах прозаика функционирует в роли аналогов оценки, включая дOMETрические эталоны размера «вершок» и «миля», а не собственно исчисления. Квантификаторы меры количества и размера, определяющие количественные свойства *воды*, у И. Бунина часто аксиологизируются и начинают «транслировать» психологически окрашенное, субъективное оценочное отношение к описываемой реалии. Это прежде всего касается номинаций, указывающих на размеры водного пространства: *бесконечно сияющая гладь, великие водные пространства*.

Тематическая подгруппа «Количество и размер» в составе группы «Свойства *воды*» представлена несколькими парадигмами отдельных лексем и конструкций. В основе дифференциации выражаемых ими количественных отношений лежат следующие механизмы и «инструменты» измерений:

подручные средства: *стакан, две кружки, бутылочки содовой воды, бочка, ведро, графин воды; кувшин с водой, лохань с водой, жестянка с водой, пузыри с горячей водой, стакан с водой, ведра с горячей водой, чугуничик с водой, ящик из-под содовой воды; вода выше колесной ступки;*

антропоцентрическая шкала: *пригорошни воды; по пояс, по горло, по брюхо в воде;*

естественные углубления и емкости: *выбоины, полные студеной вешней воды; лужи, целое болото воды; колдобина, полная воды;*

прямые описания количества *воды*, чаще указывающие на большие пространства, занятые *водой*: *капли воды, воды на вершок; чувствовалось, что кругом только одна вода; воды, простирающейся на тысячи миль вокруг; все воды; всё больше воды (становилось вокруг); безграничные воды, безграничные водные пространства, великие водные пространства, огромные водяные пространства, величие водных пространств, водная беспредельность; воды, которым нет предела; великое зеркало вод, воды великие;*

непрямые обозначения количества и размера (тв. сравнения, метафорические перифразы и др. тропеические сочетания): *бесконечные хляби, бездна бездн; горы океана, водяная гора, громада воды, бесконечная пропасть* и др.

Семантика отдельных единиц, входящих в парадигму подгруппы «Количество и размер», позволяет качественно оценивать недискретный в данном

случае денотат *воды*, размеры/количество которого соотносятся с психологизированным переживанием (*грогада воды, воды многие/великие/безграничные; водяная гора; бездна бездн*), часто вызываемым созерцанием этого количества.

Таким образом, можно констатировать, что во многих случаях элементы данной группы СП, употребляясь в бунинском тексте, выполняют как изобразительную функцию, так и способствуют выражению психологического состояния персонажа. Если от состава СП переходить к картине мира как совокупности средств, этот мир рисующих и сопрягающихся в определенных связях, то можно сказать, что названная подгруппа играет немаловажную роль в авторской картине мира, придавая ей образность и эмоциональную насыщенность. Это касается тех случаев, когда параметр 'количество/размер' относится к *воде-пространству*.

Свойства воды: визуально-перцептивные признаки воды

Сознание человека, фиксируя количественные свойства предметных сущностей, вместе с тем воспринимает окружающий мир в сопряжении их качественных признаков. К качественной стороне характеристики предметных сущностей, в частности воды, относятся визуальные и иные перцептивные признаки, имманентно ей присущие, свойства которой определяют качества прозрачности, движения, отсутствия цвета и запаха и т.д. Поэтому сейчас от метрических свойств воды переходим к свойствам ее качественности, поддающихся наблюдению физических свойств описываемого объекта, никак не зависящих от способов его измерения.

Перцептивно наблюдаемая и осязаемая качественность как характеризующее воду свойство, определяемое по параметрам цвета и света, вкуса, запаха, звука, тактильных ощущений, температуры и веса,³⁴ в текстах И. Бунина выражается очень большим классом слов – и по разнородности создаваемых представлений, и по номинациям – свыше 240, а также по их количеству – всего более 500 словоупотреблений. Объясняется это не только творческой манерой писателя, сила которой, несомненно, в его «внешней изобразительности», но также, очевидно, и бунинским видением мира.

³⁴ Семантически более точным было бы отнесение последних двух параметров (температуры и веса) к количественным параметрам, но, по замечанию Н. К. Рябцевой (Рябцева, 2000, 108), высказанному в одной из публикаций научного сборника «Логический анализ языка», практическое, донаучное сознание (добавим – наивное) пользуется не столько точной, цифровой шкалой измерения, сколько ее оценочным аналогом. Наивное языковое сознание не исчисляет, а оценивает, поэтому параметры температуры и веса включаются нами в ряд качественных параметров наряду с цветом, запахом, вкусом и звуком.

Описание субстанциальной качественности начнем с представления параметра, отражающего визуальные признаки, характеризующие *воду*. Однако визуальная качественность – это не только цвет и свет, но и другие зрительно воспринимаемые явления, средства выражения которых в текстах авторской прозы составляют языковую дистрибуцию *воды*. Поэтому наряду с параметром **цвета** и излучаемого (отраженного) **света** в состав обсуждаемой тематической подгруппы мы также включаем такие параметры качественной перцепции как **прозрачность, плотность и вес, способность к отражению, статика/динамика состояния движения/перемещения** (скорость передвижения жидкой субстанции). Как показывают исследуемые тексты И. Бунина, контекст качественных свойств *воды* определяют глаголы и их формы, употребляющиеся в определительной функции, также имена прилагательные и существительные. Семантика их субстанциальных характеристик формирует парадигмы следующих лексико-семантических группировок, семантическим классификатором которых выступает имя выделенных параметров:

параметр прозрачности: *прозрачная, мутная, мыльная, чистая, гнилая, грязная, чистойшая, стекловидная, сорная; (речная) муть, [солнце потонуло в бледно-синей мути]* («Дельта», 3, 524), *сквозить*;

привычные цветовые параметры (прилагательные и др. части речи): *желтоватая, розовеющая, зеленоватая, зелено-голубая, темно-зеленая, тускло-зеленоватая, зеленая, кубовая, бледно-синяя, голубая, черная, желтая, золотая, розовая, белеющая, лиловая, синий; белеть, желтеть, зеленеть, синеть* и др.;

привычные параметры излучаемого света или его отсутствия: *светлая, темная, темнеющая вода; блеск воды, отблеск воды, тьма воды, блики от воды, блеск отражений от воды, отсвет воды; блестящая от солнца вода, по-ночному светящаяся вода, светиться; блестеть, блестящая, переливающаяся вода* и др.;

цветовые номинации, производные от имен предметов и чувственно воспринимаемых состояний: *бирюзовая, хрустальная, свинцовая, темно-бутылочная, серебристая, голубовато-дымная, глянцевого мраморно-голубая, сиренево-стальная, блестящая; асфальтическая; малахитовая бледность, малахитовый, золотой, туманно-синее; купоросно-зеленый; бледное, млечно-зеркальное, мертвенно-бледное, бледно-млечная; керосинно [синее море]* («Страна содомская», 3, 570), *синяя туманность [море поднималось синей туманностью к небу]* («Храм Солнца», 3, 574) и др.;

номинации цвет + имя предмета в форме тв. сравнения (тв. «внешнего вида»): *яркой бирюзой, сине-лиловым маслом, бледно-синим пламенем, снеж-*

ным фосфором, белела пеной, огнем горящие воды; блестящая, переливающаяся золотом вода; колючим серебром [трепетала равнина моря] («Месть», 5, 452), горячим стеклом [блещет река] («Дельта», 3, 528); серебристыми зеркалами, серебряными звездами [сверкает, прыгает море] («Месть», 5, 451) и др.;

другие метафорические и метонимические номинации и перифразы, характеризующие воду по цвету: млечная зеркальность, млечность, сплав, зелень, зеленый хрусталь, синь, синева, водная синь, синь моря, оранжевые глянца, слепящее золото [солнце нынче опускалось в слепящее золото] («Воды многие», 4, 467), сталь прудов и др.;

параметр цвета на основе уподобления другому предмету, формируемый атрибутивными конструкциями или всей предикативной частью: вода цвета фиалки; море цвета незабудок; цвет этот – некое подобие яркого драгоценного камня, какого-то дивного сплава купороса и индиго («Остров Сирен», 5, 492) и др.;

параметр, характеризующий способность воды к отражению (непосредственно связан с именем существительным зеркало и его производными зеркальный, зеркальность): зеркальная вода, зеркальные воды, зеркальные отражения от воды, зеркальность;

параметр плотности и веса: густая, жидкая, маслянистая, тяжелая, полнота воды; тяжесть воды, огромная тяжесть воды; густая синева;

параметр динамики/статики состояния и скорости движения (отображает свойства воды с точки зрения ее двигательных качеств и скорости перемещения, которая может сводиться к нулю и быть статичной, либо динамичной): неподвижная, сонная, полусонная, дремотная, дрожащая, качающаяся вода; быстро кипящая вода, взбудораженная, спорая, буйная вода; трепетать [колючим серебром трепетала равнина моря] («Месть», 5, 452) и др.

Поскольку любое движение либо отсутствие такового становится источником звукового воздействия, то отображению кинетических свойств денотата воды сопутствует его звуковая характеристика, выраженная словами параметра звука:

параметр звука: рев волн, гул океана, с шумом, шум воды, шипение воды, плеск воды, шорох воды, шипящая вода, тихая вода; шипеть, шуметь, зашуметь, журчать, гудеть.

В прозаических текстах И. Бунина в фокус описания попадают не только визуальные и слуховые характеристики внешних проявлений денотата воды, но и его обонятельные, вкусовые и температурные свойства. Их языковое выражение также формирует «языковой мир» воды. Это достаточно большой класс

слов, который в текстах И. Бунина сочетается с лексемой *вода* и ее аналогами, определяя чувственно воспринимаемые характеристики, связанные с физическими свойствами природной субстанции: ее запахом, вкусом и ощущением от прикосновения к ней:

параметр температуры или тактильных ощущений: *ледяная, студеная, холодная, свежая; теплая, горячая; острая, колющая; холодная туманность [еще дальше – холодная туманность: белесо застыло дыхание моря]* («Мистраль», 5, 519);

параметр запаха: *огуречная свежесть, арбузная свежесть, розовая вода, запах воды, аромат воды, пахнет водой, вонючая вода, запахи воды, запах гниющей воды, пахучая свежая вода; пахнуть.*

параметр вкуса: *жгуче-горькая, сладкая, кислая, пресная, сырая.*

Как и в случае с метрическими признаками, количественно характеризующими денотат *воды*, параметры качественной перцепции, составляющие единицы которой отображают внешне наблюдаемые и иные его свойства, в текстах И. Бунина описываются большим количеством слов. Класс слов визуальной и другой чувственно воспринимаемой качественности, в текстах прозаика формирующий контекст лексемы *вода* и ее аналогов, состоит из простых прилагательных и причастий в функции прилагательных, таких как: *зеленый, прозрачный, мутный, густой, жидкий, блестящий, темнеющий, неподвижный, бурный, спорый*; сложных прилагательных, образованных путем сложения основ: *темно-зеленый, голубовато-дымный*; существительных, управляющих формой род.п. лексемы *вода*: *блеск воды, отсвет воды, перекааты воды, тяжесть воды, полнота воды, зеркало вод*; а также сочетаний имен существительных, в которых признак визуальной качественности выражен как параметрической конструкцией типа *вода цвета фиалки*, так и всей предикативной частью. В эту группу, помимо названного, входят и номинации, значение признака визуальной качественности которых отображают тропеические средства художественной выразительности: метафоры, перифразы, сравнения. К таковым относятся характеризующие *воду* по визуально воспринимаемым признакам (в бунинских текстах замещающие лексему *вода*) перифразы: *сплав, млечность, млечная зеркальность, зелень, зеленый хрусталь*, а также сравнительные обороты в форме тв.п.: *огнем горящие, бледно-синим пламенем* и т.д.

Визуальную и другими органами чувств воспринимаемую качественность названных параметров, определяющих у И. Бунина денотат *воды* и составляющих в текстах прозаика контекст одноименной лексемы, реализуют следующие

лексические единицы и конструкции. К ним относятся преимущественно прилагательные соответствующей семантики, причастия в функции прилагательных, глаголы *зеленела, плещется, пахнет*, атрибутивные именные конструкции с лексемой *вода* как в позиции управляющей единицы – *вода цвета фиалки*, – так и в зависимой от других единиц функции, представленной формой род.п.: *перекаты воды, цвет воды, запах воды* и др. Вместе с тем денотат *воды*, помимо названных средств, определяют и перифразы, в функции которых выступают имена существительные *туманность, зеркальность*, отображающие качественные свойства природной реалии.

Говоря о цветовой качественности как проявлении (наряду с параметром прозрачности) признаков внешних свойств воды, следует отметить, что в прозе И. Бунина каноническая бесцветность воды, отмечаемая словарями в качестве категориального признака (жидкость + уточняющий цветовой признак), подвергается переосмыслению и в определенных контекстах, когда реализуется, например, значение природной среды, заменяется цветностью. При этом спектр и цветовой палитры, и цветономинаций, реализующихся в текстах автора, весьма широк. Он включает в себя как первичные цветковые номинации, например, *зеленый*, так и номинации, производные от имен предметов: *меловой, бирюзовый, золотой, хрустальный* и др. Более того, довольно часто цветообозначения, выраженные как собственно прилагательными цвета, так и образованиями от имен предметов, сводятся вместе, образуя такие сложные прилагательные, как *голубовато-дымный, сиренево-стальной*, представляющие собой сращения цвето-именных обозначений. Сказанное может свидетельствовать об уникальной цветовой гамме картины мира в прозе И. Бунина.

Как показывают изученные материалы, в функции визуальной и других чувственно воспринимаемых качественных признаков, характеризующих лексему *вода*, в прозе писателя преимущественно выступают прилагательные и причастия в определительной функции: *зеленоватая вода, белеющая вода, вонючая вода, острая вода, колющая вода, пресная вода, кислая вода, прозрачная вода, жидкая вода, тяжелая вода, маслянистая вода, дрожащая вода, сонная вода, взбудораженная винтами вода, тихая вода, шипящая вода*; иногда – в функции предиката: *вода зеленая, стала кубовой*. К этим адъективными и предикативным конструкциям примыкают именные, в которых лексема *вода* занимает позицию зависимого атрибута, выраженного формой род.п.: *блеск воды, цвет воды, отсвет воды, тяжесть воды, полнота воды, запах воды, аромат воды, шипение воды, шум воды, плеск воды*, а также позицию управляющей единицы: *вода цвета фиалки*.

Анализ собранного эмпирического материала свидетельствует о том, что, помимо привычных характеризующих лексему *вода* атрибутов визуальной качественности, И. Бунин использует и не совсем привычные определения, к которым относятся некоторые единицы параметра цвета, плотности и веса. Среди них в корпусе исследованных текстов писателя обнаружена конструкция, в которой в качестве характеризующего признака лексики *вода* выступает предикация *стала кубовой*. Интерес с точки зрения не совсем обычных, но лексически возможных для денотата *воды* определений, входящих в прозу И. Бунина в дистрибуцию *воды*, вызывают также признаки *тяжелый, густой и жидкий*, относимые нами к параметру плотности и веса. Опираясь на данные Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ), а также лексикографических источников СлУш, СлЕфр, СлОжг, БАС, МАС, нельзя не отметить, что названные атрибуты, в частности *кубовой, жидкий, густой*, не совсем привычны для лексического окружения *воды*, либо требуют специализированного (терминологического) контекста, как например, словосочетание *тяжелая вода*, что собственно и заставляет нас обратиться к ним и рассмотреть их более подробно в заявленной последовательности.

В названном ряду атрибутов, определяющих *воду* в авторских текстах, особенно примечательной является форма *кубовой* в контексте предикации *вода стала кубовой*. Достаточно сказать, что в русском языке есть два прилагательных с тем же корнем, образованных от лексических омонимов. Как показывают данные лексикографических источников, в первом случае от слова *куб*, обозначающее растение Indigo, из которого добывается краска *густо-синего* или *ярко-синего цвета (цвета индиго)*, образуется дериват *кубовый*, с ударением на первом слоге и окончанием *-ый*. Во втором – слово *куб*, обозначающее геометрическую фигуру в виде *шестигранника, все грани которого – квадраты*, становится производящим к прилагательному *кубовой* с ударением на последнем слоге и окончанием *-ой*. Значения, которыми наделяются прилагательные *кубовый* и *кубовой*, соотносятся со значениями производящих омонимичных существительных. Так, дериват *кубовый*, по данным словарей Д. Н. Ушакова, С. И. Ожегова, Т. Ф. Ефремовой обозначает *‘синий цвет густого и яркого оттенка’*, а дериват *кубовой*, соответственно, называет *‘то, что свойственно кубу’* или *‘то, что напоминает куб’* (Ушаков, 1935–1940; Ожегов, 1992; Ефремова, 2000). Естественно предположить, что *вода* характеризуется в тексте И. Бунина по цвету, а не трудно представимой в виде куба форме. Подтверждением этому является и контекст, где это прилагательное находится в синтагматической близости с другими прилагательными цвета:

Но я не спускал с нее глаз до тех пор, пока она, все отдаляясь, не слилась, наконец, с песками на юге, фиолетовыми от голубой дымки воздуха и опускающегося солнца. А потом я смотрел на Саронскую долину, вдоль которой мы шли на север. Все смутней и печальней становилась долина. Солнце погасло, и вода у берегов стала тяжелой, кубовой. Одиноким, затерянным казалось какое-то селеньице, далеко-далеко белевшее в сини равнины» («Шеол», 3, 557).

Цитируемый фрагмент взят из рассказа «Шеол»,³⁵ необыкновенно насыщенным прилагательными цвета, часть из которых принадлежит «водному миру»: *лиловатая тьма моря, золотое море, зеркальное отражение воды*, что еще раз подтверждает богатство цветовой палитры в творчестве И. Бунина и говорит о специфике его художественного видения. Некоторые же номинации цвета сегодня представляются архаичными и становятся известными нам, в некоторой степени, благодаря творческой манере писателя.

В случае с атрибутами *тяжелый, легкий, жидкий*, формирующими лексическое окружение имени *вода* в текстах И. Бунина, исходя из данных НКРЯ и русской лексикографии, отметим следующее. Словари, толкуя значения слов *тяжелый, густой, жидкий*, обычно определяют и языковой контекст их употребления. Иначе говоря, то «лексико-грамматическое окружение (указательный минимум) номинативной единицы, которое ограничивает потенциальный спектр всех возможных реализаций ее языкового значения исключительно благодаря своим системно обусловленным свойствам» (Алефиренко, 2005, 78). Действительность такова, что согласно СЛУш, БАС, МАС в языковой контекст или лексико-грамматическое окружение слов *тяжелый, густой, жидкий*, как правило, включаются лексемы *воздух, суп, сметана, туман, грязь* и многие другие вещественные и невещественные существительные. Но ни один из перечисленных словарей не соотносит языковой контекст лексических единиц *тяжелый, густой, жидкий* с именем *вода*. Их употребление в интересующем нас контексте, по данным НКРЯ, в русском языке ограничено. Поэтому лексемы *густой, жидкий* в речевой системе их употребления с именем *вода*, как правило, встречаются недостаточно часто. Исключение составляет атрибут *тяжелый*, который в русском языке в сочетании с лексемой *вода* образует устойчивое терминологическое словосочетание³⁶, что является нормой употребления в соответствующей публицистической и

³⁵ Шеол – в иудаизме царство мёртвых, загробный, нижний или низший мир, противопологаемый небу.

³⁶ Его значение словарями МАС и СЛОЖ определяется как *разновидность воды, в состав которой вместо обычного водорода входит дейтерий* (Ожегов, 1989, 93; МАС, 1981, 191).

учебной литературе. Если говорить о семантике и месте прилагательных *тяжелый, густой, жидкий* в языковой системе, то прилагательные *густой* и *жидкий* образуют антонимическую пару. В ее значении выделяются оппозиционные смысловые элементы: 'насыщенный, плотный' vs 'имеющий недостаточную густоту, водянистый'. Кроме того, у прилагательного *жидкий* в русском языке выделяется значение 'слабый, бессильный'. У прилагательного *тяжелый*, помимо значения 'имеющий большую тяжесть, тяжеловесность', СЛУш также выделяется значение 'густой, насыщенный'. Нам представляется, что необычная речевая сочетаемость данных прилагательных с лексемой *вода* в художественной речи может рассматриваться как художественный прием, создающий определенное эмоциональное восприятие рисуемого эпизода, поскольку *вода* в сочетании с таким прилагательным наделяется оценочной характеристикой – «казаться неприятной», «неживой»:

Густая, желтоватая вода, крутятся, бежит под ветвями ив, под корнями, покрытыми наносною травой, илом (3, 572). *Вода под лозинами стала прозрачная, ледяная и как будто тяжелая* (2, 161).

В «Антоновских яблоках», откуда взят этот фрагмент, перед нами глубокая осень, когда жизнь замирает в предверии зимы, что вызывает соответствующее настроение созерцателя.

Интересно, что атрибут *тяжелый* в авторской картине мира становится антонимом атрибуту *жидкий*, в отличие от языковой системы русского языка, в которой антонимическую пару формируют прилагательные *жидкий* и *густой*. Так, в рассказе «Тень птицы» антонимические отношения формирует пара атрибутов – *тяжелый* vs *жидкий*:

Я <...> останавливаюсь у решетки борта: густым сине-лиловым маслом светит сквозь решетку вода, бегущая навстречу, и с каждым часом делается все более тяжелой, непохожей на жидкую, желтоватую воду возле берегов Новороссии (3, 501).

Значение атрибутов *жидкий* и *тяжелый*, которое реализуется в тексте рассказа «Тень птицы», семантически преобразуется. Признаки 'обладающий свойством течь', 'водянистый' – 'имеющий большой вес', которыми в языковой системе русского языка характеризуются атрибуты *жидкий* и *тяжелый*, утрачиваются и замещаются антонимическими признаками 'не обладающий насыщенностью' vs 'обладающий насыщенностью', которые указывают на сочность (густоту) цвета воды. Кроме того, у прилагательного *тяжелый* в текстах рассказов И. Бунина реализуется еще и значение 'обладающий силой, мощью'. Причем атрибутивное

определение *тяжелый* в текстах прозаика употребляется в качестве характеризующего воду признака, которым она наделяется как в контексте открытого пространства моря, так и в контексте ограниченного пространства берега, в то время как *жидкий* используется для характеристики только прибрежных вод. Об этом свидетельствует, например, контекст рассказов «Велга» и «Дельта»:

<...> а тяжелая вода с шумом поднимается <...> (2, 138). Утром открылся берег Африки. <...> **Вода** под кормой бурлила жидкая, зелено-голубая (3, 524).

Подводя итог, следует отметить, что среди визуальных и чувственно воспринимаемых признаков денотата *воды* в прозе И. Бунина некоторые занимают особое место. Это параметры цвета и света, включая параметр плотности и веса, единицы которого *тяжелый*, *густой*, *жидкий*, как правило, используются в функции цветообозначения и становятся маркерами его насыщенности. Кроме того, атрибут *тяжелый* в прозе И. Бунина становится контекстуальным синонимом густого и яркого оттенка синего цвета.

Параметр цвета и света как визуальный характеризующий признак, определяющий в авторских текстах лексему *вода*, отличается не только количеством использований, но также, как было показано выше, и разнообразием средств его реализации.

Для представления цветовой палитры «водного мира» в картине мира художника важно то, что цветность воды, ее свойство к отражению света передается и формируется не только привычными определительными средствами, выраженными именами прилагательными и причастиями в функции прилагательных. Цвет воды у И. Бунина уподобляется металлам и драгоценным камням (*бирюза, золото, серебро, бронза, купорос*), соединяет в себе различные оттенки предметов окружающего мира (*дымно-синий*). При этом признаки цвета могут обозначаться как через отдельные перифрастические номинации (*млечность, млечная зеркальность*) и существительные в форме тв.п. сравнения *бирюзой*, так и синтаксические обороты в форме придаточного сравнения *как сплав драгоценных камней* или целой предикативной части: *цвет этот – некое подобие яркого драгоценного камня, какого-то дивного купороса и индиго*. Кроме того, семантика цвета и его насыщенности в текстах И. Бунина формируется посредством изначально нецветовых атрибутов *густой, жидкий, тяжелый*, входящих в языковой мир лексики *вода*.

Весьма поэтично о творчестве И. Бунина-поэта сказал Ю. Айхенвальд: «Поэтизируя факты, он не боится старых, но не стареющих ценностей мира, не стесняется петь то, на чем останавливались уже многие взоры, что воспевали

уже многие чужие уста. Весна, ручей, восход, полдень <...> «золотой иконостас заката» – все это продолжает его вдохновлять, все это, казалось бы, исчерпанное его предшественниками на разных концах земли, дождалось его, существует и для него, свежее и светлое, не ослабленное в своей первозданной чистоте» (Айхенвальд). Позволим высказать мысль, что эти слова применимы и к И. Бунину-прозаику, находящему невероятное богатство цвета и его оттенков там, где, казалось бы, уже все найдено.

Свойства воды: сорто-видовая классификация

Качественные и количественные свойства денотата *воды*, атрибуты которого в текстах И. Бунина, с одной стороны, выполняют характеризующую функцию, а с другой – становятся семантическими маркерами выделения и разделения значений номинативной единицы *вода*, дополняют классификационные параметры сорта и вида, места происхождения и др. Определяя дистрибуцию *воды*, они отражают не ее субстанциальные или пространственные свойства, а признаки, по которым можно классифицировать воду как объект по его назначению, месту бытования, времени появления и т.п.

Классификационные параметры, таким образом, это еще один класс слов – 35 единиц, всего 55 употреблений, – определяющих в прозе И. Бунина *воду* по параметрам сорта и назначения, по месту бытования и происхождения, по параметру времени бытования:

параметр сорта и назначения (*питьевая вода*): *содовая, минеральная, сельтерская; вода с кислотой и содой, вода для питья, сиропы с шипучей водой;*

параметр места происхождения и бытования: *ключевая, родниковая вода; дождевая, снеговая вода; речная, прудовая, болотная, морская вода; особенная лесная, тропическая вода; вода пруда, вода гавани, вода океана, вода водоема, вода реки, вода побережья; низменность с ее мертвыми водами; вода в пруде, вода в тарелке.*

Нужно сказать, что место происхождения и бытования связаны с представлением о качестве воды как потребляемого продукта. Так, выражения *ключевая, родниковая вода* возбуждают представление о вкусе, полезности, свежести и на основе этих коннотаций могут рождать определенные метафоры (у И. Бунина: *ключи живой воды*). Напротив, выражение *болотная вода* может вызывать представление о затхлости, невозможности использования, и эти коннотации могут стать основой метафоры *мертвая вода* (у И. Бунина: *низменность с ее мертвыми водами*).

параметр времени бытования или **показатель свежести** (срок бытования): *вешняя, полая вода; весенняя вода; прошлогодняя вода* (значение срока или возраста); *в среднюю воду, в полую воду; половодье*.

Классификационные параметры сорта, места происхождения и времени, характеризующие денотат *воды*, представлены преимущественно прилагательными. Их семантика, с одной стороны, отображает разновидность воды, мотивированную именем географического, природного объекта или явления (*родниковая, прудовая, тропическая, дождевая вода*), а также природной цикличностью, сроком бытования жидкой субстанции (*вешняя, весенняя, полая вода, в среднюю воду, прошлогодняя вода*). С другой стороны, вода может классифицироваться как промышленно-производственный продукт, созданный для потребительских целей: *содовая вода, минеральная вода*. Определительные конструкции дополняются характеризующими лексему *вода* именными атрибутивными конструкциями с зависимым беспредложным генитивом, если речь идет о месте бытования воды (*вода побережья, вода океана, вода сердца*) и предложными конструкциями, если речь идет о назначении воды как продукта (*вода для питья*). Характеризующий *воду* атрибут с локальным значением представлен формой предложного падежа: *вода в пруде, вода в тарелке*. При выражении «сортности» может использоваться комитативная конструкция *что с чем* (*вода с кислотой и содой*). Функцию атрибута в названных конструкциях выполняют существительные, имеющие пространственную семантику (*побережье, океан*), а в бунинской метафоре таким «пространственным» существительным выступает имя *сердце* (*живая вода сердца*).

Лексема *вода* в этом случае, благодаря своему необычному окружению, метафоризируется и начинает осмысляться как мифологема, соотносящаяся с архетипическими представлениями о воде как живой сущности, дающей жизнь и воскрешающей воспоминания, действующие на душу подобно тому, как вода благотворно влияет на организм, оживляя его («Роза Иерихона»).

Таким образом, мы выделили ТГ «Свойства воды» по признакам, которые присущи воде, трактуемой как субстанция. В этом качестве она характеризуется способностью к измерению, к чувственному восприятию, к различному использованию в практике потребления. Вода может также характеризоваться по месту бытования (*родниковая вода*), и в этом случае соответствующие конструкции могут сопровождаться коннотациями, на основе которых рождаются аксиологические оценки воды. *Вода-пространство* характеризуется цветовой гаммой и количественными параметрами – здесь возникает бунинская образ-

ность и прагматическая нагруженность пространства коннотациями могущества и безграничности.

5.2.2. ТГ «Топология воды»

Во второй главе мы рассмотрели пространственное значение лексемы *вода*, образованное по метонимической модели **вещество** ⇒ **заполняемое им пространство**. Пространственные объекты обладают такими топологическими свойствами, как объемность, линейность, двумерность. По утверждению Л. Г. Пановой, лексика, называющая пространственные объекты, изначально содержит в своей семантике представления о пространственных параметрах формы, объема, высоты, длины, ширины и т.д. (Панова, 2003, 255).

Как пишет М. В. Всеволодова, русский язык обладает огромным количеством названий пространственных объектов. Среди них исследователь выделяет ЛСГ слов, предметных/непредметных имен существительных и имен собственных, называющих пространство, типы ландшафта, типы поверхностей, меры длины, пространственные и административные деления, географические реалии и места и др. (см.: Всеволодова, 2009, 31–45). «Языковой образ» называемых данной ЛСГ слов объектов, характеризуется наличием внутреннего объема и/или внешней поверхности, что выражается как на уровне форм *в* + пр.п., *на* + пр.п., *по* + д.п. и др., так и на уровне семантики. Далее мы воспользуемся предложенным М. В. Всеволодовой разделением пространственных объектов по названным выше ЛСГ локативной семантики. Введенным Л. Г. Пановой понятием «денотативного образа» воспользуемся для обозначения называемого объекта, пространственные параметры которого – форма, измерения, объем – содержат в себе представления о его принадлежности к тому или иному топологическому типу.

Возвращаясь к номинациям, выражающим у И. Бунина пространственные представления о денотате *воды* и его топологию, мы имеем в виду такой набор измерений, как глубина, ширина и длина. Они позволяют мыслить воду как **протяженность** – горизонтально/вертикально ориентированное пространство. Кроме того, мы учитываем номинативные единицы, семантика которых, реализуя тот или иной топологический тип, представляет денотат *воды* в качестве **поверхности**, **заполненного/пустого места** или пространства, **емкости-вместилища** (объем).

Парадигму средств выражения обсуждаемой семантики в текстах писателя, таким образом, формируют как грамматические предложно-падежные и именные конструкции с *водой* и ее субститутами в значении 'пространства' (*море, океан* и др.), так и отдельные лексические единицы (*даль, хлябь, бездна, глубина*), подводимые под категориальный признак «пространство».

Топологические типы *воды* как пространства у И. Бунина выражаются сравнительно небольшим количеством языковых единиц – их около 35 номинаций, включая синтаксемы локатива, директива, транзитива, – характеризующихся лексическим разнообразием и средней частотностью словоупотреблений: всего более 230 случаев.

Итак, в рамках тематической группы «Топология воды» в текстах И. Бунина можно выделить ряд парадигматических объединений, которые представляют набор лексем в определенных формах. В основе дифференциации этих парадигматических групп лежат следующие параметры пространственной характеристики денотата *воды*:

протяженность по горизонтали (с включением метафорических номинаций): *даль, ширь, простор, безграничный; поверхность, гладь, необозримая зеркальность, прогалины воды, водная равнина, водные поля, водяные горы/гора, водяные бугры, водные зеркала, зеркало вод, зеркало Днепра, плащаница моря*, (грамм. формы *на* + пр.п., *по* + д.п., *над/под* + тв.п., *из-под* + род. п, *на* + в.п., *с* + род.п.);

протяженность по вертикали вглубь (с включением метафорических обозначений): *глубина (-ы), бездонный, глубже, мелкий, недра, лоно, чрева, утроба*, (в грам. формах *в* + пр.п., *в* + в.п., *из* + род.п.);

протяженность по вертикали вверх (с добавлением параметра формы и количества): *водяные горы, водяные бугры*.

Могут быть выделены и другие дифференциальные параметры пространственной характеристики денотата *воды*, например: *пустое vs заполненное пространство*. Парадигму названного параметра формируют единицы, которые, согласно своей семантике, определяют *воду*, с одной стороны, как обширное, ничем не заполненное пространство: *пустота океана, водяная пустыня*. С другой – как заполненное до предела объемное тело: *вода кишела; океан до сокровенных глубин насыщен сокровенным пламенем неисчислимых жизней* («Ночь отречения», 4, 195). Они, по сути, передают признаки, связанные с протяженностью денотата *воды*, с его размерностью, мыслимой в качестве онтологического состояния (*океан насыщен жизнью*) и первичного принципа

устройства мира (*пустота океана*). Однако основную роль в структуризации обсуждаемой тематической группы играет топологическое противопоставление признаков внутреннего объема, а также мыслимого в качестве плоского либо рельефного предмета денотата *воды*. По количественной представленности, как мы видели, наиболее объемную группу представляют слова со значением 'протяженность по горизонтали', то есть 'поверхность.' На этом основании мы считаем ее центром описываемой тематической группы, а остальные две подгруппы – ее периферией.

Вместе с тем подгруппа **протяженность по вертикали вглубь** (в грам. формах *в + пр.п.*, *в + в.п.*, *из + род.п.*) позволяет концептуализировать пространство как вместилище: *океан до сокровенных глубин насыщен сокровенным пламенем неисчислимых жизней* («Ночь отречения», 4, 195).

Быть вместилищем означает способность включения чего-то в себя, в свои границы и представляет собой локализацию внутри. Быть поверхностью подразумевает двумерное топологическое образование, плоскость которого существует в системе соответствующих ему координат. В языковой картине мира И. Бунина названным топологическим свойствам *воды* соответствуют существенные, реализующиеся в контексте параметры, которые коррелируют, с одной стороны, с понятиями «контейнера» и «объема», с другой – «плоскости», но также и «выпуклости».

Хотя поверхность воды как двумерное топологическое образование в норме горизонтальна, тем не менее, она может представлять собой сложную рельефную фигуру, форма которой по ее топологическому типу сопрягается с «выпуклостью». У И. Бунина для характеристики *воды* по названному параметру используются имена названий рельефа местности: *гора (-ы)*, *холмы*, *бугры*.

Нужно сказать, что члены парадигматических подгрупп, функционируя в тексте, вызывают определенные коннотации – будучи метафорическими обозначениями воды, они возбуждают образы первоисточника сущего, родящего органа или создают библейскую аллюзию: *плащаница*, *утроба*, *лоно*. Очевидно, их вовлечение в текст можно трактовать особенностями бунинской концептуализации воды, близкой философским теориям древних.

5.2.3. ТГ «Поверхность воды и ее характеристика»

Форма как способ существования объекта и его параметр, как нам представляется, в авторской картине мира И. Бунина играет особую роль в концептуализации действительности. Можно сказать, что форма, определяющая топологический тип объекта, в прозе писателя при описании «водного мира» может рассматриваться как художественное средство. Именно благодаря использованию языковых средств, выражающих понятие формы, создается образно-эмоциональная ткань произведения, настроение текста. В текстах писателя присутствует целая совокупность разнообразных по выражаемой семантике образных, лексических и грамматических единиц, способствующих созданию топологического типа объекта по его форме. Данная группа – это достаточно большой класс слов по разнородности представленных в нем номинаций – около 57, – а также по их количеству – более 270 словоупотреблений, в том числе метафорических. В принципе, такое акцентирование внешних свойств предметов, включая их форму, присуще творчеству И. Бунина, манера которой определена как эстетика «внешней изобразительности».

Форма, согласно современным исследованиям по семантике, входит в наши представления о предметных вещах, существующих в окружающем нас мире. Как отмечает Л. Г. Панова, ссылаясь на работы А. Вежбицкой, в семантике конкретного предметного существительного уже заложены представления о формах или контурах вещи, о ее размерах и параметрах (Панова, 2003, 274).

При восприятии сознание человека фиксирует визуальные признаки отдельных предметов и, прежде всего, их форму – объемную, линейную, вытянутую. Описывая состояние поверхности воды, форма также оказывается сопряженной с характером ее движения, обусловленного воздействием на нее каких-то внешних сил.

Совокупность имен (субстантивов, адъективов и предикатов), в семантике которых заложено представление о форме, в составе обсуждаемой тематической группы образует несколько парадигм. Они в текстах прозаика используются в роли художественных средств, описывающих водную поверхность. В системе их выделения лежат следующие семантические признаки, включающие в себя и метафору формы (*ожерелье моря, панцирные волны, полосы белого пламени, блюда пламени* и др.):

линейные формы водных объектов (в том числе и формы изогнутых линий): *полоса, линия, грань, черта, горизонт, край* (напр., *полоса золотой воды,*

извилистые линии заливов, тонко начертанные полосы течений и оттенков, изгибы реки, стальные полосы реки, полосы белого пламени [о пене], золотая полоса Средиземного моря, грань моря, зыбкая грань, черта горизонта, горизонт, край воды);

Члены этой подгруппы «работают» на создание образа водного пространства как дискретного, как объекта, отделенного от других объектов.

геометрические (или близкие к таковым) формы: *круглый, полукруг, дуга, клубы, звезды, изгибы, борозды, извивы, извилистый (напр., широкие круги, раскатывающегося круга по воде; расходящаяся кругами вода, черным кругом лежала, круглая чернеющая равнина, полукруг моря, полукругом касалась неба [о равнине моря], тугие клубы, тугими клубами, клубы кипени, голубые звезды, [море прыгало] серебряными звездами, борозды огненной пены, огромной дугой выгнулись, извивы Иордана, извивы Босфора);*

Как видим, здесь доминирует форма круга (полукруга), что на языке символов означает «целостность, непрерывность, первоначальное совершенство. Округлость священна как наиболее естественное состояние, содержащее самость, неявленное, бесконечное, вечность. Это время, заключающее в себе пространство и отсутствие времени, как отсутствие начала и конца, пространства, верха и низа» (Словарь символов, 2000). Возможно, автор не вкладывал в изображаемую им форму поверхности названное символическое содержание. Тем не менее столь часто повторяющийся корень *-круг-* заставляет задуматься о корреляции между символическим значением круга и метафизическим значением *воды* в творчестве И. Бунина.

формы, аналогичные формам предметов или реалий окружающей действительности: *след, дорога, лента, ожерелье, иглы, гвозди, точки, плащаница, зеркало (-а), блюда, сеть (напр., малахитовый след; сонно кипящая, бледно млечная дорога; лентой синело море; ожерелье его [моря] черного изгиба; пляшущего золотыми иглами моря, сыпались мириады белоогненных игл, осыпанная несметными серебрянными иглами гладь; по неподвижной и ровной поверхности зеркально-голубой воды, быстро шумя и пестрея темными точками, запрыгали бесконечные гвозди; плащаница моря, зеркала Кианского залива, блюда пламени, сеть мелкой зыби);*

Здесь мы имеем метафорические употребления, сами по себе являющиеся художественным средством создания образности.

образуемая колебанием воды ландшафтно-рельефная форма (с включением метафорических номинаций): *волна, гряда, вал, ухаб, ухабистый, студе-*

нистый, зыбь, рябь, зыбкий, рябилась, морщилась, пена, водопады, холмы, горы (напр., водопады снежной пены, водопады брызг и пены, поверхность морщилась, река рябилась, зыбкая равнина, широкими снежными грядами, стекловидными валами, большой вал, глянцевыми буграми, черными ухабами, ухабистая равнина, студенистые холмы волн, горы океана);

зооморфные и антропоморфные формы: *уж, удав, хвост павлина, сказочный змей, змейки, змеевидно, чешуя рыбы, спрут, барашки, панцирный, гребень (-и), горбы, гривы, космы, косматый, глаз, язык (напр., волна как хвост павлина, как чешуя рыбы, допотопный спрут, барашки волн, панцирные волны, волны кипят гребнями, горбы волн, гривы пены, космы тумана, седые космы пены, косматой пеной).*

Приведенные метафоры формы уподобляют водное пространство живому существу, обладающему органами восприятия и элементами интеллекта.

Выше мы отмечали, что использование линейных форм применительно к «водному миру» концептуализирует воду как объект, как дискретный элемент, имеющий границу, отделяющую этот объект/предмет от других. Если субстанция не имеет границы, то пространство/поверхность мыслится уже иным образом – объект же, обладающий внутренней энергией, может стать производителем действия, влиять на другие предметы.

Вместе с тем имена линиеподобной семантики, например, *линии, полосы, лента, изгибы* и др., становятся средством характеристики водной поверхности, придавая ей контурно-географический вид и оформленность. Так, например, в рассказе «Надежда» контурно выделяются *извилистые линии заливов, тонко начертанные полосы течений и оттенков* (2, 236), а в рассказе «Маленький роман» море синее *яркой длинной лентой* (2, 298). Подобные имена существительные становятся источником художественной выразительности. Эти имена характеризуют то лунное отражение, проявленное на поверхности воды, как в рассказе «Крик», в виде *огромной золотой полосы* (3, 166); то, как в рассказе «Сны Чанга», определяют движущуюся массу водной пены, представляемой в образе *полос белого пламени* (4, 118); то, как в рассказе «Тень Птицы», рисуют на поверхности воды *длинный малахитовый след* (3, 499) за кормой, появляющийся в результате движения судна; то фиксируют линию видимого предела, в рассказе «Генрих» метафорически представленного в образе *драгоценного ожерелья морского изгиба* (5, 368); то передают ощущение острой, режущей боли, создавая в рассказах «Генрих», «Копье Господне», «Сны Чанга» метафорический образ *золотых пляшущих, серебрянных и белоогненных игл* (5, 368; 3, 368; 4, 116).

В ряду форм интересно употребление номинации *язык*, которая в контексте артикулируется в составе привычной общеязыковой метафоры *языки пламени*, характеризующей и формирующей образ огня. Однако данный образ в языковой картине мира И. Бунина получает несколько иную интерпретацию, поскольку становится образным средством, характеризующим воду. Так, в рассказе «Море богов» о воде, уподобляемой огню, говорится: *глядел на это горящее масло, лизавшее пароход и порою плескавшее языками бирюзового пламени <...>* (З, 519). Данный прием уподобления воды огню, которое достигается путем введения характеризующих огонь признаков горения, языков пламени и т.д., явление довольно часто встречающееся в идиолекте И. Бунина. Поэтическое сближение двух стихий также становится основанием для формирования метафоры воды, в которой она выступает в качестве жидкого источника света: она *блестит, горит, загорается* и др.

Формы, называющие части тела животных и человека, используются и для характеристики формы как способа существования воды. Они преимущественно используются для образной характеристики колебательного движения водной поверхности, именуемого лексемой *волна*. И. Бунин использует такие образные номинации, описывающие волну, как *горбы, гривы, хвост, гребень, барашки*. К отмеченным примыкают и другие метафорические номинации, определяющие форму волны – *бугры, клубы, валы, горы, холмы* и др. Эти средства и одушевляют воду, наделяя ее качествами живых существ, и сближают с земной поверхностью, делая ее с одной стороны, более «знакомой», с другой – напротив, заставляя человека чувствовать свою «малость» на фоне вертикально ориентированных форм земной поверхности.

Из грамматических явлений, сопрягаемых с формой, следует отметить особую роль формы тв.п. сравнения (*кипят гребнями*). Она позволяет использовать описание формы для создания динамической картины водного пространства.

5.2.4. ТГ «Способы бытия воды в природе»

Мир прозы И. Бунина является своеобразной «энциклопедией воды» – здесь представлены практически все способы и формы ее существования в природе. Это и природный уровень проявления воды, и бытовой способ ее использования, и физиологический, связанный с химико-биологическим строением живых организмов и процессами жизнедеятельности. Состав данной тематической

группы, естественно, не является однородным и складывается из нескольких подгрупп. В основе их выделения лежат когнитивные признаки, отражающие знания человека о воде и обычно отражаемые в качестве семантического компонента в значении слова.

Вода в природе: формы существования

Состав обсуждаемой подгруппы в целом представлен 32 (всего более 320 вхождений) лексемами и фраземами, которые номинируют, с одной стороны, влагу, существующую в какой-либо форме, включая осадки (*дождь, снег, град, роса*), выпадающие на землю в капельно-жидком и твердом виде. С другой – указывают на некоторую массу жидкости, постоянно перемещающуюся в определенном направлении. Если в первом случае движение атмосферных масс направлено исключительно сверху вниз, то во втором – перемещение водяных потоков характеризуется различной векторной направленностью. Иначе говоря, направление движения жидкости может быть любым: как горизонтальным, по поверхности, а также вертикально ориентированным и вверх, и вниз.

В текстах И. Бунина подгруппу «Вода в природе: формы существования» образуют единицы, маркированные по следующим семантическим параметрам:

отдельные частицы и их скопление, включая атмосферные осадки и их перифрастические обозначения: *капли, брызги, роса, снежинки, снег, снега, ледяшки, сугроб, град, дождь, дождик, ливни; водяная бегущая сеть, белая крупа, мокрый бисер;*

происхождение потока, его скорость движения, его направление и объем: *поток, родник, источник, ключ, ключи, ручей, ручьи, струя, струйки, стремнина, потоп, водоворот.*

В целом подгруппа, состоящая из названных именных парадигм, менее структурирована. Семантика отдельных составляющих ее членов отражает диффузность денотата (атмосферные осадки – *дождь, снег*). Семантика других членов указывает на естественное происхождение потока, движущегося из недр земли как по вертикали (*родник, ключ*), так и по горизонтали (*ручей*). Семантика еще одной микрогруппы слов может быть определена через параметр объема жидкости и скорости (*потоп, стремнина, водоворот*).

И здесь возможна образность, достигаемая перифрастическим метафорическим обозначением состояния природы и нанизыванием слов, семантически соотносимых с лексемой *вода*:

Но ветер не разгонял тумана, напротив, нагонял все гуще его холодный, темно-сизый дым, душил им, его пахучей сыростью, и казалось, что за его непроглядностью нет ничего – конец мира и всего живого. Картуз, чуйка, ресницы, усы, все было в мельчайшем мокром бисере («Таня», 4, 331).

Физиологические выделения

Одной из концептуальных, определяющих воду характеристик является то, что она выступает в качестве «непрерывной составной части живых организмов» (НОСС, 2004, 119). Данный «витальный» признак мотивирует выделение небольшой группы слов – всего 5 лексем и 26 их словоупотреблений, – семантически соотносящихся со способностью живых организмов выделять специфические влагу, жидкость, вещество, появляющихся в результате происходящих в теле человека химических и биологических процессов: *слезы, слеза, пот, слюна, понос*.

Указанные лексеммы занимают периферийное положение, состав парадигмы характеризуется немногочисленностью как по количеству ее членов, так и по количеству их употреблений:

<...> *слезы*, как теплая вода <...> («Велга», 2, 140); <...> *пот* градом льет <...> («Геннисарет», 3, 585).

Однако, несмотря на маргинальность данной парадигмы, некоторые составляющие ее единицы, например, лексема *слюна*, в языковой картине мира И. Бунина используются и в непрямой функции, в форме тв.п. сравнения, метафорически называя и определяя чувственный образ воды:

<...> *волны били густой, мутной слюной* <...> («История с чемоданом», 4, 616).

Функциональные разновидности воды

В данную парадигму, небольшую по составу и количеству употреблений (всего 60), входят 22 номинации. Их выделение обусловлено совокупностью семантических факторов: функционально-целевым назначением их денотата и общим категориальным семантическим признаком, определяемым нами как «средство для чего-то». Объединенные общностью семантики (наличие семантического компонента 'вода' при развернутом толковании значения) и энциклопедических знаний носителя культуры об участии человека в процессе их производства, лексические единицы данной группы слов подразделяются на подгруппы в зависимости от сферы их применения (бытовое, ритуальное, лечебное, косметическое) и от характера употребления:

напитки: чай, кофе, какао, шоколад, молоко, мастика, водка, виски, абсент, пиво, вино, вина, винцо, коньяк, ликеры, содовая, сельтерская вода, вода с кислотой и содой, нарзан;

туалетное / косметическое средство, ритуальное благовоние: духи, одеколон, розовая вода, ландышевые капли;

лекарственное средство: эфирно-валериановая микстура.

Включение некоторых слов в группу «Функциональные разновидности воды» (напр., *молоко*) неочевидно и требует более развернутых семантических доказательств. Так, *молоко* и *вода* объединяются категориальным признаком 'жидкость' и предназначением – напиток для питья. Если обратиться к специальным знаниям, то мы обнаружим вхождение воды практически в любой названный выше вид жидкости: «Молоко – уникальный по пищевой ценности и значению для организма природный продукт. В среднем оно содержит 87,5% воды, 12,5% сухих веществ, в состав которых входят 3,3% белков» («Здоровое питание», edka.ru).

Подобную денотативную близость мы обнаружим с каждым членом выделенной парадигмы, однако такая работа потребует обращения к знаниям энциклопедического характера. Нам представляется, что составление подобных парадигм является полезным и для обогащения нашего когнитивного пространства (совокупности знаний, которыми мы владеем).

5.2.5. ТГ «Водоемы и их части»

Мы выделили в текстах И. Бунина 790 словоупотреблений (при общем количестве 45 номинаций), в которых вода категоризуется как объемное тело – *пространство + объект*. При этом подавляющее большинство словоупотреблений приходится на номинации естественных водоемов, которые и составляют отдельную тематическую группу. Семантическими признаками, на которых базируется выделение единиц парадигмы, являются следующие:

общие названия скоплений воды (в том числе функционирующих в качестве мест с определенным назначением): *водоем; водопой, рейд;*

названия естественных впадин, искусственных емкостей и специальных сооружений, заполненных жидкостью: *озеро, озерко, пруд, омут, болото, лужа, река, речка, океан, море, канал, пролив; купальня, криница, колодец, цистерна, фонтан, бассейн, водопровод;*

названия частей водоемов и участков, входящих в морфологию гидросфер: *отмель, гавань, залив, лагуна, бухта, плёс, взморье, прибой, устье, излучина, дно, ложе (потока), рукав Нила, приток, разлив (реки/Днепра), затон, заводь, порог (-и);*

прямые или метафорические обозначения параметра 'глубина водоема': *бездна, глубина, пучина, хлябь, пропасть.*

Нельзя не отметить, что слова последней микрогруппы нагружены определенными коннотациями и в прозе И. Бунина характеризуют проявление воды как силы стихии в ее пугающей безмерности. При этом по отношению ко многим из названных выше слов имя существительное *водоем* выступает в качестве их гиперонима. Данная лексема в корпусе прозаических текстов И. Бунина встречается только в сочетании с именем собственным *Водоем Луны* (3, 542), *Водоем пророка Иезекииля* (3, 542; 5, 476), *Водоемы Соломона* (3, 545). Таким образом, прозаик определяет *водоем* не только как заполненную водой емкость, но и как исторически реальное место, геотопос:

<...> там, глубоко внизу за узким окном, виден был древний «Водоем пророка Иезекииля», зеленоватая вода которого лежала, как в колодце, в квадрате соседних сплошных домовых стен с решетчатыми окошечками, – та самая вода, в которой купалась Вирсафия, жена Урия, наготой своей пленившая царя Давида («Весной, в Иудее», 5, 476).

Нужно сказать, что в языковой картине мира И. Бунина использование названий водоемов демонстрирует расширение этой категории в диахронической перспективе. Так, в текстах ранней прозы писателя преимущественно реализуются типичные для рельефа России названия водоемов и их частей, эксплицированные лексическими единицами *река, озеро (-а), пруд (-ы), болото, ручей (ручьи), устье (реки, Днепра), разливы (реки)* и их диминутивными формами *речка, озерко*. Причем номинация *ручей* используется и в метафорической функции для того, чтоб показать движение отраженного водой света на объемных предметах, как, например, в рассказе «Сны Чанга»: *<...> а по низкому потолку струились, текли и не утекали извилистые зеркальные ручьи* (4, 111). На данном этапе номинация водоема, выраженная лексемой *море*, встречается редко, всего в нескольких рассказах, таких, как «Велга» (1895), «Туман» (1901), «Осенью» (1901), «Надежда» (1902–1932), «Маленький роман» (1909–1926). При этом в рассказе «Велга» лексема *море*, выступая в контексте стилизации фольклорного сюжета, впервые функционирует как метафизическая сущность – персонифицированная суверенная сила, а также как первобытный хаос, образ которого в

контексте формируется сочетанием *Ледяное море*. Контекст зрелой прозы И. Бунина не ограничивается употреблением названных номинаций водоемов. В нем появляются и другие лексемы, такие как: *океан* и *Океан*, *бездна* и *Бездна*, а также коннотативно окрашенные слова – *омут*, *пучина*, *хлябь*, развивающие, также как *море*, метафизические значения первоестества (*prima materia*), первобытного хаоса (напр., в рассказе «Сны Чанга»). В текстах прозаика, написанных после 1910 гг., все чаще появляются определяющие морфологию частей гидросферы такие лексические номинации, как *взморье*, *залив*, *лагуна*, *гавань*, *рейд*, *пролив* и др., так и их географические топонимы/гидронимы *Босфор*, *Дарданеллы*, *Гибралтар*, *Перим* и т.д. Очевидно, все это связано с фактами личной биографии автора – в 1907 году он посещает страны Востока – Сирию, Египет, Палестину, а после 1910 года – Европу и Цейлон. Естественно, расширяется и его «водный мир», и его мировоззренческие установки.³⁷

5.2.6. ТГ «Гидронимы и их география»

Личная жизнь И. Бунина, отраженная в его творчестве, в немалой степени представлена географией мест, так или иначе связанных с водой. В текстах писателя можно выделить номинации, определяющие (а) части света, (б) города и страны, (в) собственно гидронимы. Их география простирается с запада на восток и включает в себя 40 номинаций гидросферы как северного, так и южного полушария, а также более 90 случаев их использований в контексте:

параметр, характеризующий воду по частям света: *южные воды*, *северное море*, *северные и тропические моря*; *южное море*;

параметр, характеризующий воду по названиям стран: *озера Швейцарии*, *китайская река*;

параметр, характеризующий воду по названиям городов: *гавань Коломбо*, *Неаполитанский залив*, *Суэцкий канал*;

собственно гидронимы: *река Келани*, *Средиземное море*, *Красное море*, *Нил* и его перифраз *священная река*, *Днепр*, *Донец*, *Днестр*, *Бук*, *Балтийское море*, *Черное море*, *Босфор*, *Дарданеллы*, *Индийский океан*, *Атлантический океан*, *Аравийское море*, *Мраморное море* и его перифраз *Пропонтида*, *Эгейское море*,

³⁷ О влиянии буддийской культуры на творчество И. Бунина написано достаточно много: см. напр., Сливцкая, 1999.

Мертвое море и его перифраз *Асфальтическое море*, *Мареотис*³⁸, *Кедрон*³⁹, *Иордан*, *море Тивериадское*⁴⁰ и его синоним *море Галилейское*, *Гибралтар*, *речка Мста*, *Сена*, *Ледяное море*.

5.2.7. ТГ «Характер и особенности движения воды»

До сих пор фокус нашего описания определялся свойствами *воды*, ее топологией, принимаемой ею формой, которая рассматривалась разносторонне: и как категория бытия обсуждаемого денотата, и как способ его вербализации, и как художественное средство создания выразительности при описании объекта. Теперь мы переходим к очень большому классу слов, характеризующих *воду* с точки зрения ее движения. Данная группа – одна из самых многочисленных по количеству составляющих ее единиц (примерно 106, более 330 словоупотреблений) – представлена парадигмой, семантика которой мотивирована рядом параметров. Обширность группы неудивительна, если учесть, что одним из основных свойств воды является ее текучесть, ставшая основой метафорического представления о преходящности жизни.

Вода предстает в картине мира и как жидкость, и как пространство, и как стихия. В каждой своей ипостаси она обладает движением, по-разному концептуализируемым в языке. Поэтому мы выделили следующие подгруппы по признакам:

движение и перемещение⁴¹ **жидкости:** *идти, пойти, ходить, уходить, бежать, взбегать, убегать, прибегать, добегать, нестись, мелькать, (с шумом) пролетавшая, взлетающая, вырываться, мешаться, удаляться, бегущая, бежавшая, накатывающая, накатилась, дрожащая; качаться, плескаться, всплескиваться,*

³⁸ Озеро на севере Египта.

³⁹ Библейский гидроним.

⁴⁰ Озеро на с.-в. Израиля, еще называющееся морем Галилейским или озером Геннисарет (Кинерет).

⁴¹ Термины «движения» и «перемещения», находясь в родо-видовых отношениях, в лингвистической литературе обычно разводятся, поскольку определяют явления разного порядка. По В. Г. Гаку, перемещение выражают глаголы, указывающие на движение, связанное с преодолением пределов некоторого пространства (*войти/выйти в сад/из сада*) (Гак, 1996, 8). Если указаний на преодоление некоторого пространства нет, то и процесс перемещения не реализуется, как, напр., в выражении *гулять по саду*, хотя действие, выраженное глаголом гулять, семантически связывается с совершением некоторого движения (Гак, там же). Таким образом, В. Г. Гак движение связывает с действием, указывающим на отсутствие состояния покоя у объекта, перемещение – с преодолением пространственных пределов, обозначаемых объектами. В нашей работе под данные термины подводится любое физическое действие, которое задается как собственно глаголами движения, так и глаголами, связанными с самим процессом такого действия.

выплескиваться, течь, натечь, струиться, переливаться (в значении 'вытекать'), *переливаться* (в значении 'литься с одной стороны на другую'), *разливаться* (озерами); *капать, сыпать, сыплется, рассыпаться, бурлить, бушевать, хлестать, сечь* (в значении 'литься/изливаться сильно, с шумом'); *катиться, перекачиваться; взвиваться, метаться, трепетать, прыгать, запрыгать, разыграться, падая, проноситься, расходящаяся, расступаться, сходиться, потянуться, скользить, колебаться, сливаться, волноваться, расшибаться, двигаться, метаться, влизываться* (на берег), *вздуваться, шириться, разваливаться, взвиваться; расти*, (с грозным шумом) *вырастала, распахиваться*.

Статическое положение воды передается глаголами *лежать, стоять*:

Вода низко и плоско *лежала* перед правым бортом (2, 206); <...> *теперь эта блестящая, чуть переливающаяся золотом вода в десяти шагах от них лежит* плоско и низко (5, 560); <...> *виден был древний «Водоём пророка Иезекииля», зеленоватая вода которого лежала, как в колоде, в квадрате соседних сплошных домов* <...> (5, 476).

Вода как пространство, поверхность рассматривается в глубинной структуре как место и как маршрут. В этом качестве объектом в пространстве воды могут выступать:

средства передвижения по воде: *корабль, пароход, парходик, лодка, баркас, барка, судно, пирога* (8).

В текстах И. Бунина вода представлена как обладающая динамикой сущность, что уже продемонстрировано глаголами движения, однако и форма движения воды является объектом авторского внимания, что реализуется целой подгруппой слов в рамках описываемой парадигмы:

форма движения: *струями, потоками, ручьями, светящимися горами, грядками, крутящимися валами, буграми, холмами, волнами, кругами, рыбами* (плещется), как *стекло* (влизывается на берег), *горбами, стеклянным холстом, жемчужными водометами, длинными иглами, долинами, длинными складками, длинными стеклянными нитями, серой зыбью, гребнями пены, колючим серебром, черной смолой, разводами, кружевами* (25).

Приведенные конструкции создают чувственный, метафоризированный образ природной субстанции. Фиксируя визуальные признаки отдельных составляющих водного потока (*иглами, нитями, ручьями, струей* и т.д.), а также его поверхности (*валами, волнами, буграми* и т.д.), данные лексем и грамматика их функционирования в текстах тематически непосредственно сопрягаются с поэтикой формы. Поэтому, исходя из сказанного, можно понять, почему еди-

ницы, определяющие внешние проявления перемещения *воды*, оказываются одновременно включенными в парадигмы и других тематических групп.

Среди названий транспортных средств перемещения по воде, составляющих 8 лексем и их 67 словоупотреблений, следует отметить и проиллюстрировать такие, как *пароход*, в некоторых вариациях *корабль*. За их видимой конкретностью и вещной предметностью в авторской картине мира скрывается символический подтекст, связующий в текстах писателя конкретный артефакт и его мифологизированный референт. Например, в рассказе «Господин из Сан-Франциско» *корабль/пароход* с весьма символическим названием «*Атлантида*» становится средством реализации глубинной метафорики воды, отражающей, с одной стороны, общекультурные представления о лодках как средствах передвижения в иной мир. С другой – отображает бунинские представления о цивилизации как мире инферно, символом которой и становится пароход «Атлантида». Вместе с тем корабль в языковой картине мира И. Бунина, как например, в рассказе «Конец», может выступать в двойной функции. С одной стороны, корабль становится своеобразным символом «Ноева ковчега», которому уподобляется бегство из охваченной революцией России. С другой, – являясь средством передвижения, отражает архетипические представления, в контексте которых путешествие по воде символизирует переход в мир иной, в данном случае – в мир вынужденной эмиграции, что, по сути, приравнивается концу:

вдруг меня озарило <...> я на чужом пароходе, <...> России – конец, да и всему, всей моей прежней жизни тоже конец, даже если случится чудо и мы не погибнем в этой злой и ледяной пучине! (4, 220).

5.2.8. ТГ «Характер и особенность действий, совершаемых водой»

Данная тематическая группа являет собой совокупность разнородных по форме и выражаемой ею акциональной и каузативной семантике единиц – всего 20 лексем и около 30 случаев их использования. Ее специфика заключается в том, что в центре ситуации, описываемой входящими в данную группу лексемами, оказывается собственно имя существительное *вода*. *Вода*, выступая в функции логического или грамматического субъекта, сама совершает действие или физическое воздействие, а также становится каузатором некоторых действий и состояний. Обычно такое действие у И. Бунина оказывается выраженным страдательными конструкциями и формой тв.п. инструмента имени *вода* или

его аналогов *дождь, океан, море, ручьи* и др., реже – именительного субъекта: *затоплен водой, прикрыт водой, водой унесло, пересыщено водой; вода помешала, затопила, размыла, качает, выкидывает, отшвыривает, сжимает, заливают* и др. Единство группы определяется типом описываемой ситуации, когда *вода* в качестве ее актанта – активного или пассивного – воздействует на другие, окружающие ее предметы (позиция каузатора):

залитый, затоплен, прикрыт, изрыт, насыщенный, пересыщено; помешать, уносить, качать, заколыхать, размывать; захлестнуть, заливать, сжимать, забрызгать, размахивать, выкидывать, обдать, отшвырнуть.

Характерная особенность единиц, входящих в данную группу, заключается, с одной стороны, в том, что они в контексте определяют качественные свойства объектов, связанные с воздействием на них воды: *овраги изрыты, рвы промыты, лапти насыщены, сапоги залиты водою*. При этом акцентирующим является изменение свойств объекта, входящих в контакт с *водой*, которая в контексте выступает в функции каузатора происшедших изменений. С другой стороны, составляющие обсуждаемую группу единицы, в контексте которых *вода* выступает в роли субъекта действия, часто характеризуют ее как стихийную силу (*вода сжимает, опутывает, качает*).

5.2.9. ТГ «Характерные действия, связанные с использованием ВОДЫ»

Это – сравнительно большая тематическая группа и по разнообразию входящих в нее единиц (около 80), и по количеству их употреблений – более 150. Отличительной чертой данной группы является то, что составляющие ее единицы могут отображать два типа основных ситуаций. Во-первых, в центре описываемой ситуации определенного действия оказывается некий одушевленный или неодушевленный объект. В контексте он, выполняя функцию субъекта действия, вступает в контакт с *водой*. В этом своем качестве *вода* может выступать, с одной стороны, в роли объекта, на который направлено действие (*взмутить воду, черпать воду, бороздить воду*), с другой – в роли локализатора действия (*в воду, из воды, по воде*). Во-вторых, *вода* по функции использования сопряжена с определенными особенностями, связанными с ее хозяйственно-бытовым или ритуальным назначением: воду *пьют, льют*, водой *моются, кропят*, воду можно *дать* кому-то и *получить* от кого-то и т.д.

Обозначенное определяет параметры семантической дифференциации обнаруженного в текстах писателя лексического материала и мотивирует выделение внутри группы нескольких разнородных по выражаемой семантике парадигм. В их контексте *вода* характеризуется как объект, на который направлено действие, локализатор и функциональное имя, предполагающее определенный способ использования:

действия, производимые в/на/по воде: мутить, взмутить, резать, черпать, касаться, бороздить, взбить, взрыть; кишеть, купать, проплыть, плыть, мелькать, шлепнуться, нырять, вынырнуть, козлекать, бултыхнуть, бухнуться, шаркнуть, шаркнуться, шлепнуть, броситься, упасть, кидаться, пропасть, погружать, обмокнуть, полоскать, плескаться, качаться, опускаться, войти, выйти, ходить, кануть, выскочить, выбежать, вытаскивать, подняться; скользить, положить (в воду), посадить (на воду); водолаз, мореход;

действия, производимые с помощью воды и обусловленные особенностью функционально-целевого назначения воды: таскать, натаскивать, принести, лить, налить, возить, варить, кипятить, греть, облить (-ся), плеснуть, поливать, кропить, окатить, отливать, вымыть, мыться, мыть, промыть, обдать, пить, испить, выпить, глотать, сосать, вкушать, стягивать (в значении 'пить'), брать, давать, подать, получать; продавец воды, водонос, водовозка, водокачка.

Совершенно естественно, что представления о действиях, связанных с водой, задают глаголы и их формы, за исключением нескольких немногочисленных случаев: *продавец воды, водонос, водовозка, водокачка, водолаз.*

5.2.10. ТГ «Физические состояния, в которых пребывает вода»

Определяемое температурным режимом то или иное состояние денотата *воды* (твердое или газообразное), а также специфика его внешнего проявления, связанная с термической составляющей характеристики процессов нагревания/охлаждения природной реалии, становятся исходным посылом выделения данного класса слов. В него вошли 25 лексических единиц, всего обнаружено около 200 случаев их актуализации. Состав данного класса в системе авторских текстов определяет совокупность термальных признаков, в языке отображающих переход воды из жидкого состояния в газообразное или твердое. Указание на низкий или высокий температурный режим форми-

рует следующие составляющие парадигмы и их метафоризованные аналоги, отражающие связь:

с процессом нагревания/охлаждения воды: *кипеть, закипать, вскипавшие, закипеть, кипящий, задымиться, дымиться, за клубиться, замерзла;*

с результатом изменения термального режима воды: *свежесть, туман, сырость, пар, пары, дым, дымка, мгла, дымная тьма, испарения, снег, лед, льдина, снежинки, водный дым (о тумане), кипень.*

Семантическое ядро данной группы в системе формируют именные лексемы, которые в составе описываемого СП функционируют в роли гипонимов архилексемы *вода*, выступающей по отношению к названным в качестве их гиперонима. Гипонимы *воды* – *роса, снег, град, лед, туман, слякоть, водяной дым, пары* и др., – отображая результат естественного процесса нагревания/охлаждения жидкости, описывают погодные явления и специфические атмосферные состояния. Особенно продуктивной по лексическому объему в текстах И. Бунина оказывается парадигма слов, описывающая специфические атмосферные состояния – *туман, водной дым, пар, пары, мгла, муть, испарения*. Входящие в нее слова при развернутом семантическом толковании обнаруживают семантические признаки 'нахождение в воздушном пространстве большого содержания влаги, которая характеризуется непрозрачностью' (напр., *туман* – непрозрачное состояние воздуха в нижних слоях атмосферы вследствие скопления в нем водяных паров) (Ожегов, 1989).

Если глаголы *закипать, замерзать* употребляются в своем непроизводном значении в том случае, когда их состояние каузируется человеком или воздействием природной среды (*вода в чайнике закипела/вода в умывальнике замерзла*), то глаголы семантической группы кипения *кипеть, вскипать, дымиться, задымиться* при *воде*, выступающей в роли неактивного субъекта, становятся средством художественного описания, поскольку в переносном значении у этих глаголов появляется «живописный компонент»:

<...> и с шумом **закипела** вода, загремели сходни (4, 383).

И. Бунин не ограничивается вовлечением собственно «термальных» глаголов в качестве художественного средства описания внешних проявлений воды. Писатель, как правило, также использует глагольные формы (*кипящий, вскипавший*) и субстантивы (*кипень*), оживляя их «живописный компонент» метафорой. Так, в рассказах «Страна содомская», «Господин из Сан-Франциско» внешние проявления стремительного движения воды в бурю задают метафоры *кипящего рассола, вскипавших пенистыми хвостами громад, кипени* и др.:

<...> море, жгуче-соленые, горькие волны которого тяжки, как чугуны и в бурю, **«покрытые кипящим рассолом»**, потрясают берега своим гулом <...> (3, 570); <...> точно плугом разваливая на стороны их зыбкие, то и дело **вскипавшие** и высоко взвивавшиеся пенистыми хвостами громады <...> (4, 55–56); Тяжелая корма дрожит, плавно отделяясь от пристани и выбивая из-под себя **клубы кипени** <...> (3, 500).

5.3. Метафорические потенции членов семантического поля «Вода». Вода и ее аналоги как метафоризатор

В языковой картине мира *вода*, активно включаясь в процесс метафоризации, сама довольно часто становится источником тропеических построений, когда свойственные ей признаки, формы и состояния переносятся на объекты окружающего мира и используются для их характеристики. Поэтому обсуждение СП «Вода», как нам представляется, было бы не полным, если его не расширить описанием образного контекста, в котором *вода* и ее аналоги реализуют свой метафорический потенциал. В частности, в прозе И. Бунина такие формы существования воды, как *слеза, струя, водоворот, волна, река, море, водоворот, родник, океан, бездна*, а также характерные для нее действия – *литься, разливаться, шуметь, течь, плыть, струиться* – регулярно используются в метафорических значениях и образных контекстах. Они, таким образом, в текстах писателя формируют основу переносов как в области предметной, реже не предметной (эмоциональной) сферы, так и в области метафизического, эмпирически непостижимого. Этим и мотивируется дальнейшая градация представления собранного материала. С одной стороны, в фокусе нашего описания оказывается конкретное. С другой – часть тропов из представленного ниже перечня переносится и на характеристику умопостижимых сущностей, связанных с осмыслением мироздания и его онтологии. В общей сложности метафорика воды является небольшой по количеству представленных в ней единиц (53) и их словоупотреблений – всего более 135.

Вода – источник метафоризации реалий предметного мира и не предметной сферы

В текстах И. Бунина метафоризация в предметной и не предметной сфере, когда внешние и концептуально значимые признаки денотата *воды* (кинети-

ческие, звуковые, параметрические – форма, размер, визуальные, термальные и др.) используются в качестве модуля сравнения для описания видимого и чувственного мира – явление широко распространенное. Здесь можно выделить несколько характерных для поэтической манеры автора типов тропеических высказываний. Это сравнительные обороты преимущественно с союзом *как* (а также с *словно, точно, якоже*), форма тв.п. сравнения, генитивная метафора (*море колосьев*). К ним примыкают метафорические перифразы и метонимические выражения, например, *серо-каменное море, песчаная волна, ледяная муть огромного потока*, референтом которых выступают реалии предметного (природного и человеческого) мира – *пустыня, дюны, барханы, Невский проспект* как часть городского топоса. В процессе образных употреблений в текстах авторской прозы к тому же используются собственно номинативные единицы СП «Вода». К таковым, согласно проведенному исследованию, относятся имена, входящие в группы форм бытия воды, названий водоемов и их частей – *ливни, пучина, бездна, море, дождь*, – также глаголы, определяющие в русском языке характерное для воды движение и действия, связанные с ней: *литься, течь, струиться, разливаться* и т. п. Они в текстах писателя используются для обозначения движения и описания «неводных» субстанций. Названные средства образных построений формируют состоящую из нескольких подгрупп парадигму образных изображений *воды* – около 100 словоупотреблений подобного рода. Образность достигается:

сравнительными конструкциями с *как, словно, точно, якоже*: *полоса воздушной бездны, как полоса далекого моря; шумит, как море, ветер; огни города были рассыпаны точно где-то в темном море; как далекое море, яркая лента неба льется; степь, как море широкое; народу развелось, как рыба в море; среди равнин, где, как в море; Моавитские горы, как южное море в тумане; Келесерия сияет, как море; море, как шипящий снег, рассыпалось; течет река к морю, идет год за годом; как дождевая капля с тугого листа лотоса, скатывается с меня Желание; мир шумит, как море; якоже восходит море волнами своими.*

Помимо сравнительных оборотов с *как, словно, точно, якоже*, в прозе писателя встречаются конструкции, в которых уподобление воде природных реалий и явлений осуществляется по предикативной классифицирующей модели (то есть формируется утверждение, что X как определяемое есть Y, его определяющий): *солнце – родник, льющийся на землю*, а также по модели параллельного сопоставления, например, движения воды и хода времени: *течет река к морю, идет год за годом;*

формами сравнения, включая тв.п. сравнения: *крупной слезой висит Венера* («Страна содомская», 3, 569), *аспидные холмы, что волнами идут к горе* («Пустыня дьявола», 3, 566); *темной водяной струей выписывает цифру восемь* («Соотечественник», 4, 132); *солнце – неиссякаемый родник всех сил, льющихся на землю* («Море богов», 3, 523); *летевшие по ветру дымными волнами* («Петлистые уши», 4, 126); *морями разливались по полям ржи* («При дороге», 3, 425); *вино рекой лилось* («Я все молчу», 3, 468); *пустыня, каменным волнистым морем падающая к Иордану* («Пустыня дьявола», 3, 562); *кузнечики сухим дождем сыплются* («Далекое», 2, 251); *пыль летит черным дождем* («Туман», 2, 204); *лепет листьев, струящихся тихим дождем* («Жизнь Арсеньева», 5, 114) и др.;

генитивной метафорой: *море колосьев* («Поздней ночью», 2, 174); *море веселья* («Старуха», 4, 146); *бегут серо-зеленые волны ржи* («Далекое», 2, 251); *водоворот карет* («Петлистые уши», 4, 126); *необозримый океан белых застывших волн* (об облачном слое); *волны ржаного моря* («Жизнь Арсеньева», 5, 15); *среди моря выколосившейся пшеницы*; *безграничное море тьмы* (о чувствах); *море хлебов, трав и цветов* («Жизнь Арсеньева», 5, 9); *розово-голубое море пара* («Свет зодиака», 3, 534); *в этом каменном коридоре течет непрерывная река ослов, имамов, верблюдов* («Песня о гоце», 4, 90); *и море пепельно-сиреневых холмов теряется в мгlistой глуши* («Пустыня дьявола», 3, 561); *жаркое море дюн и долин* («Свет Зодиака», 3, 536); *вдали темное море долины* («Храм Солнца», 3, 582); *море крыши* («Море богов», 3, 519); *море тьмы* («Ермил», 3, 310); *черное море земли* («Жизнь Арсеньева», 5, 9); *море пепельно-сиреневых холмов* («Пустыня дьявола», 3, 561); *золотое озеро Босфора*; *бездна знойного воздушного пространства* («Сны Чанга», 4, 113); *бездна снежного урагана и мрака* («Лапти», 4, 316); *бездна света* («Братья», 4, 22); *бездна величия* («Белая лошадь», 2, 289); *зыбь люстр* («Натали», 5, 389) и др.;

метафорическими выражениями: *знойное серо-каменное море* (перифраз пустыни); *потонул в этом бешено несущемся степном море* («Лапти», 4, 316); *ледяная муть огромного потока, каким казался Невский* («Петлистые уши», 4, 126); *поплыли кровли и купола Стамбула; под застывшей песчаной волной* («Страна содомская», 3, 571); *ионическая пустыня* – перифраз Ионического моря («Отто Штейн», 4, 142); *погрузился он, как водолаз, в пучину милосердия божия; по всему телу прошла тошная, предсмертная волна* («Веселый двор», 3, 252); *лились нити тонкого дивного света* («Море богов», 3, 522); *текущей дрожащими ручейками дороге* («Игнат», 3, 278); *по низкому потолку текли, струились и не утекали извилистые зеркальные ручьи* («Сны Чанга», 4, 111), *река забвения* («Надписи», 4, 327) и др.

Особенности движения и перемещения воды, выраженные глаголами, отражающими процесс движения, например, *литься, разливаться, течь, струиться, идти*, переносятся и на ландшафтные объекты окружающего мира, в том числе и статические по своей природе. Такой прием, используемый И. Буниным, создает динамическую, живую картину неживой природы. Так, *холмы волнами идут, зеркальные ручьи* (в значении отраженного водой света) *текут, волнистая линия струится, яркая лента неба льется (как море), ржи разливаются, нити света льются* и т.д.

Таким образом, можно говорить о достаточно обширном поле метафорических значений, приобретаемых членами СП «Вода». «Водный мир» становится основой сравнения для предметов вещественной действительности, благодаря чему они приобретают динамические свойства воды, и весь мир начинает уподобляться водному миру как первоисточнику сущего.

«Водный код» неводных сообщений» как форма концептуализации метафизических сущностей

В. Н. Топоров в одной из своих работ, посвященной «поэтическому» комплексу моря, отмечает, что в «поэтическом» тексте неизбежно отражаются «культурные смыслы», связанные с памятью о праистоках и т.д. Однако при этом «морской код», являясь кодом «неморского» сообщения, служит лишь формой, своего рода глубинной метафорой (Топоров, 1995б, 577, 578). Действительно, «память о праистоках», сохраняющаяся, прежде всего, на уровне мифа и мифологической картины мира, в языке обнаруживает себя, как отмечает Н. Г. Брагина, на уровне мифопоэтических реликтов, выраженных «словами-концептами», например, *хаос, Тартар, Прометей* и т.д., а также языковых образов, в которые трансформируется, редуцируется и семантизируется миф и мифологическое (Брагина, 2003, 19). Перефразируя мысль В. Н. Топорова о «морском коде неморского сообщения», важно отметить, что актуализация отражающего миф культурно-языкового кода, назовем его «водный», в художественном тексте связывается не только и не столько с описанием зрительного восприятия самой реалии воды (хотя и это важно). Актуализация названного, скорее, связывается с неизмеримо более глубоким, стоящим за зрительным образом стихии воды, обнаруживающимся на уровне подсознательного и архетипического.

Как показал анализ авторских текстов, у И. Бунина ряд лексем в составе СП «Вода», включаясь в процесс образных употреблений, построенных на

метафорической основе, начинает «транслировать» экзистенциальную проблематику. Связь «водных» образов с жизнью и смертью, мифологическим хаосом как колыбелью и могилой всего сущего, временем и вневременностью, культурой и цивилизацией, Все-Единым, частью которого, по И. Бунину, является и человек, в том или ином виде часто сопричастен повествованию. Парадигму номинаций и выражений «водного» комплекса, связанных с архетипом воды и его мифопоэтикой, составляет небольшая – всего около 35 единиц, – но семантически емкая группа слов. К наиболее продуктивным единицам «водного» комплекса, моделирующих в авторских текстах метафизику *воды* и ее использование в «не-вещной» функции, относится ряд именных номинаций, фразем, устойчивых сочетаний и перифраз: *живая вода, живая волна, океан, Океан, естество; слепая и темная, но стократ живая, глухо бунтующая Бездна* («Сны Чанга», 4, 116–117), *бездна бездн, Бездна-Праматерь, Богиня Жизни; какая-то великая и несказанно свободная сила* («Сны Чанга», 4, 116–117); *хаос, отчее лоно, Лоно; тьма, черная темнота, чернота, муть, мгла.*

Совершенно очевидно, что через сочетаемость *воды* и ее аналогов в текстах писателя реальность наделяется «не-вещной» функцией, характерной для мифологических форм мышления. Здесь необходимо отметить несколько моментов.

Во-первых, И. Бунин реализует привычную для мифопоэтической традиции «формулу» *живой воды*. Она в авторских текстах чаще всего реализуется в актах персонификации, хотя в некоторых случаях акцентируется и объектная функция *воды*: *не удалось ему испить воды вечной жизни, о которой ему говорили; она в стране Мрака* («Смерть пророка», 3, 171). Выступая активным действующим агенсом, «живая вода» в образах *живой волны, океана, моря, бездны, отчего лона, тьмы* и др. наделяется и качествами, которыми обладает действующий субъект. Она *родит, поглощает, дышит, глядит, охватывает, дает, моет, опутывает, выбрасывает, ходит.*

Во-вторых, в авторских текстах прослеживается связь воды с первобытным, довременным состоянием дотварного мира. У И. Бунина эту связь воплощает образ хаоса, библейского и античного одновременно, который в авторских текстах выступает и в качестве библейских *хлябей, бездны бездн, тьмы* и др. Образ хаоса как *моря, океана* и его *естества* в картине мира писателя сопряжен с мифологемой границы двух миров и перехода на «тот» берег, который в древних мифологиях ассоциируется со смертью. И. Бунин, обыгрывая круг архаических образов смерти, использует их для иных символов: цивилизация,

«красная» Россия в авторских текстах на ассоциативном уровне выступает в качестве антимира, а корабль и путешествие на нем в некоторых случаях становится символом «мертвой» жизни.

В языковой картине мира И. Бунина, таким образом, отражается архетипический принцип восприятия реальности воды, в парадигму средств выражения которого включаются такие единицы, как *живая вода, живая волна, океан, Океан, Бездна, бездна бездн, Бездна-Праматерь, Богиня Жизни, хаос, отчее лоно, тьма, темнота, чернота, дышать, глядеть, «Атлантида»*. Они в текстах писателя, являясь средством описания денотата *воды*, вместе с тем выступают в качестве номинаций экзистенциальной проблематики. Это происходит тогда, когда знаки иных «семантических матриц» – «жизнь», «смерть», «память», «хаос», «*prima materia*» и «естество», «персонофицированная стихия», «время» и «вневременность», – представленные тропами сравнения, уподобления, эпитета, на уровне концептуального согласования сопрягаются с *водой* и составной частью включаются в СП «Вода».

5.4. Выводы

Мы представили лексику бунинского «водного мира» как семантическое поле, что соответствует ряду теорий репрезентации концепта уровнем СП. Это поле структурируется десятью тематическими группами (ветвящимися на подгруппы), а также парадигмой метафорических репрезентаций воды, в силу чего уместнее было бы назвать сформированный нами конструкт тематическим полем «Вода», однако мы придерживаемся традиционной терминологии исследований, что позволяет нам в конечном счете связать семантику и структуру выявленного конструкта с концептуальным содержанием имени *вода*. Эту взаимосвязь мы и постарались отразить в нижеприведенной **схеме 5**.

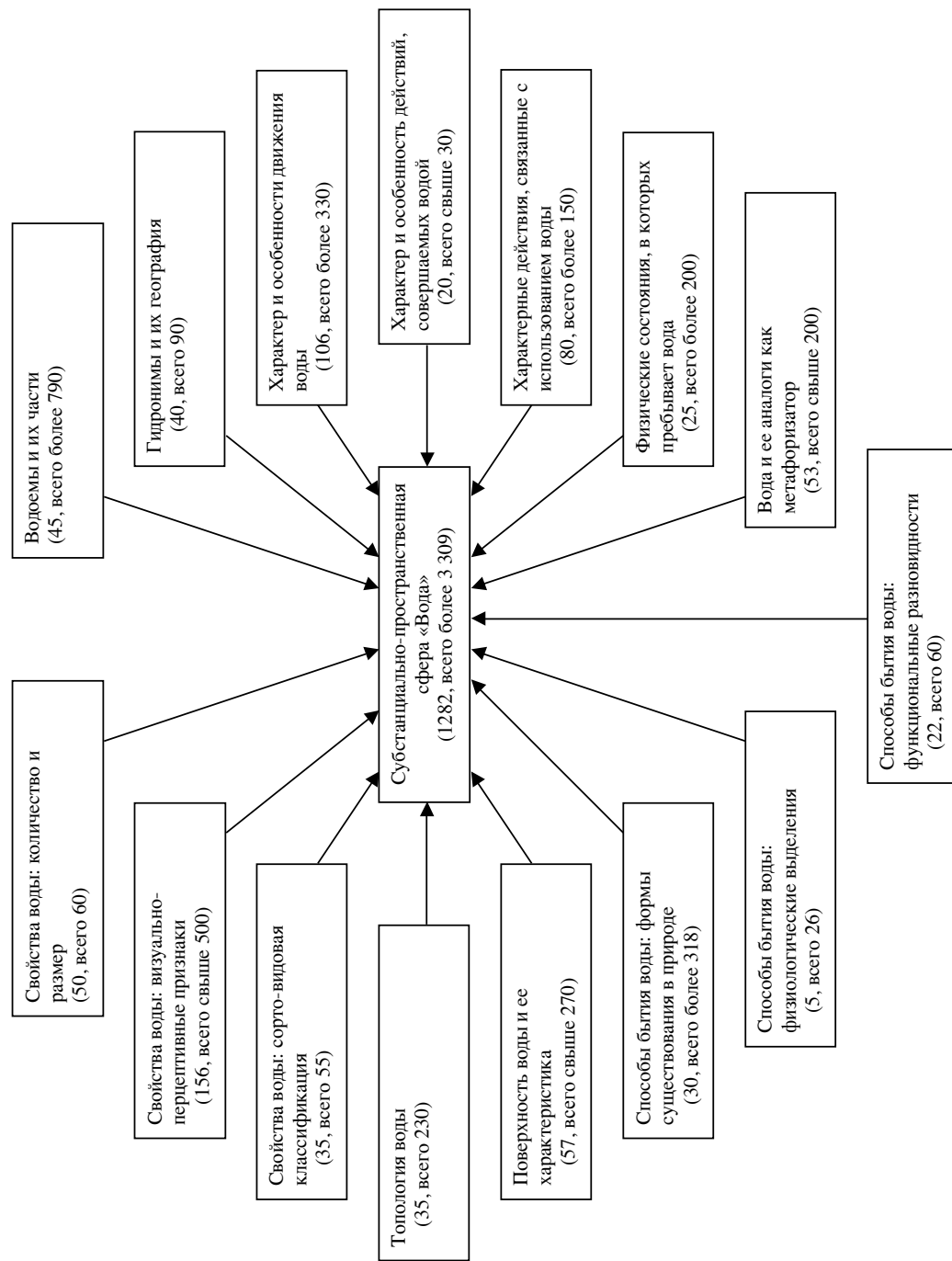

Схема 5. Семантическое поле «Вода». Частотный тезаурус (в подсчетах две цифры: первая обозначает количество лексем, отображающих денотативную область воды; вторая, с пометой «всего», – описывает сумму словоупотреблений всех «водных» лексем в прозе И. Бунина)

Итак, как показал анализ, в прозе И. Бунина СП «Вода», представленное нами на уровне его номинативных и метафорических значений, являет собой многочисленное по составу и разнообразию выражаемой им семантики системно-структурное объединение. В нем оказывается отображенной целостная, определяющая денотат *воды* у И. Бунина, субстанциально-пространственная сфера, большая и по разнообразию и количеству представленных в ней номинаций (более 1360 единиц), и по своей численности (всего свыше 3309 словоупотреблений). Так, в составе, структуре и функционировании исследованного СП «Вода» в авторском языке наблюдается несколько тенденций, связанных с когнитивным осмыслением концепта «вода» в прозе писателя.

В отличие от состава СП «Вода» в русском языке, выделенного другими исследователями, мы включили в СП такие тематические группы, как «Свойства воды» «Топология воды», «Поверхность воды», показав коннотативные возможности их членов и их участие в создании неповторимой бунинской поэтической манеры.

С точки зрения структурирования поля мы полагаем, что его центр составляет синонимический ряд с доминантой *вода*, к которому примыкают с разной степенью отдаленности различные тематические группы. Достаточно трудно говорить о распределении групп по параметрам ближней и дальней периферии. Здесь можно руководствоваться различными критериями:

1) семантической близостью членов групп с лексемой *вода* на уровне семной структуры номинаций. В таком случае наиболее близкой окажется группа «Водоемы и их части», где значение *вода-пространство* образовано по принципу метонимического переноса: от вещества к субстанции, им заполненной, а также ТГ «Поверхность воды». Остальным группам можно отвести место на дальней периферии;

2) ролью тематических групп в создании авторской картины мира, то есть авторской образности. Здесь наибольшими возможностями попасть в ближнюю периферию обладают уже другие группы. Так, выделение группы «Свойства воды» показало, что представление воды в авторском «водном мире» по сравнению с русским языком значительно шире. *Вода* у И. Бунина, помимо традиционных для обыденного сознания когнитивных признаков *прозрачность, отсутствие цвета и запаха, текучесть, витальность, способность существовать в виде водоемов и осадков*, характеризуется в том числе и иными признаками качества, включая их *визуальные, обонятельные и слуховые* компоненты. Можно констатировать, что во многих случаях элементы данной

группы СП, употребляясь в бунинском тексте, выполняют как изобразительную функцию, так и способствуют выражению психологического состояния персонажа. Если от состава СП переходить к картине мира как совокупности средств, этот мир рисующих и сопрягающихся в определенных связях, то можно сказать, что названная подгруппа играет немаловажную роль в авторской картине мира, придавая ей образность и эмоциональную насыщенность. Это касается, прежде всего, тех случаев, когда параметр 'количество/размер' относится к *воде-пространству*.

Особой продуктивностью в бунинском идиолекте отличается парадигма формы, входящая в ТГ «Топология воды» и «Поверхность воды и ее характеристика», в известной мере влияющая на бунинскую поэтику в изображении «водного мира». Так, функционируя в тексте, члены этих групп вызывают определенные коннотации – будучи метафорическими обозначениями воды, они возбуждают образы первоисточника сущего, родящего органа или создают библейскую аллюзию: *плащаница, утроба, лоно*. Очевидно, их вовлечение в текст можно трактовать особенностями бунинской концептуализации воды, близкой философским теориям древних.

Мы выделили в отдельную группу метафорические выражения, где метафоризатором является *вода* и ее аналоги. Здесь можно говорить, что, благодаря процессу метафоризации, где сферой источником (в терминологии Лакоффа, Джонсона) является вода, «водный мир» становится основой сравнения для предметов вещественной действительности, благодаря чему они приобретают динамические свойства воды, и весь мир начинает уподобляться водному миру как первоисточнику сущего. В других же случаях связь «водных» образов с жизнью и смертью, мифологическим хаосом как колыбелью и могилой всего сущего, временем и вневременностью, культурой и цивилизацией, Все-Единым, частью которого, по И. Бунину, является и человек, в том или ином виде соприсутствует повествованию и вписывает творчество писателя в мировую философскую традицию осмысления вселенской роли воды.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Опираясь на принцип интегральности описания языка, идею о наличии в сознании индивида так называемой «наивной» картины мира и концептов как узловых ее точек, а также на представления о концепте как многослойной структуре, была разработана модель исследования мира *воды* в прозе И. Бунина. Эта модель идет от микроуровневого этапа исследования отдельных грамматических форм и конструкций к макроуровню: выделению смысловых приращений и анализу концептуального содержания *воды*, и далее – к представлению лексики бунинского «водного мира» как семантического поля. Так, исходя из установки об определенной связи между лексемой и концептом, обозначенным именем *вода*, а также используя комплексную методику, включающую **анализ дефиниций, установление семантических связей в духе Московской семантической школы** и в том числе **дискурсивный анализ**, мы обратились к характеристике семантической структуры *воды*, реализующейся в прозе И. Бунина, обозначенной соответствующей лексемой как единицей лексической семантики. Использование понятия «категория» дало возможность вскрытия когнитивных механизмов, формирующих семантическую структуру *воды* в прозаических текстах И. Бунина. Категориальный признак приравнивался нами к логической, понятийной части концепта, то есть рассматривался как «базовый каркас» концептуального содержания имени *вода*. Анализ грамматических форм *воды* и конструкций с этой лексемой, обнаруженных в текстах авторской прозы, стал основой разграничения частных подзначений категориального значения. Анализ сочетаемости *воды* в каждом из подзначений, включая метафорическую, и более широкого контекста позволил выявить их прагматическую нагруженность в рамках этой лексики. Обращение к интертекстуальному дискурсу способствовало выявлению коннотативных и символических значений *воды*, реализующихся в текстах И. Бунина, которые составили образно-перцептивный и оценочный слой концепта, его культурную составляющую. Созданная методика описания авторского языка и моделирования авторских концептов в перспективе может быть применена для исследования фрагментов картины мира, организованных определенным ментальным феноменом как в художественных текстах, так и в текстах других жанров, например, политических.

2. В результате проведенного анализа лексико-грамматических средств концептуализации содержания, связанного с *водой*, использования понятия

категоризации было выделено **четыре** (три категориальных и одно символическое) значения лексемы, также было показано, как эти значения и их подзначения порождают определенные слои концепта. В основу выделения **трех основных (категориальных) значений** – **вода-жидкость, вода-пространство, вода-стихия** – легли соответствующие признаки, или три архисемы, которые реализуются в составе частных лексических **подзначений**. Выделение **четвертого** (дополнительного) **символического значения** лексемы *вода* обусловлено интертекстуальным характером творчества И. Бунина – вода как проявление мифического Хаоса и одновременно Божественной сущности. Это значение *воды* у И. Бунина выступает в качестве символа **амбивалентных начал**, что позволило присвоить ей статус мифологемы и установить соотнесенность с библейскими текстами и мировой философией. Использование аппарата когнитивной лингвистики дало возможность увидеть категориальный аппарат образования и выделения значений, являющийся частью когнитивной деятельности человека, а распространенность реализации того или иного категориального значения лексемы *вода* в прозе И. Бунина позволило, в свою очередь, говорить о значимости той или иной категории в его картине мира. Исследование показало, что лексико-семантическая парадигма слов, в которую входит лексема *вода* в категориальном значении ‘пространство’, объемна и по разнообразию представленных номинаций, и в их количественном измерении (всего свыше 2000 случаев из более 3309 всех словоупотреблений). Полученные данные свидетельствуют о том, что в текстах И. Бунина широко представлено пространственное значение *воды*, реализация которого сопрягается с богатым лексическим арсеналом языковых средств. Все это делает возможным говорить и о специфике «водного мира» в творчестве И. Бунина, где важную позицию занимает категоризация воды как пространства.

Каждое значение и подзначения лексемы *вода* обладают специфической лексико-семантической парадигмой, включающей синонимы, антонимы и аналоги. Так создается «водный мир» прозы И. Бунина.

3. Анализ семантической структуры «бунинской *воды*», ее значений и подзначений, был дополнен анализом глубинного слоя концепта, который проводился с опорой на идеи Московской семантической школы, соотносимые с американской генеративной семантикой и грамматикой. Этот глубинный слой был представлен на языке терминов ролевой (актантной) грамматики. Так, в ходе исследования были определены глубинные семантические (актантные) роли, которые в сознании субъектов картины мира выполняет вода в ситуа-

циях реальной действительности. Обращение к идеям «ролевой грамматики» позволило представить глубинный уровень существования концепта и тем самым продемонстрировать когнитивный механизм появления отдельных категориальных значений и подзначений лексемы *вода*.

Было установлено, что концепт обладает более многомерной структурой, чем та, что отмечена в российской лингвистике.

4. Выделенные в работе категориальные значения с соответствующими подзначениями, их прагматическими приращениями и глубинной семантической ролью были представлены как **субконцепты** в рамках одного концепта, отношения между которыми определяются или семантическими переходами (напр., метонимия 'субстанция'→'пространство'), или переплетением семантических ролей в глубинной семантической структуре представления действительности, обуславливающих категориальное значение имени (роль агенса-пациенса → роль чистого агенса). Таким образом, «водный мир» прозы И. Бунина как фрагмент авторской картины мира организуется концептом «вода», состоящим из трех субконцептов – «**вода-жидкость**», «**вода-пространство**», «**вода-стихия**», имеющих в глубинной структуре семантические роли-корреляты, которые образуют в рамках категориальных значений систему подзначений. Каждое из подзначений обрастает оценочно-образными приращениями прагматического характера, в том числе и символическими значениями.

5. Следуя ряду теорий репрезентации концепта уровнем семантического поля, лексика бунинского «водного мира» была представлена в виде системно-структурного объединения, устроенного по принципу поля. Как показало исследование, это поле структурируется десятью тематическими группами, состоящими из подгрупп. Отдельно выделяется группа метафорических потенций, позволяющих воде выступать в качестве метафоризатора других понятий. В силу того, что логику выделения соответствующих групп и подгрупп в составе поля определяет идеографический принцип членения лексем, то уместнее было бы сформированный нами конструкт назвать тематическим полем «Вода». Однако мы придерживались традиционной терминологии исследований, что позволило нам в конечном счете связать семантику и структуру выявленного конструкта с концептуальным содержанием имени *вода*.

Проведенный анализ показал, что в прозе И. Бунина семантическое поле «Вода», представленное в работе на уровне его номинативных и метафорических значений, являет собой многочисленное по составу и разнообразию выражаемой им семантики системно-структурное объединение. В отличие от состава

семантического поля «Вода» в русском языке, выделенного другими исследователями, в структуру одноименного семантического поля бунинской прозы были включены такие тематические группы, как «Свойства воды» «Топология воды», «Поверхность воды». Тем самым были показаны коннотативные возможности их членов, а также их участие в создании бунинской поэтической манеры. Эти группы в авторской картине мира отличаются особой продуктивностью. Более того, выделение тематической группы «Свойства воды» определило, что представление воды в авторском «водном мире» по сравнению с русским языком значительно шире. *Вода* у И. Бунина, помимо традиционных для обыденного сознания когнитивных признаков, таких, как *прозрачность, отсутствие цвета и запаха, текучесть, витальность*, характеризуется в том числе и иными признаками качества, включая их *визуальные, обонятельные и слуховые* компоненты. Можно констатировать, что элементы этой группы, равно как и выделенные парадигмы тематических групп «Топология воды» и «Поверхность воды», функционируя в бунинском тексте, выполняют изобразительную функцию, определяя поэтику воды в бунинском прозаическом творчестве.

В отдельную группу были выделены и метафорические выражения, где метафоризатором является *вода* и ее аналоги. Можно говорить, что, благодаря процессу метафоризации, где сферой источником (в терминологии Дж. Лакоффа, М. Джонсона) является вода, «водный мир» становится основой сравнения для предметов вещественной действительности, благодаря чему они приобретают динамические свойства воды, и весь мир начинает уподобляться, как уже говорилось, водному миру как первоисточнику сущего. В других же случаях связь «водных» образов с жизнью и смертью, мифологическим хаосом и т.п. вписывает творчество И. Бунина в европейскую и буддистскую философскую традицию осмысления роли воды в мире.

6. Полученное в результате исследования лексики «водного мира» И. Бунина семантическое поле «Вода» позволяет проиллюстрировать и роль концепта «вода», без денотата имени которого в целом невозможны очень многие сферы сущего, а без составляющих концепт коннотативных приращений невозможно мышление о сущем.

БИБЛИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ

Библиография

1. Aliūkaitė, D., Šorochova, I. (2006). Konceptas žemė antologijoje „Žemė“: egzilio žodžio patirtys. *Filologija*, 11, 4–7. [Žiūrėta 2015 sausio 15 d.]. Prieiga per internetą: http://vddb.library.lt/fedora/get/LT-eLABa-0001:J.04~ISSN_1392-561X.N_11.PG_4-7/DS.002.0.01.ARTIC
2. Arcimavičienė, L. (2009). Economy metaphors: what associated conceptions underline Lithuanian business? *Respectus Philologicus*, 15 (20), 143–153.
3. Arcimavičienė, L. (2010). *Moralės modeliai viešajame diskurse: kontrastyvinė metaforų analizė*. Daktaro disertacija. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla.
4. Būdvytytė, A., Toleikienė, R. (2003). Akys, siela, širdis ir kitos talpyklos. *Respectus Philologicus*, 4 (9), 134–145.
5. Būdvytytė, A. A. (2005). Metaphorische Versprachlichung des Konzeptes *Geld*. *Filologija*, 10, 13–19.
6. Cibulskienė, J. (2005). Konceptualioji kelio metafora Lietuvos rinkimų diskurse. *Kalbotyra*, LIV (1), 51–64. [Žiūrėta 2015 sausio 15 d.]. Prieiga per internetą: <http://web.vu.lt/flf/g.judzentyte/files/2014/01/konceptualioji-metafora.pdf>
7. Cibulskienė, J. (2006). *Konceptualioji metafora Lietuvos ir Didžiosios Britanijos politiniuose diskursuose*. Daktaro disertacija. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla.
8. Černiauskaitė, D. (2005). *Metaforos raiška lietuvių tautosakoje*. Daktaro disertacija. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla.
9. Dervinytė, I. (2009). Conceptual *Emigration* and *Immigration* Metaphors in the Language of the Press: a Contrastive Analysis. *Kalbų studijos*, 14, 49–55.
10. Drukteinytė, V. (2003). *Sintagminiai veiksmažodinės metaforos požymiai*. Daktaro disertacija. Klaipėda: Klaipėdos universiteto leidykla.
11. Gudavičius, A. (2011). Reikšmė, sąvoka, konceptas ir prasmė. *Res Humanitariae*, 10, 108–119.
12. Juzelėnienė, S. (2007). Conceptual metaphors of time in the Lithuanian language. *Kalbų studijos*, 11, 61–67.
13. Juzelėnienė, S. (2003). Laiko konceptualizavimas lietuvių kalboje. *Kalbotyra*, LII (1), 61–69.
14. Mikulskas, R. (2009). *Kognityvinė lingvistika ir leksikografijos problemos*. [Žiūrėta 2014 liepos 5 d.]. Prieiga per internetą: http://www.lki.lt/LKI_LT/images/Darbuotoju_asmeniniai_psl/dokumentai/kognityvineling.pdf
15. Papaurėlytė-Klovienė, S. (2004a). Konceptualusis liūdesio modelis lietuvių ir rusų pasaulėvaizdžiuose. *Filologija*, 9, 42–47.
16. Papaurėlytė-Klovienė, S. (2004b). *Liūdesio konceptas lietuvių ir rusų kalbose*. Daktaro disertacija. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla.
17. Racevičiūtė, R. (2002). *Metaphorical Motivations of English and Lithuanian Somatic Idioms*. Daktaro disertacija. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla.
18. Ruškys, A. (2011). Konceptas žemė lietuvių frazeologijoje. *Res Humanitariae*, X, 120–140. [Žiūrėta 2015 sausio 15 d.]. Prieiga per internetą: <http://etalpykla.lituanistikadb.lt/fedora/objects/LT-LDB-0001:J.04~2011~1367184175834/datastreams/DS.002.0.01.ARTIC/content>

19. Fillmore, Ch. J. (1968). The Case for Case Reopened. In E. Bach, R. Harms. (Eds.) *Universals in Linguistic Theory*. (pp. 1–88). New York: Holt, Rinehart and Winston.
20. Fillmore, Ch. J. (1977). The Case for Case Reopened. In P. Cole, J. M. Sadock (Eds.), *Syntax and Semantics: Grammatical Relations*. (pp. 59–81). Vol. 8. New York: Academic Press.
21. Jackendoff, R. (1983). *Semantics and Cognition*. Cambridge: MA: MIT Press.
22. Jackendoff, R. (1996). Conceptual Semantics and Cognitive Linguistics. *Cognitive Linguistics*, 7 (1), 93–129.
23. Janda, L., Clancy, S. (2002). *The Case Book for Russian*. Slavica Publishers. Bloomington: Indiana University.
24. Lakoff, G., Johnson, M. (1980). *Metaphors we live by*. Chicago: University of Chicago Press.
25. Langacker, R. W. (1987). *Foundations of cognitive grammar: Theoretical prerequisites*. Vol. I. Stanford: Stanford University Press.
26. Langacker, R. W. (1991a). *Foundations of cognitive grammar: Descriptive application*. Vol. II. Stanford: Stanford University Press.
27. Langacker, R. W. (1991b). *Concept, image, and symbol: The cognitive basis of grammar*. Berlin – New York: Mouton de Gruyter.
28. Talmy, L. (1983). *Spatial Orientation: Theory, Research, and Application*. London: Plenum Press.
29. Talmy, L. (2003). How Language Structures Space. *Towards a Cognitive Semantics: Concept Structuring Systems*. V. I. (pp. 155–154). Cambridge, Massachusetts: The MIT Press.
30. Teun A. van Dijk. (1998). *Ideology: A Multidisciplinary Approach*. London: Sage. Retrieved July 15, 2015, from <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm>; <http://www.discourses.org/OldBooks/Teun%20A%20van%20Dijk%20-%20Ideology.pdf>
31. Wierzbicka, A. (1991). *Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction*. Berlin: N. Y.: Mouton de Gruyter.
32. Woodward, J. (1980). *Ivan Bunin: a Study of his Fiction*. Chapel Hill, NC: The University of North Carolina Press.
33. Аверин, Б. В. (2003). Метафизика памяти («Жизнь Арсеньева» Ивана Бунина). В *Дар Мнемозины: Романы Набокова в контексте русской автобиографической традиции*. (С. 176–230). Санкт-Петербург: Амфора.
34. Айхенвальд, Ю. И. *Иван Бунин. Его стихотворения*. [Дата обращения: 10. 07. 2015.]. Адрес ресурса: http://dugward.ru/library/bunin/aihenv_bunin.html
35. Алефиренко, А. Ф. (2005). *Спорные проблемы семантики*. Москва: Гнозис.
36. Апресян, Ю. Д. (1995а). Образ человека по данным языка: попытка системного описания. *Вопросы языкознания*, 1, 37–67.
37. Апресян, Ю. Д. (1995б). (1974–1-е изд-е). *Избранные труды: Лексическая семантика: Синонимические средства языка*. Т. I. Москва: Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература» РАН.
38. Апресян, Ю. Д. (1995в). *Избранные труды: Интегральное описание языка и системная лексикография*. Т. II. Москва: Школа «Языки русской культуры».
39. Апресян, Ю. Д. (1995г). Проблема фактивности: знать и его синонимы. *Вопросы языкознания*, 4, 43–63.
40. Апресян, Ю. Д. (2004а). Предисловие. В *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*, (гл. VIII–XI). Москва–Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах.

41. Апресян, Ю. Д. (2004б). Акциональность и стативность как сокровенные смыслы. В сб. статей в честь Н. Д. Арутюновой *Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура*. (С. 13–33). Москва: Языки славянской культуры.
42. Апресян, Ю. Д., Апресян, В. Ю., Бабаева, Е. Э., Богуславская, О. Ю., Иомдин, Б. Л., Крылова, Т. В., Левонтина, И. Б., Санников, А. В., Урысон, Е. В. (2006). Отв. ред. Ю. Д. Апресян. В *Русская языковая картина мира и системная лексикография*. Москва: Языки славянских культур.
43. Апресян, Ю. Д. (2005). О Московской семантической школе. *Вопросы языкознания*, 1, 3–30.
44. Апресян, Ю. Д. (2009). *Исследования по семантике и лексикографии: Парадигматика*. Т. 1. Москва: Языки славянских культур.
45. Апресян, Ю. Д. (2010). Введение. В *Перспектив активнаго словаря русскогo языка*. (С. 17–54). Москва: Языки славянских культур.
46. Арутюнова, Н. Д. (1999). Метафора в языке чувств. В *Язык и мир человека*. (С. 385–399). Москва: Языки русской культуры.
47. Арутюнова, Н. Д., Кубрякова, Е. С. (2001). Юрий Сергеевич Степанов. Очерк о научной деятельности. В кн. под ред. Е. С. Кубряковой, Т. Е. Янко *Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Ю. С. Степанова*. (С. 9–34). Москва: Языки славянской культуры.
48. Афанасьев, В. Н. (1966). *И. А. Бунин: Очерк творчества*. Москва: Просвещение.
49. Бабенко, Л. Г. (2010). Предисловие. *Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии, паремиологии)*. *Перспектив словаря*. (С. 3–19). Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та.
50. Бабенко, Л. Г. (2012). Современный русский язык: языковая картина мира и идеографическая лексикография. *Изв. Уральского фед. ун-та. Серия 2: Гуманитарные науки*, 301–307.
51. Бадмаева, Т. И. (2006). *Концепт «вода» в английской лингвокультуре*. Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград: Волгоградский государственный университет.
52. Бабореко, А. К. (1967). *И. А. Бунин: Материалы для биографии: С 1870 по 1917*. Москва: Художественная литература.
53. Бабореко, А. К. (2004). *Бунин. Жизнеописание*. Москва: Молодая гвардия.
54. Башляр, Г. (1998). *Вода и грезы. Опыт в воображении материи*. [Дата обращения: 24. 07. 2015.]. Адрес ресурса: http://yanko.lib.ru/books/philosoph/bachelard-voda_i_grezu-8l.pdf
55. Богданова, Н. В. (2007). *Лексическая экспликация концепта «Природа» в раннем творчестве И. А. Бунина*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург: РГПУ им. А. И. Герцена.
56. Бондарко, А. В. (1996). Локативность. Вступительные замечания. В кн. под ред. А. В. Бондарко *Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность*. (С. 5–6). Санкт-Петербург: Наука.
57. Бондарко, А. В. (2002). *Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка*. Москва: Языки славянских культур.
58. Бондарко, А. В. (2011). *Категоризация в системе грамматики*. Москва: Языки славянских культур.
59. Борщев, В. Б., Парти, Б. Х. (2011). *Генитив меры в русском языке, типы и сорта*. [Дата обращения: 24. 07. 2015.]. Адрес ресурса: http://www.ruslang.ru/doc/apresjan_festschrift2011/Borshchev-Partee.pdf

60. Брагина, Н. Г. (2003). Мифологический хаос (культурный след в языке). В *Логический анализ языка. Космос и хаос: Концептуальные поля порядка и беспорядка*. (С. 18–31). Москва: Индрик.
61. Брагина, Н. Г. (2007). *Память в языке и культуре*. Москва: Языки славянской культуры.
62. Булыгина, Т. В., Шмелев, А. Д. (1997). *Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики)*. Москва: Языки славянской культуры.
63. Булыгина, Т. В., Шмелев, А. Д. (2000). Перемещение в пространстве как метафора эмоций. В *Логический анализ языка. Языки пространств*. (С. 277–289). Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. Москва: Языки русской культуры.
64. Бахрах, А. (2000). *Бунин в халате*. Москва: Согласие.
65. *И. А. Бунин: pro et contra*. (2001). Сост. Аверин Б. В., Риникер Д., Степанов К. В. Санкт-Петербург: Русский христианский гуманитарный институт.
66. *Бунин без глянца*. (2009). Сост. Фокина П., Сыроватко Л. Санкт-Петербург: Амфора.
67. Буравлева, Н. В. (2005). Лексемы-репрезентанты художественного концепта «Природа» в раннем поэтическом творчестве И. А. Бунина. В *Художественный текст и языковая личность. Материалы IV Всероссийской научной конференции*. (С. 91–94). Томск: ЦНТИ.
68. Вежбицкая, А. (1999). *Семантические универсалии и описание языков*. Москва: Языки славянской культуры.
69. Вежбицкая, А. (2001а). *Понимание культур через посредство ключевых слов*. Москва: Языки славянской культуры.
70. Вежбицкая, А. (2001б). Семантические примитивы. В *Семиотика: Антология*. (С. 241–270). Москва: Академический проект.
71. Вежбицкая, А. (2002). Русские культурные скрипты и их отражение в языке. *Русский язык. в науч. освещении*, 2 (4), 6–34.
72. Вежбицкая, А. (2008). Имеет ли смысл говорить о «русской языковой картине мира»? (Патрик Серио утверждает, что нет). В кн. под ред. А. В. Бондарко, Г. И. Кустова, Р. И. Розина *Динамические модели: Слово. Предложение. Текст: Сб. ст. в честь Е. В. Падучевой*. (С. 177–189). Москва: Языки славянской культуры.
73. Вежбицкая, А. (2011). *Семантические универсалии и базисные концепты*. Москва: Языки славянских культур.
74. Володина, Н. В. (2010). *Концепты, универсалии, стереотипы в сфере литературоведения*. Москва: Флинта, Наука.
75. Воркачев, С. Г. (2002). Методологические основания лингвоконцептологии. В *Теоретическая и прикладная лингвистика: Аспекты метакоммуникативной деятельности*. Вып. 3. (С. 79–95). Воронеж: Воронежский гос. ун-т.
76. Воркачев, С. Г. (2003). Культурный концепт и значение. *Труды Кубанского гос. тех. ун-та: Гуманитарные науки*, 12 (2), 268–276.
77. Всеволодова, М. В., Владимирский, Е. Ю. (2009). *Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке*. Москва: Книжный дом «Либроком».
78. Всеволодова, М. В. (2001). *Фундаментальная прикладная грамматика русского языка как основа для создания учебников и учебных пособий по русскому языку как иностранному*. [Дата обращения: 05. 07. 2015.]. Адрес ресурса: <http://old.kpfu.ru/fil/kn1/index.php?sod=9>

79. Всеволодова, М. В. (2005а). К вопросу о методологиях и методиках лингвистического анализа (на примере категорий пространственных, временных и причинных отношений) (статья первая). *Вестник Московского Университета. Сер. 9. Филология*, 1, 22–49.
80. Всеволодова, М. В. (2005б). К вопросу о методологиях и методиках лингвистического анализа (на примере категорий пространственных, временных и причинных отношений) (статья вторая). *Вестник Московского Университета. Сер. 9. Филология*, 2, 9–34.
81. Всеволодова, М. В. (2010). Язык и его место в мироздании. К вопросу об актуальной грамматике. В *Русский язык: исторические судьбы и современность IV Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы*. (С. 12–13). Москва: МГУ им. М. В. Ломоносова.
82. Гак, В. Г. (1972). К проблеме семантической синтагматики. В *Проблемы структурной лингвистики*. (С. 367–395). Москва: Наука.
83. Гак, В. Г. (1996). Локативность. В *Теория функциональной грамматики*. (С. 3–26). Москва: Наука.
84. Галдин, Е. В. (2006). *Концепт ВОДА как полевая структура и способы его выражения в русском языке (на материале поэтических текстов И. А. Бродского)*. Дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет.
85. Гамкрелидзе, Т. В., Иванов, Вяч. Вс. (1984). *Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры* (в двух частях). (С. 670–671). Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та.
86. Гейдеко, В. А. (1987). *А. Чехов и Ив. Бунин*. Москва: Советский писатель.
87. Гладкова, А. (2010). *Русская культурная семантика: Эмоции, ценности, жизненные установки*. Москва: Языки славянской культуры.
88. Головкин, Н. В. (2006). Метрические и топологические свойства. В *Философские вопросы научных представлений о пространстве и времени. Концептуальное пространство-время и реальность*. [Дата обращения: 24. 07. 2015.]. Адрес ресурса: <http://bookucheba.com/obschaya-filosofiya/metricheskie-topologicheskie-svoystva-10137.html>
89. Гришина, Н. В. (2002). *Концепт вода в языковой картине мира (на основе номинативного и метафорического полей русского языка XI–XX веков)*. Дис. ... канд. филол. наук. Саратов: Саратовский государственный ун-т им. Н. Г. Чернышевского.
90. Гумбольдт, Вильгельм фон. (1984). *Избранные труды по языкознанию*. Москва: Прогресс.
91. Екшембеева, Л. В. (2012). Картирование в учебном процессе. *Вестник КарГУ*. [Дата обращения: 15. 07. 2015.]. Адрес ресурса: <http://articlekz.com/article/6493>
92. Ермакова, О. П. (2000). Пространственные метафоры в русском языке. В кн. под ред. Н. Д. Арутюновой, И. Б. Левонтиной *Логический анализ языка. Языки пространств*. (С. 289–298). Москва: Языки русской культуры.
93. Зализняк, Анна А., Левонтина, И. Б., Шмелев, А. Д. (2005). *Ключевые идеи русской языковой картины мира*. Москва: Языки русской культуры.
94. Зализняк, Анна А., Левонтина, И. Б., Шмелев, А. Д. (2012). *Константы и переменные русской языковой картины мира*. Москва: Языки славянских культур.
95. Зализняк, Анна А. (2013). *Русская семантика в типологической перспективе*. Москва: Языки славянской культуры.
96. Зарникова, Н. Б. (2003). *Лирическая проза А. И. Левитова и И. А. Бунина: жанрово-стилевые особенности, традиции и новаторство*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук.

- Липецк: ЛГПУ. [Дата обращения: 05. 07. 2014.]. Адрес ресурса: <http://www.dissercat.com/content/liricheskaya-proza-ai-levitova-i-ia-bunina-zhanrovo-stilevye-osobnosti-traditsii-inovator>
97. Зильберман, М. И. (2006). *Отцы Авраама*. [Дата обращения: 05. 07. 2014.]. Адрес ресурса: http://samlib.ru/z/zilxberman_m_i/otcyaavraama.shtml
98. Зими́на-Ды́рда, Т. Ю. (2011). *Поэтика цвета и света в прозе И. А. Бунина, П. А. Нилуса и А. М. Федорова*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва: МГГУ. [Дата обращения: 05. 07. 2014.]. Адрес ресурса: <http://www.dissercat.com/content/poetika-tsveta-i-sveta-v-proze-ia-bunina-ra-nilusa-i-am-fedorova>
99. Зими́на-Ды́рда, Т. Ю. (2010). Мир художника в рассказах И. А. Бунина. *Вестник Челябинского гос. ун-та*, 22. [Дата обращения: 05. 07. 2014.]. Адрес ресурса: <http://cyberleninka.ru/article/n/mir-hudozhnika-v-rasskazah-i-a-bunina>
100. Золотова, Г. А. (2009). *Очерк функционального синтаксиса русского языка*. Москва: Книжный дом «Либроком».
101. Золотова, Г. А., Онипенко, Н. К., Сидорова, М. Ю. (1998). *Коммуникативная грамматика русского языка*. Москва: Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова.
102. Золотова, Г. А. (2002). О возможностях функционального исследования языка. *Русский язык в научном освещении*, 1 (3), 65–73.
103. Золотова, Г. А. (2004). *Значение, функция и форма в языке*. [Дата обращения: 15. 02. 2014.]. Адрес ресурса: <http://www.dialog-21.ru/archive/2004/zolotova.htm>
104. Иванова, Д. Н. (2004). *Мифопоэтический и философско-эстетический аспекты воплощения образа природы в прозе И. Бунина*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Елец: Елецкий гос. ун-т им. И. А. Бунина. [Дата обращения: 05. 07. 2014.]. Адрес ресурса: <http://www.dissercat.com/content/mifopoeticheskii-i-filosofsko-esteticheskii-aspekty-voploshcheniya-obraza-prirody-v-proze-ia>
105. Казимянец, Е. (2013). Снег в русской языковой картине мира. *Respectus Philologicus*, 24 (29), 121–130.
106. Карасик, В. И. (2002). *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. Волгоград: Перемена. [Дата обращения: 05. 07. 2014.]. Адрес ресурса: <http://www.studfiles.ru/preview/1806336/page:13/>
107. Карасик, В. И. (2009). *Языковые ключи*. Москва: Гнозис.
108. Кашкин, Е. В., Ляшевская, О. Н. (2013). *Семантические роли и сеть конструкций в системе FrameBank*. [Дата обращения: 18. 09. 2015.]. Адрес ресурса: <http://www.ruslang.ru/doc/kashkin/2013/08.pdf>
109. Киров, Е. Ф., Русецкая, Й. (2012). Концептуализация культурных стереотипов «душа», «тело» и «мир» во фразеологических единицах русского языка (с привлечением литовских параллелей). *Вестник ОГУ. Серия «Новые гуманитарные исследования»*, 1 (21), 428–431.
110. Киров, Е., Русецкая, Й. (2013). *Лингвокультуроцентры «душа» и «тело» в русской и литовской фразеологии*. Saarbrücken: LAP (Lambert Academic Publishing).
111. *Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве И. А. Бунина: Критические отзывы, эссе, пародии (1890–1950-е годы)*. Антология. (2010). В кн. под общ. ред. Н. Г. Мельникова, Т. В. Марченко. Москва: Книжница: Русский путь.

112. Кобозева, И. М. (2000). Грамматика описания пространства. В кн. под ред. Н. Д. Арутюновой, И. Б. Левонтиной *Логический анализ языка. Языки пространств*. (С. 152–162). Москва: Языки русской культуры.
113. Кобозева, И. М. (2004). *Лингвистическая семантика*. Москва: Едиториал УРСС.
114. *Когнитивный анализ слова*. (2014). Под ред. Л. М. Ковалевой, Л. В. Кульгавовой. Москва: Ленанд.
115. Кононова, И. В. (2012). Структура лингвокультурного концепта: методы выявления и семантизации. *Вестник ЛГУ имени А. С. Пушкина. Серия: Филология*, 7 (1), 49–61.
116. Колобаева, Л. А. (1998). «Чистый понедельник» Ивана Бунина. *Русская словесность*, 3, 19–23.
117. Костин, А. В. (2005). Вода. В кн. под ред. проф. В. И. Карасика, проф. И. А. Стернина *Антология концептов*. Т. 2. (С. 24–36). Волгоград: Парадигма.
118. Красавский, Н. А. (2001). *Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах*. Волгоград: Перемена.
119. Кузнецова, Г. Н. (2006). Грасский дневник. В *Бунин и Кузнецова. Искусство невозможного. Дневники, письма*. (С. 401–426). Сост.: О. Михайлов. Москва: Грифон.
120. Кубрякова, Е. С. (1988). Роль словообразования в формировании языковой картины мира. В кн. под ред. Б. А. Серебренникова, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова и др. *Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира*. (С. 141–172). Москва: Наука.
121. Кубрякова, Е. С. (1995). Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигматического анализа). В *Язык и наука конца 20 века*. (С. 144–238). Москва: ИЯ РАН.
122. Кубрякова, Е. С., Демьянков, В. З., Панкрац, Ю. Г. Лузина, Л. Г. (1997). В кн. под общей редакцией Е. С. Кубряковой *Краткий словарь когнитивных терминов*. (С. 90–93). Москва: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова.
123. Кубрякова, Е. С. (1997). *Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы)*. [Дата обращения: 24. 07. 2015.]. Адрес ресурса: <http://feb-web.ru/feb/izvest/1997/03/973-022.htm>
124. Кубрякова, Е. С. (2001а). О тексте и критериях его определения. В *Текст. Структура и семантика*. Т.1. (С. 72–81). Москва: Наука.
125. Кубрякова, Е. С. (2001б). О связях когнитивной науки с семиотикой. В *Язык и культура: Факты и ценности: К 70-ю Ю. С. Степанова*. (С. 283–292). Москва: Языки славянской культуры.
126. Кубрякова, Е. С. (2004). *Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира*. Москва: Языки славянской культуры.
127. Кубрякова, Е. С. (2012). *В поисках сущности языка: Когнитивные исследования*. Ин-т языкознания РАН. Москва: ЯСК. Знак.
128. Курляндская, Г. Б. (1991). Бунин и Тургенев. Сравнительно-типологическое исследование. *Творчество И. С. Тургенева: Проблемы метода и мировоззрения*. (С. 67–86). Орел: Орский гуманитарно-технологический институт.
129. Курносова, И. М. (1995). *Диалектная лексика в художественной прозе начала XX в.: на материале произведений И. А. Бунина, В. В. Вересаева, Е. И. Замятина*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж: Воронежский гос. ун-т.

130. Курносова, И. М. (1997). Диалектизмы в произведениях И. Бунина. В *Материалы по русско-славянскому языкознанию*. (С. 59–64). Воронеж: Воронежский гос. ун-т.
131. Кустова, Г. И. (2000). Когнитивные модели в семантической деривации и система производных значений. *Вопросы языкознания*, 4, 1–25.
132. Лакофф, Дж. (2004). *Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении*. Москва: Языки славянской культуры.
133. Лакофф, Дж., Джонсон М. (2008). *Метафоры, которыми мы живем*. Москва: Издательство ЛКИ.
134. Лассан, Э. (2002). «Надежда»: семантический и концептуальный анализ. *Respectus Philologicus*. [Дата обращения: 16. 01. 2015.]. Адрес ресурса: <http://www.philology.ru/linguistics2/lassan-02.htm>
135. Лассан, Э. (2008). *Лингвокультурология. Очерк русской концептологии*. Вильнюс: Изд-во Вильнюсского педагогического университета.
136. Лассан, Э. (2010). О формах существования концептуальных метафор как индикаторах силы и бессилия общества. *Политическая лингвистика*, 1 (31), 24–33. [Дата обращения: 16. 01. 2015.]. Адрес ресурса: <http://www.philology.ru/linguistics1/lassan-10.htm>
137. Латкина, Т. В. (2006). *Оценочность в идиостиле Ивана Алексеевича Бунина*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград: Волгоградский гос. пед. ун-т.
138. Латкина, Т. В. (2009). Концепт *смерть* в идиостиле И. А. Бунина. *Филологические науки*. [Дата обращения: 16. 01. 2015.]. Адрес ресурса: <http://www.science-education.ru/pdf/2009/6-3/27.pdf>
139. Лихачев, Д. С. (1993). Концептосфера русского языка. *Известия РАН. Сер. лит. и яз.*, 52 (1), 3–9.
140. Лихачев, Д. С. (2006). *Избранные труды по русской и мировой культуре*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов.
141. *Логический анализ языка. Языки пространств*. (2000). Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. Москва: Индрик.
142. *Логический анализ языка. Семантика начала и конца*. (2002). Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. Москва: Индрик.
143. *Логический анализ языка. Космос и хаос: концептуальные поля порядка и беспорядка*. (2003). Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. Москва: Индрик.
144. Лотман, Ю. М. (1998). Структура художественного текста. *Об искусстве*. (С. 14–287). Санкт-Петербург: Искусство–СПБ.
145. Лотман, Ю. С. (2001). Внутри мыслящих миров. *Семиосфера*. (С. 150–390). Санкт-Петербург: Искусство–СПБ.
146. Лурия, А. Р. (1979). *Язык и сознание*. Под ред. Е. Д. Хомской. Москва: МГУ им. М. В. Ломоносова.
147. Ляшевская, О. Н. (2004). *Семантика русского числа*. Москва: Языки славянской культуры.
148. Мальцев, Ю. (1994). *Иван Бунин*. Москва: Посев.
149. Мартиросян, Н. В. (2011) *Концепт вода в русской языковой картине мира (диахронический аспект)*. Saarbrücken: LAP (Lambert Academic Publishing).
150. Мартиросян, Н. В. (2012). *Лингвокультурологический аспект преподавания РКИ*. [Дата обращения: 05. 07. 2014.]. Адрес ресурса: http://www.msiu.ru/science/aai77/scientific/article/s14/s14_47.pdf

151. Маслова, В. А. (2004а). *Введение в когнитивную лингвистику*. Москва: Флинта, Наука.
152. Маслова, В. А. (2004б). *Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой*. Москва: Флинта, Наука.
153. Махова, А. А., Ляшевская, О. Н., Десятова, А. В. (2009). *Части тела с точки зрения топологии: корпусное исследование*. [Дата обращения: 05. 07. 2014.]. Адрес ресурса: <http://www.dialog-21.ru/dialog2009/materials/pdf/48.pdf>
154. *Методологические проблемы когнитивной лингвистики*. (2001). Под ред. И. А. Стернина. Воронеж: Воронежский гос. ун-т.
155. Мечковская, М. Б. (2003). О недоверии к красоте и влечении к хаосу (по лингво-семиотическим данным). В кн. под ред. Н. Д. Арутюновой *Логический анализ языка. Космос и хаос: концептуальные поля порядка и беспорядка*. (С. 41–53). Москва: Индрик.
156. Мещерякова, О. А. (2011). *Семантика перцепции в аспекте художественной когниции И. А. Бунина*. Автореф. дис. ... док. филол. наук. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина.
157. Михайлов, О. Н. (1967). *Иван Алексеевич Бунин: Очерк творчества*. Москва: Наука.
158. Михайлов, О. Н. (1976). *Строгий талант: И. Бунин, жизнь, судьба, творчество*. Москва: Современник.
159. Морозова, И. А. (1999). Составные номинации эмоций в поэзии И. А. Бунина. В *Язык и национальное сознание*. Вып. 2. (С. 146–147). Воронеж: ЦЧКИ.
160. Мустайоки, А. (2006). *Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам*. Москва: Языки славянской культуры.
161. Муромцева-Бунина, В. Н. (1989). *Жизнь Бунина. Беседы с памятью*. Москва: Советский писатель.
162. Назарова, Л. Н. (1971). О пейзаже в «Записках охотника» И. С. Тургенева и в крестьянских рассказах И. Бунина конца 1890-х годов. В *Поэтика и стилистика русской литературы. Памяти академика Виктора Владимировича Виноградова*. (С. 353–263). Ленинград: Наука.
163. Николина, Н. А. (1996). Лингвистический анализ рассказа И. Бунина «Чистый понедельник». *Русская словесность*, 3, 79–83.
164. Норман, Б. Ю. (1994). *Грамматика говорящего*. Санкт-Петербург: Изд-во СПб. ун-та.
165. Онипенко, Н. К. (2001). Теория коммуникативной грамматики и проблема системного описания русского синтаксиса. *Русский язык в научном освещении*, 2, 107–121.
166. Павиленис, Р. (1983). *Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка*. Москва: Мысль.
167. Падучева, Е. В. (2000). Пространство в облиции времени и наоборот. В кн. под ред. Н. Д. Арутюновой, И. Б. Левонтиной. *Логический анализ языка. Языки пространств*. (С. 239–254). Москва: Языки русской культуры.
168. Падучева, Е. В. (2007). «Когнитивные» идеи в теоретической семантике. [Дата обращения: 05. 07. 2014.]. Адрес ресурса: http://lexicograf.ru/files/cognit_2007_fin.pdf
169. Падучева, Е. В. (2009). Нужен ли семантике эпитет «когнитивная»? (О новых идеях и подходах к семантике). В *Статьи разных лет*. (С. 635–646). Москва: Языки славянских культур.
170. Панова, Л. Г. (2003). «Мир», «пространство», «время» в поэзии Осипа Мандельштама. Москва: Языки славянской культуры.
171. Пименова, М. В. (2004). Предисловие. В кн. под ред. М. В. Пименовой *Введение в когнитивную лингвистику*. Вып.4. Кемерово: ИПК «Графика».

172. Письменная, О. А. (2010). *Языковая репрезентация концептосферы жизнь в малой прозе И. А. Бунина*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Сургут: Сургутский государственный педагогический университет.
173. Попова, З. Д., Стернин, И. А. (2005). Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку. В кн. под ред. проф. В. И. Карасика, проф. И. А. Стернина *Антология концептов*, Т. 1. (С. 7–10). Волгоград: Парадигма.
174. Попова, З. Д., Стернин, И. А. (2007). *Когнитивная лингвистика*. Москва: АСТ: Восток–Запад.
175. Попова, З. Д., Стернин, И. А. (2009). *Лексическая система языка: внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы описания*. Москва: URSS, Кн. дом «Либроком».
176. Рахалина, Е. В. (1996). Локативность и вопрос. В *Теория функциональной грамматики*. (С. 27–51). Москва: Наука.
177. Рахилина, Е. В. (1999). *Когнитивный анализ предметных имен: от сочетаемости к семантике*. Автореф. дис. ... док. филол. наук. Москва: Институт языкознания РАН.
178. Рахилина, Е. В. (2010а). *Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость*. Москва: Издательский центр «Азбуковник».
179. Рахилина, Е. В. (2010б). *Лингвистика конструкций*. Москва: Издательский центр «Азбуковник».
180. Рахилина, Е. В., Кустова, Г. И., Ляшевская, О. Н. (2009). Задачи и принципы семантической разметки лексики в НКРЯ. В *Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы*. (С. 215–239). Санкт-Петербург: Издательство «Нестор-История».
181. Родионова, Н. А. (1999). *Типы портретных характеристик в художественной прозе И. А. Бунина: Лингвостилистический аспект*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара: Самарский гос. техн. ун-т.
182. Рудакова, А. В. (2004). *Когнитология и когнитивная лингвистика*. Воронеж: «Истоки».
183. Руднева, О. В. (2007). *Концептуализация пейзажа в малой прозе И. А. Бунина (лингвостилистический аспект)*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Сургут: Сургутский государственный педагогический университет.
184. Руднева, О. В. (2011). Метафорическая модель мира в творчестве И. Бунина. *Вестник Томского гос. университета*, 345, 26–33.
185. Русецкая, Й. (2012а). Концепты «душа», «тело» во фразеологических единицах русского языка. *Вестник МГПУ. Серия «Филологическое образование»*, 1 (8), 8–17.
186. Русецкая, Й. (2012б). *Концептуализации культурных стереотипов душа и тело в русской соматической фразеологии (с привлечением литовских параллелей)*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва: Московский городской педагогический ун-т.
187. *Русская грамматика в 2-х томах*. (1980). [Дата обращения: 12. 02. 2014.]. Адрес ресурса: <http://rusgram.narod.ru>
188. Саськова, Т. В. (1997). *«Чаша жизни» И. Бунина в контексте мировой культуры*. Москва: Московский государственный открытый педагогический университет им. М. А. Шолохова.
189. Сафронова, Э. (2000). *И. А. Бунин и русский модернизм (1910-ые г.)*. Вильнюс: Вильнюсский ун-т.
190. Сливицкая, О. В. (1999). Бунин с точки зрения буддизма. *Русская литература*, 4, 161–163.

191. Сливицкая, О. В. (2004). *«Повышенное чувство жизни»: Мир Ивана Бунина*. Москва: Российский гос. гуманит. ун-т.
192. Склярская, Г. Н. (1993). *Метафора в системе языка*. Санкт-Петербург: Наука.
193. Смирницкий, А. И. (1956). *Лексикология английского языка*. Москва: Изд-во литературы на иностр. яз.
194. Спивак, Р. С. (1966). «Живая жизнь» И. Бунина и Л. Толстого (Некоторые стороны эстетики И. Бунина в свете традиций Л. Толстого). *Ученые записки Пермского гос. университета*, 155, 87–128.
195. Степанов, Ю. С. (2004). *Константы: Словарь русской культуры*. Москва: Академический Проект.
196. Степанов, Ю. С. (2007). *Концепты: Тонкая пленка цивилизации*. Москва: Языки славянских культур.
197. Татарская, Л. А. (2014). Понятие «концепт» в системе наук о культуре. *Вестник МГИМО университета*, 4 (37). [Дата обращения: 24. 07. 2015.]. Адрес ресурса: <http://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-kontsept-v-sisteme-nauk-o-kulture>
198. Титова, М. П. (2012). *Основные метрические свойства пространства*. [Дата обращения: 24. 07. 2015.]. Адрес ресурса: http://www.rusnauka.com/17_AVSN_2012/Philosophia/4_113035.doc.htm
199. Топоров, В. Н. (1993). Пространство и текст. В *Текст: семантика и структура*. (С. 227–284). Москва: Наука.
200. Топоров, В. Н. (1995а). *Вещь в антропоцентрической перспективе (апология Плюшкина)*. [Дата обращения: 24. 07. 2015.]. Адрес ресурса: http://vk.com/doc4662595_154926656?hash=860d86a645a88df8b8&dl=28aabb49a7217e1962
201. Топоров, В. Н. (1995б). О «поэтическом комплексе моря и его психофизиологических основах». В *Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное*. (С. 575–622). Москва: группа «Прогресс» – «Культура».
202. Урысон, Е. В. (1998). Языковая картина мира vs обиходные представления (модель восприятия в русском языке). *Вопросы языкознания*, 2, 3–22.
203. Урысон, Е. В. (2003). *Проблемы исследования языковой картины мира. Аналогия в семантике*. Москва: Языки славянской культуры.
204. Урысон, Е. В. (2011). *Опыт описания семантики союзов: Лингвистические данные о деятельности сознания*. Москва: Языки славянских культур.
205. Фокина, М. А. (2007). *Фразеология в русской повествовательной прозе XIX–XX веков*. Кострома: Костромской государственный университет им. Некрасова.
206. Фрумкина, Р. М. (1995). Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология. В кн. под ред. Ю. С. Степанова *Язык и наука конца 20 века*. (С. 87–99). Москва: ИЯЗ РАН РГГУ.
207. Фрумкина, Р. М. (2001). Константы культуры – продолжение темы. В *Язык и культура: Факты и ценности: К 70-ю Ю. С. Степанова*. (С. 293–308). Москва: Языки славянской культуры.
208. Цивьян, Т. В. (2005). *Модель мира и ее лингвистические основы*. Москва: КомКнига.
209. Чебоненко, О. С. (2012). Образ воды в произведениях И. А. Бунина в контексте восточных религиозно-философских представлений. *Вестник БГУ*. Вып. 6. [Дата обращения: 24. 07. 2015.]. Адрес ресурса: <http://cyberleninka.ru/article/n/obraz-vody-v-proizvedeniyah-i-a-bunina-v-kontekste-vostochnyh-filosofsko-religioznyh-predstavleniy>

210. Чернейко, Л. О. (2001). Металингвистика: хаос и порядок. *Вестник Моск.ун-та. Сер. 9. Филология*, 5, 39–52.
211. Чернейко, Л. О. (1996). Долинский В. А. Имя «судьба» как объект концептуального анализа. *Вестник. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология*, 6, 20–41.
212. Чернейко, Л. О. (2010). *Лингвофилософский анализ абстрактного имени*. Москва: Книжный дом «Либроком».
213. Шафиков, С. Г. (2006). Любовь: категория или концепт. В *Языковые и речевые единицы в разных языках*. (С. 3–36). Уфа: РИО БашГУ.
214. Щербицкая, И. В. (2007). Символизм пространства в цикле И. А. Бунина «Темные аллеи». *Изв. Российского гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена*, 53 (22). [Дата обращения: 15. 02. 2014.]. Адрес ресурса: <http://cyberleninka.ru/article/n/simvolizm-prostranstva-v-tsikle-i-a-bunina-temnye-allei>
215. Щербицкая, И. В. (2008). *Стилистические особенности цикла И. А. Бунина «Темные аллеи»*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала: ДГУ. [Дата обращения: 15. 02. 2014.]. Адрес ресурса: <http://www.dissercat.com/content/stilisticheskie-osobennosti-tsikla-ia-bunina-temnye-allei>
216. Шмелев, А. Д. (2002). *Русский язык и внеязыковая действительность*. Москва: Языки славянской культуры.
217. Шмелев, Д. Н. (1977). *Современный русский язык. Лексика*. Москва: Просвещение.
218. Шраер, М. Д. (2000). Набоков и Бунин. Поэтика соперничества. В *Набоков: Темы и вариации* (С. 128–194). Санкт-Петербург: Академический проект.
219. Щур, Г. С. (2009). *Теории поля в лингвистике*. Москва: Книжный дом «Либроком».
220. Юнг, К. Г. (1991). *Архетип и символ*. [Дата обращения: 24. 07. 2015.]. Адрес ресурса: http://psyah.ru/psychology/jungian/jung_01.html
221. Якобсон, Р. (2001). Поэзия грамматики и грамматика поэзии. В *Семиотика: Антология*. (С. 525–548). Сост.: Ю. С. Степанов. Москва: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга.
222. Яковлева, Е. С. (1994). *Фрагменты русской языковой картины мира*. Москва: Гнозис.

Источники

223. *Collins English Dictionary – Complete and Unabridged*. (1991, 1994, 1998, 2000, 2003). Harper Collins Publishers. Retrieved February 16, 2014, from <http://www.thefreedictionary.com/water>
224. *Collins Thesaurus of English Language – Complete and Unabridged*. (1995, 2002). Harper Collins Publishers. Retrieved February 16, 2014, from <http://www.thefreedictionary.com/water>
225. *Merriam-Webster OnLine*. (2014). Merriam-Webster, Inc. Retrieved February 16, 2014, from <http://www.merriam-webster.com/dictionary/water>
226. *Random House Kernerman Webster's College Dictionary*. K. Dictionaries Ltd., 2010; Random House, Inc., 1991, 1997, 2005. Retrieved February 16, 2014, from <http://www.thefreedictionary.com/water>
227. *The American Heritage Dictionary of the English Language*. (2002, 2005). Houghton Mifflin Company. Retrieved February 16, 2014, from <http://www.thefreedictionary.com/water>; <http://www.ahdictionary.com/word/search.html?q=water&submit>

228. *Thesaurus Based on WordNet 3.0, Farlex clipart collection*. (2003–2012). Princeton University: Farlex Inc. Retrieved February 16, 2014, from <http://www.thefreedictionary.com/water>
229. *Thinkmap Visual Thesaurus*. (1998–2014). Thinkmap, Inc. Retrieved February 16, 2014, from <http://www.visualthesaurus.com/app/view>
230. Аверинцев, С. С. (1980). Вода. В *Мифы народов мира: Энциклопедия*. Т. 1. Москва: Советская энциклопедия.
231. Бабаева, Е. Э. (2004). Вода 1.1, влага 1.1. В *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*. (С. 119–223). Москва–Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах.
232. Баранов, О. С. (2002). *Идеографический словарь русского языка*. [Дата обращения: 10. 07. 2015.]. Адрес ресурса: <http://www.thesaurus1.narod.ru>
233. *Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий*. (2006). Отв. ред. В. Н. Телия. Москва: АСТ-ПРЕСС КНИГА.
234. Бунин, И. А. (1987). Собрание сочинений. В 6-ти т. *Произведения 1887–1909 г.* Т. 2. Москва: Художественная литература.
235. Бунин, И. А. (1987). Собрание сочинений. В 6-ти т. *Повести и рассказы 1907–1914 г.* Т. 3. Москва: Художественная литература.
236. Бунин, И. А. (1988). Собрание сочинений. В 6-ти т. *Произведения 1914–1931 г.* Т. 4. Москва: Художественная литература.
237. Бунин, И. А. (1988). Собрание сочинений. В 6-ти т. *Жизнь Арсеньева. Темные аллеи; Рассказы 1932–1952 г.* Т. 5. Москва: Художественная литература.
238. Васильев, А. И. (2011). *Фразеологический словарь языка И. А. Бунина*. Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина.
239. Гребенников, О. А. (2012). *Частотный словарь рассказов И. А. Бунина*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет.
240. *Глобальная этимология «Старлинг»*. [Дата обращения: 10. 07. 2015.]. Адрес ресурса: www.starling.rinet.ru
241. Горбачевич, К. С., Хабло, Е. П. (1979). *Словарь эпитетов русского литературного языка*. [Дата обращения: 05. 07. 2014.]. Адрес ресурса: <http://padaread.com/?book=49766&pg=29>
242. Даль, В. И. (1978). *Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т.* Т.1. Москва: Русский язык.
243. Даль, В. И. (2009). Толковый словарь. [Дата обращения: 24. 07. 2015.]. Адрес ресурса: <http://slovardalja.net/word.php?wordid=34687>
244. Ефремова, Т. Ф. (2000). *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный*. Москва: Русский язык. [Дата обращения: 05. 07. 2014.]. Адрес ресурса: <http://www.efremova.info>
245. Золотова, Г. А. (1988, 2002). *Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского языка*. (1-2-е изд.). Москва: Наука.
246. Кибрик, А. (1997–2014). Функционализм. В *Энциклопедия «Кругосвет»*. [Дата обращения: 10. 07. 2014.]. Адрес ресурса: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/FUNKTSIONALIZM_V_LINGVISTIKE.html?page=0,4
247. Краснянский, В. В. (2008). *Словарь эпитетов Ивана Бунина*. Москва: Азбуковник.
248. Курносова, И. М. (2006). *Словарь народного языка произведений И. А. Бунина*. Елец: Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина.

249. *Лингвистический энциклопедический словарь*. (1990). Под ред. В. Н. Ярцевой. Москва: Советская энциклопедия. Адрес ресурса: <http://tapemark.narod.ru/les/257a.html>
250. Литературное наследство. (1973). Т. 84: *Иван Бунин*. Кн. 1. АН СССР Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. Москва: Наука.
251. Литературное наследство. (1973). Т. 84: *Иван Бунин*. Кн. 2. АН СССР Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. Москва: Наука.
252. Лосев, А. Ф. (1980). Хаос. В *Мифы народов мира*: Энциклопедия. Т. 2. (С. 579–581). Москва: Советская энциклопедия.
253. Львов, М. Р. (2002). *Словарь антонимов русского языка*. [Дата обращения: 06. 07. 2014.]. Адрес ресурса: <http://www.gramota.ru/slovari/dic/?word=%E2%EE%E4%E0&all=x>
254. Маковский, М. М. (1996). *Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: образ мира и миры образов*. Москва: Владос.
255. *Мифологический словарь*. (1990). Гл. ред. Е. М. Мелетинский. [Дата обращения: 05. 07. 2014.]. Адрес ресурса: <http://myths.kulichki.net/enc/item/f00/s00/a000007.shtml>
256. *Национальный корпус русского языка*. (2003–2015). [Дата обращения: 05. 07. 2014.]. Адрес ресурса: <http://www.ruscorpora.ru>
257. *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*. (2004). Под ред. Ю. Д. Апресяна. Москва–Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах.
258. Ожегов, С. И. (1989). *Словарь русского языка*. Под ред. Н. Ю. Шведовой. Москва: Русский язык.
259. *Проект корпусного описания русской грамматики*. (2011). [Дата обращения: 23. 03. 2014.]. Адрес ресурса: <http://rusgram.ru>
260. *Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь*. (2004). Вып. I. Сост.: И. С. Брилева, Н. П. Вольская, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных. Москва: Гнозис.
261. *Словарь символов*. (2000). [Дата обращения: 02. 07. 2014.]. Адрес ресурса: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/simvol/124>
262. *Словарь современного русского литературного языка АН СССР: в 17-ти т. Т. 2.* (1951). Москва–Ленинград: Академия наук СССР, Институт языкознания.
263. *Словарь русского языка АН СССР: в 4-х т. (1981). Т. 1.* Под ред. А. П. Евгеньевой. Москва: Русский язык.
264. *Толковый словарь русского языка: в 4-х т. (1935). Т. 1.* Под ред. Д. Н. Ушакова. Москва: Гос. ин-т «Сов. энциклопедия»; ОГИЗ.
265. Фасмер, М. *Этимологический словарь русского языка*. (1986). Т. 1. Москва: Изд-во Прогресс. Редакция литературы по философии и лингвистике. [Дата обращения: 15. 02. 2014.]. Адрес ресурса: <http://etymolog.ruslang.ru/vasmer>
266. *Философская энциклопедия*. [Дата обращения: 15. 02. 2014.]. Адрес ресурса: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/logic/333>
267. *Экспериментальный синтаксический словарь*. Под ред. Л. Г. Бабенко. [Дата обращения: 05. 02. 2014.]. Адрес ресурса: <http://www.slovari.ru/efault.aspx?s=0&p=2847>
268. *Энциклопедия культурологии*. [Дата обращения: 06. 11. 2015.]. Адрес ресурса: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/218/АРХЕТИП
269. *Энциклопедия мифологии*. [Дата обращения: 05. 02. 2014.]. Адрес ресурса: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_myphology/2045#sel=11:6,11:6

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ И ОБОЗНАЧЕНИЙ

Условные сокращения

- АСРЯ – *Активный словарь русского языка*. (2014). Т. 1–2. А–Б, В–Г. Отв. ред. акад. Ю. Д. Апресян. Москва: Языки славянской культуры. Адрес ресурса: <https://ling.hse.ru/news/142176897.html>
- БАС – *Словарь современного русского литературного языка*: в 17-ти т. (1948–1965). Т. 2. (1951). Москва–Ленинград: Академия наук СССР, Институт языкознания.
- БСФРЯ – *Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий*. (2006). Отв. ред. В. Н. Телия. Москва: АСТ-ПРЕСС КНИГА.
- МАС – *Словарь русского языка*: в 4-х т. (1981–1984). Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е издание испр. и доп. Москва: Русский язык.
- МСШ – Московская семантическая школа
- СлОж – Ожегов, С. И. (1989). *Словарь русского языка*. Под ред. Н. Ю. Шведовой. Москва: Русский язык.
- СлЕфр – Ефремова, Т. Ф. (2000). *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный*. Москва: Русский язык. Адрес ресурса: <http://www.efremova.info>
- СлДл – Даль, В. И. (1978). *Толковый словарь живого великорусского языка*: в 4-х т. Т. 1. Москва: Русский язык.
- СлУш – *Толковый словарь русского языка*: в 4-х т. (1935). Т. 1. Под ред. Д. Н. Ушакова. Москва: Гос. и-нт «Сов энциклопедия»; ОГИЗ.
- СП – Семантическое поле
- ЛАЯ – *Логический анализ языка*. (2000–2003). Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. Москва: Индрик.
- НОСС – *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*. (2004). Под ред. Ю. Д. Апресяна. Москва: Языки славянской культуры.
- НКРЯ – *Национальный корпус русского языка*. (2003–2015). Адрес ресурса: <http://www.ruscorgora.ru>
- НШКА – Новомосковская школа концептуального анализа

РусГрам – Проект корпусного описания русской грамматики. (2011). Адрес ресурса: <http://rusgram.ru>

ТФГ – Теория функциональной грамматики

Условные обозначения

Курсив используется в тех случаях, когда речь идет об единице номинации, рассматриваемой как лексема, напр., *вода*.

Полужирный шрифт используется для выделения значения лексемы *вода* как категории, включая ее символическое значение, напр., **вода-жидкость**.

При помощи кавычек выделяется имя ментального феномена (концепта), напр., «вода».

Одиночные (марровские) кавычки используются для акцентуации подзначений лексемы *вода*, выделяемых в рамках категорий подзначения данной лексемы 'водоем', 'поверхность' и т.д.

Прописными буквами обозначаются семантические роли (или актанты), когнитивные (концептуальные) признаки: АГЕНС, ПРОТЯЖЕННОСТЬ, ВМЕСТИЛИЩЕ и т. д.

Marija Birney

**THE REALM OF *WATER* IN I. BUNIN'S PROSE
(A LINGUISTIC AND COGNITIVE ANALYSIS)**

Doctoral Dissertation
Humanities, Philology (04 H)

Redagavo Marija Birney
Maketavo Donaldas Petrauskas

SL 605. 25 sp. l. Tir. 10 egz. Užsak. Nr. 16-020
Išleido ir spausdino Lietuvos edukologijos universiteto leidykla
T. Ševčenkos g. 31, LT-03111 Vilnius
Tel. +370 5 233 3593, el. p. leidykla@leu.lt